

**Методы
изучения
лексики**



Минск 1975

*Методы
изучения
лексики*

*Издательство БГУ им. В. И. Ленина
Минск 1975*

Под редакцией А. Е. СУПРУНА

М 54 **Методы изучения лексики.** Под ред. А. Е. Супруна. Мн., Изд-во БГУ, 1975.

232 с.

Монография содержит характеристику важнейших методов изучения лексики в современном ее состоянии. На конкретных примерах раскрываются возможности использования психолингвистического и компонентного анализа, анализа терминологии, статистических и сравнительно-исторических приемов, словообразовательного и грамматического подхода к исследованию лексики и семантики.

Рассчитана на научных работников, аспирантов и студентов-филологов.

М $\frac{70101-037}{МЗ 7-7}$ 51-75

© Издательство БГУ им. В. И. Ленина, 1975 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга представляет собой опыт коллективной монографии, подготовленной по инициативе кафедры общего и славянского языкознания Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина группой лексикологов, работающих в различных учебных заведениях Минска, прежде всего — в Белорусском государственном университете, а также в Минском государственном педагогическом институте им. А. М. Горького и Мицком государственном педагогическом институте иностранных языков. Хотя отразить в книге все многообразие подходов к анализу лексики, методов исследования лексики и не представилось возможным, авторы ее, сосредоточив внимание главным образом на семантических проблемах и грамматико-словообразовательном аспекте лексики, стремились в сжатой и доступной форме изложить некоторые используемые в современной науке методы лексикологического анализа. Вместе с тем в большинстве разделов не только излагаются различные методики лексикологических исследований, но и предлагаются конкретные примеры проделанных авторами исследований на материале русского, белорусского и частично западноевропейских языков.

В написании книги приняли участие, с одной стороны, крупные белорусские лингвисты — профессора Л. М. Шакур, В. В. Макаров, П. П. Шуба и другие, а с другой — научная молодежь. Поэтому не следует ожидать в работе полного единства взглядов по всем частным вопросам (хотя в общем подходе к явлениям языка и к анализу лексической системы авторы едины).

В книге развиваются идеи, высказанные на конференции по актуальным проблемам лексикологии, проведенной в Белорусском государственном университете в июне 1970 года (см. сборник тезисов «Актуальные проблемы лексикологии». Минск, 1970). На этой конференции, одной из трех главных проблем которой была методика лексикологических исследований, выяснилось, что разнообразные приемы изучения лексики, применяемые минскими лингвистами, представляют собой определенный интерес для изучающих вопросы лексикологии. И хотя данный сборник не исчерпывает и эти методы (следует

указать на семиотически ориентированные работы В. В. Мартынова и историко-лексикологические исследования А. И. Журавского, М. Г. Булахова, В. В. Аниченко, ономастические разработки Н. В. Бирилло, достижения в изучении областной лексики белорусского языка и составлении лексического атласа Ю. Ф. Мацкевич, А. А. Кривицкого, статистические наблюдения учеников Р. Г. Пиотровского, труды по белорусской фразеологии Ф. М. Янковского и др.), он в какой-то мере выполнит такую информативную задачу. Примыкая, таким образом, тематически к названной конференции, наша книга соотносится определенным образом со сборником трудов конференции «Проблемы лексикологии» (Минск, 1973), в котором принял участие и ряд авторов этой монографии.

При написании разделов данной книги перед авторами стояла, однако, не только задача изложения результатов своих исследований, но и задача доступной информации о примененных методиках. Имеется в виду, что студенты, занимающиеся в различных лингвистических (прежде всего, конечно, лексикологических и семасиологических) семинарах, смогут воспользоваться книгой в качестве учебного пособия, своего рода путеводителя по некоторым методикам. В какой-то мере этим обусловлен отбор материала в ней. Имелась тенденция ориентировать книгу в большей мере на современные методы анализа лексики и семантики (дистрибутивные, психолингвистические, статистические, типологические, системные), поскольку традиционные методы нашли более широкое отражение в учебной литературе, а некоторые сложные приемы исследования, в частности этимологического, требуют более широкой языковой подготовки.

Книга содержит главы, посвященные синхронному изучению лексической семантики, статистическому исследованию лексики, грамматическому и словообразовательному аспектам слова, а также историческому исследованию лексики и терминологии. В конце книги помещена сводная библиография в порядке русского и латинского алфавита авторов (и названий). В тексте ссылки на литературу даются посредством указания номера источника из этого библиографического списка. Запятой отделяются, когда нужно, страницы в этом источнике, а точкой с запятой — номера других источников.

В подготовке рукописи к печати, в частности в составлении сводной библиографии, принимали участие Н. П. Сержан, Н. В. Ивашина, Л. Т. Торочешникова, А. В. Посох.

Авторы и редактор книги надеются, что она будет полезной читателям для ознакомления как с методами исследования лексики и их модификациями, рассматриваемыми в работе, так и с некоторыми научными результатами, отраженными в ней.

А. Е. СУПРУН

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И МЕТОДЫ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

А. Е. Супрун

Проблема системности лексики

С самых первых попыток научного познания языка вычленяли три «части» языковой системы и соответствующие им отрасли науки о языке: фонетику, грамматику, лексику. И хотя немногочисленность элементов звуковой системы допускала в принципе замену их систематического описания простым перечнем, что и имело место во многих случаях построения алфавитов, именно описание звуковой системы, наиболее прозрачной по своей структуре из-за неотягощенности звуков прямыми значениями, стало образцом четкого системного описания языковых явлений. Описания грамматики с самого начала должны были ориентироваться на ту или иную систему. Для морфологии в европейской традиции основой такой системы стало учение о частях речи; для синтаксиса — учение о членах предложения и о смысловых оттенках, выражаемых сложными предложениями. Описаний лексики в течение длительного времени, собственно говоря, не делалось. Описания заменялись перечнями. Чтобы как-то упорядочить перечни слов, ориентировались не на внутреннюю структуру лексики, в течение длительного времени до конца не познанную как вследствие многочисленности элементов лексической системы, так и сложности отношений между этими элементами, а на чисто внешнее по отношению к словам свойство — на их звуковой и графический состав. Перечни слов — словари составлялись по алфавиту.

С дальнейшим изучением языка совершенствовались не только знания о фонетической и грамматической системах языка, но и о лексической системе. Выяснялась сложная система значений, присущих чуть ли не каждому отдельно взятому слову. Раскрывались сложные соотношения между значениями слов в разных языках. Становилась более ясной противоречивая и сложная история

значений слов. Пробуждался интерес к этимологической проблематике, причем разработка ее приобретала все более четкую научную основу. Словари становились совершеннее и богаче. Но не будет, вероятно, преувеличением сказать, что лишь за последнее столетие встал вопрос о переходе от списочного представления словаря к подлинному его описанию. Как и во многих других случаях, путь к построению научной лексикологии идет от составления возможно более полных инвентарей слов и их особенностей, через выявление свойств отдельных слов, подлежащих описанию, и отдельных закономерностей, таких, например, как разного типа переносы значения, — к интегральному (пока еще не осуществленному в полной мере) описанию лексики в целом.

В этом смысле лексикология — наука новая; она — порождение развития лингвистики последних десятилетий. И вместе с тем это наука еще не завершенная. Мы стоим только у порога создания общих описаний лексических систем разных языков. И потому особенно существенны для лексикологических исследований вопросы методов исследования, методов изучения лексики.

Все современное языкознание пронизано идеей системности языковых фактов. Если признание системного характера звукового строя языка и его грамматики не вызывало сомнений, то относительно системности лексики еще недавно шли споры. Суть этих споров состоит в первую очередь в том, что высказываются сомнения в самом факте системности лексики.

Попробуем ответить на этот вопрос исходя из основной функции языка — коммуникативной. Пусть перед носителем языка поставлена задача построить некоторую фразу. Известно, что на построение фразы человек затрачивает определенный отрезок времени. За это время человек подбирает необходимые для данной фразы слова. Если словарь языка представляет собой неупорядоченное множество слов, то для подбора каждого очередного слова ему приходится перебирать все слова языка, до тех пор пока носитель языка не встретит нужное ему слово. Коль скоро мы признаем, что лексика языка состоит из нескольких десятков тысяч единиц, нетрудно установить, что для такого полного перебора понадобится довольно значительное время. Если, допустим, на «просмотр» одного слова потребуется всего лишь 0,01 сек, то для выбора пяти слов для фразы из двадцатитысячесловного сло-

варя потребуется, видимо, не менее 50 сек. А на деле для произнесения такой фразы затрачивается едва ли более 5 сек. Отсюда следует, что для подбора слов используется гораздо более совершенный механизм. Естественно предположить, что важной особенностью его является упорядоченность элементов, среди которых осуществляется поиск. А упорядоченность эта и есть система. Не будем пока разбирать вопрос о том, какова эта упорядоченность. Он достаточно сложен. Сделаем лишь вывод, что для успешного функционирования языка в качестве средства общения его лексика должна быть определенным образом организована. Иначе говоря, лексика не может не быть системной, коль скоро словарь языка успешно используется в процессе его функционирования.

Но возможно системность не есть собственное свойство словаря? Системен мир, отражаемый словарем, и лишь потому системен словарь. Это — очень серьезное возражение, ибо не вызывает сомнений тот факт, что словарь отражает действительность более непосредственно, нежели грамматика. И, вероятно, система словаря действительно не может не отражать в той или иной степени системность мира. Но сводится ли системность словаря к системности действительности? Отвечая на этот вопрос, необходимо учесть, по крайней мере, следующие обстоятельства. Во-первых, системность словаря может отражать лишь познannую системность мира. Во-вторых, системность словаря может отражать и такие системные отношения в действительности, которые лишь предполагались человеком на том или ином этапе познания, но потом не подтвердились. И наконец, способы систематизации лексических единиц в словаре и явлений в действительности различны даже по своей природе. Потому, как представляется, на вопрос о непосредственной и полной сводимости системности словаря к системности действительности можно ответить отрицательно. Иной вопрос, что отношения между явлениями действительного мира могут найти те или иные выражения в отношениях между единицами словаря, что в некоторых фрагментах словаря, например, в терминологии система словаря и система отражаемого им фрагмента действительности (а точнее — познannая система фрагмента действительности) практически совпадают. Но когда речь идет о словаре естественного языка в целом, то следует, вероятно, признать, что хотя в нем отражаются системные отношения, присущие действи-

тельности, однако связи между словами в словаре не являются простыми кальками этих отношений. Дело состоит, по-видимому, прежде всего в том, что функциональное использование языка и его сложная организация в целом требуют некоторых специфических языковых способов систематизации лексических явлений.

В системной организации словаря, видимо, действуют различные факторы. Ни у кого не вызовет сомнений такой факт, что слова *брат* и *сестра* связаны некоторым образом в словаре между собой. Связаны достаточно тесно между собой и такие, например, слова, как *понедельник*, *вторник*, *среда*, *четверг*, *пятница*, *суббота*, *воскресенье*. И конечно, связаны между собой довольно тесно такие слова, как *один*, *два*, *три*, *четыре*, *пять*, *шесть*, *семь*, *восемь*, *девять*, *десять*, *двадцать*, *тридцать*, *сорок* и т. п. Но, с другой стороны, едва ли можно и нужно оспаривать, например, связь между словами *плыть*, *доплыть*, *заплыть*, *отплыть*, *переплыть* или между словами *два*, *двойка*, *двойной*, *двухэтажный*, *двухметровый*, *двухлетний*, *двести*, *удвоить*, *сдвоить*, *дважды*, *вдвое*, *вдвоем* и пр. И нет сомнений в том, что имеется связь между словами *двухэтажный*, *трехэтажный*, *четырёхэтажный*, *десятиэтажный*, *многоэтажный* и т. п. Как видим, семантические и словообразовательные (а точнее, вероятно — морфематические) связи между элементами словаря играют роль в связанности этих элементов, а значит, в организации словаря.

Этими факторами, однако, не ограничиваются те принципы, на которых основывается организация словаря. Для использования при построении текстов существенны, конечно, грамматические свойства слов, а потому и систему частей речи, в которой отражаются грамматические свойства слов, следует рассматривать как своеобразный способ классификации слов [270], т. е. один из аспектов системной организации словаря. Но и статистические свойства слов, прежде всего их частота, небезразличны для функционирования словаря, так же как и свойства стилистические, а потому и эти параметры отражаются, видимо, в системной организации лексики [140]; 297; 198, 394—455].

Таким образом, можно говорить о многомерности системной организации лексики, понимая в данном случае под измерениями такой системы крупные факторы, определяющие положение лексической единицы в системе

языка. Видимо, этим обстоятельством и объясняется не только наличие, но и необходимость разностороннего подхода к изучению лексики, возможность построения ряда классификаций лексики и важность совмещения различных подходов к анализу словаря.

Лексика и семантика

Рассмотрение любых лексических явлений начинается едва ли не с их семантики. Нередко даже происходит определенное отождествление лексики и семантики, а скорее — лексикологии и семасиологии. Однако для такого отождествления нет оснований. Будет, вероятно, справедливым противопоставить в любом языковом знаке прежде всего план выражения и план содержания.

План выражения языкового знака в лингвистическом отношении — это прежде всего «звуковая материя» языка, те звуковые средства, путем сочетания которых передается то или иное содержание. Постольку, поскольку при помощи этих средств осуществляется передача языкового содержания, устанавливается определенное соотношение между единицами плана выражения и планом содержания. Единица плана выражения — фонема является той кратчайшей звуковой единицей, при помощи которой различается содержание (значение) различных языковых знаков. Сама по себе фонема не имеет значения, она лишь может использоваться для различения значения иных, значащих единиц языка. Но любые языковые знаки существуют лишь постольку, поскольку они получают то или иное выражение. Любые языковые явления, следовательно, обладают фонетической стороной. Можно, вероятно, говорить, что в принципе фонетика едина для всего языка, хотя очевидно и то, что имеются определенные особенности в использовании звуковых средств для передачи различных языковых явлений. Так, к примеру, корень слова (или основа его) в тюркских языках находится в сильной позиции по мягкостной корреляции звуков, в то время как суффиксы находятся в слабой позиции, уподобляясь в этом отношении корню. Любые языковые значения находят то или иное воплощение в плане выражения.

Но, с другой стороны, любые языковые знаки имеют смысл существования лишь в том случае, если они обладают значением. Невозможно представить себе языковые

знаки, лишенные значения. Если в тексте употребляется такой не имеющий значения знак, получатель все равно стремится приписать и такому знаку то или иное значение [62, 82 сл.]. Следовательно, как и звуковое воплощение, наличие значения — необходимая черта любого языкового знака. Языковой знак двусторонен.

Сказанное касается как знаков, которые принадлежат к лексике, так и знаков, которые относятся к грамматике. Существует немало определений, в которых с большей или меньшей полнотой и четкостью делается попытка отграничить явления лексические и грамматические. К числу характерных различий лексических и грамматических явлений относится регулярность грамматических значений. Регулярность можно понимать в том смысле, что некоторое явление характеризуется наличием ограниченного числа противопоставлений, носителем которых является неограниченное число фактов [67, 20]. Так, к примеру, противопоставление существительных по роду имеет в белорусском языке три члена, носителями же его являются почти все (кроме употребляющихся только во множественном числе) существительные (т. е., учитывая возможности словообразования, — незакрытый список). Регулярным является и образование уменьшительных существительных: они образуются тоже от неограниченного жестко числа существительных. Вероятно, регулярность следует считать основным признаком категориальности: категория должна обязательно реализоваться регулярно. Поскольку грамматические значения категориальны, следует, видимо, считать регулярность необходимым признаком грамматических значений. Вместе с тем регулярность не является достаточным признаком грамматических значений: кроме категорий грамматических, можно говорить еще о категориях словообразовательных, а возможно, и некоторых других (например, лексических, таких, как некоторые «лексические функции» [94, 198 сл.]). И. А. Мельчук выдвинул в качестве принципиального признака грамматических значений их обязательность [23, 34]. Так, к примеру, коль скоро мы используем в русском языке некоторое существительное второго склонения в винительном падеже, мы обязательно должны выразить его одушевленность или неодушевленность. В английском языке выражение одушевленности не обязательно; мы можем, конечно, специально указать, что некто видит «одушевленного» приятеля, но это не обязательно. В этом случае

речь идет не о грамматическом, а о лексическом факте (под лексическими значениями целесообразно понимать такие, которые не являются грамматическими, т. е. не обязательны, и не являются синтаксическими, т. е. не служат лишь для выражения отношений между другими языковыми элементами (об этом подробнее см. [270, 73]).

Как регулярность, так и обязательность выражения некоторых значений не являются абсолютными, жестко определяемыми величинами. Практически нередко приходится сталкиваться с разными степенями регулярности и обязательности. Ведь в приведенном определении регулярности неясно, на сколько или во сколько должно быть больше фактов, чем противопоставлений. А бывают подчас такие противопоставления, которые осуществляются во всех возможных случаях, но таких случаев мало. С другой стороны, известно, что нередко те или иные грамматические противопоставления нейтрализуются, а следовательно, их выражение перестает быть обязательным. Так, к примеру, обстоит дело со словами общего рода в русском или белорусском языке. Отсюда вытекает целесообразность динамического подхода к различению грамматического и лексического. Конечно, в языке большинство фактов таковы, что о них можно твердо сказать, являются ли они грамматическими или же лексическими. Но есть и переходные случаи.

В отличие от противопоставления плана выражения и плана содержания (звучания и значения), противопоставление лексического и грамматического менее жестко. Сказанное о соотношении звучания и значения, грамматики и лексики схематически может быть представлено следующим образом (см. схему 1).

Звучание	
Лексика	Грамматика
Значение	

Схема 1

Языковые знаки всегда имеют определенное звучание и выражают некоторое значение, лексическое или/и грамматическое по своей характеристике.

Рассматривая проблематику, связанную с изучением слова, полезно учесть многозначность термина *слово*. В науке известно большое количество определений слова, ни одно из которых, видимо, не есть исчерпывающим и достаточным. Для уточнения связанных со *словом* понятий вводится ряд дополнительных терминов; некоторые из них полезны, особенно тогда, когда важно подчеркнуть их дифференцированность. В тексте мы встречаемся со *словоупотреблениями*. Словоупотребление может рассматриваться как представитель *словоформы* (по терминологии И. Ф. Вардуля, словоупотребление — глосса, а словоформа — глоссема). Совокупность словоформ, обладающих одинаковым лексическим значением, называют *лексемой*, а совокупность лексем многозначного слова — *вокабулой* (слово как словарная единица) [48]. Иногда важно отметить также, что «*слово* в аспекте лексикологическом, или, вернее, семасиологическом, является единством *лексемы* и *семемы*. В плане выражения слово — *лексема*, в плане содержания — *семема*. Под *лексемой*, таким образом, нужно понимать лишь звуковую оболочку слова, а под *семемой* — его содержание» (Н. И. Толстой [286, 30]). Ясно, что в этих двух случаях в термин *лексема* вкладывается несколько различное содержание, хотя нельзя считать их совершенно противоречащими друг другу. И. Ф. Вардуль показал, что «число словоформ в слове для каждого лексического значения определяется отдельно» (например, грамота «документ» имеет 12 словоформ: два числа и 6 падежей, а грамота «умение читать и писать» — 6 словоформ — нет мн. ч.) [48]. Поэтому едва ли удобно считать, что омоним — одна лексема с двумя семемами [286, 1, 30]; лексема (план выражения) слова *лук* «вид оружия» не вполне совпадает с лексемой слова *лук* «растение»: в первом случае она включает словоформы множественного числа, а во втором — нет. Лексикологический же аспект слова нельзя полностью отрывать, как видно из этого примера, от грамматического. Проводя терминологическую дифференциацию понятий, группирующихся вокруг центрального понятия «слова», следует еще отметить такое существенное понятие, как *вариант слова* (фонетические варианты: *шкунa* — *шхуна*, *шкап* — *шкаф*; морфологические варианты: *удаль* — *удальство*, *католичество* — *католицизм* и пр.), подробно рассматриваемое О. С. Ахмановой [20].

Проблематика, связанная с различными аспектами рассмотрения слова, была и остается в центре внимания лингвистов. Значительный вклад в ее разработку внесен за последнее время как советскими, так и зарубежными лингвистами: В. В. Виноградовым [57; 58, 13 сл.], А. И. Смирницким [249], Л. А. Булаховским [44], В. М. Жирмунским [92], Р. А. Будаговым [38, 5—136], В. А. Звегинцевым [100], С. Д. Кацнельсоном [119], Л. Ельмслевом, Е. А. Найдой, Дж. Ферсом, Ч. Фризом [197, в. 2], С. Ульманом [197, в. 2 и 5], У. Вейнрейхом [197, в. 5], Е. Куриловичем [142], В. Дорошевым [348] и многими другими учеными [312; 19; 146; 298; 328; 16; 130; 226; 252; 259; 229; 307; 276]. На большом практическом опыте лексикографической работы основаны выводы и наблюдения ученых, изложенные в работах, посвященных анализу основ лексикографии, особенно важные потому, что они зиждятся на базе сплошного обследования словарных составов языков. Среди них следует назвать краткую, но необычайно содержательную работу Л. В. Щербы [332], книгу Х. Касареса [118] и другие работы [32; 181; 368; 64].

Принимая во внимание дифференциацию различных аспектов термина и понятия слова, следует вместе с тем учитывать высказывание Ф. де Соссюра: «Слово, несмотря на трудность определить это понятие, есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму как нечто центральное во всем механизме языка» [256, 111].

Некоторые аспекты содержания слова

Лексикологический анализ слова невозможен без учета его содержания. Если рассматривать слово как разновидность языкового знака, можно дать характеристику аспектов плана содержания слова, используя положения общей теории знаков — семиотики. Утвердившееся (вслед за Ч. Пирсом [376, 101] и Ч. Моррисом [183, 340]) выделение таких разделов семиотики, как синтактика, семантика и прагматика (изучающих отношения знака к другим знакам, к обозначаемым объектам и к человеку и его поведению), было подвергнуто критическому анализу Г. Клаусом [122, 13—19], который предложил отличать семантику (отношение к отражению объекта) от сигматики (отношение к объекту), что, однако, вызвало обоснованные возражения Ю. С. Степанова [260, 158]; факты языка,

видимо, соотносятся все же не с самими объектами, а с их мыслительными отображениями. Но с лингвистической точки зрения, хотя это обычно не замечается, едва ли допустимо смешение отношений между знаками в тексте и в системе. В связи с этим выдвинутая Г. Клаусом мысль о четырех аспектах языкового знака представляется плодотворной, хотя и требует внесения коррективы. Замена в формулировке Клауса отражения значением [37, 59] не решает проблемы. Можно предложить такую характеристику четырех аспектов языкового знака (в данном случае — слова): отношения к отражаемой действительности (сигматика), отношения к носителям языка и их проведению (прагматика), отношения к другим знакам в тексте (синтактика) и отношения к другим знакам в системе (семантика). Семантика в этом случае определяется как место данного элемента в системе однородных с ним элементов, что представляется вполне допустимым.

Выделяя три компонента внутренней структуры языкового знака (без различения сигматики и семантики), И. А. Мельчук удачно характеризует синтаксический компонент как «сведения о правилах комбинирования данного знака с другими знаками», а к прагматическому относит «сведения о правилах употребления знака с учетом тех или иных особенностей данной речевой ситуации, свойств говорящего и /или слушающего и т. п.; сюда же могут входить сведения о внутренней форме знака, о психологических ассоциациях, связывающих данный знак с другими знаками и мн. др.» [175, 426—427].

Нетрудно заметить, что в предлагаемой характеристике прагматический и синтаксический аспекты касаются использования, употребления слова. В то же время семантический и сигматический аспекты характеризуют слово безотносительно к его непосредственному использованию. Прагматика и сигматика характеризуют слово со стороны его внелингвистических связей, а семантика и синтактика — со стороны его внутрилингвистических особенностей. Схематически эти отношения слова (языкового знака) можно передать примерно так (см. схему 2).

Рассмотрение аспектов плана содержания языкового знака показывает, что не все они в одинаковой мере доступны наблюдателю. Известно, что данность, которой располагают лингвисты прежде всего, — это текст. Таким образом, прежде всего лингвисты могут использовать такие

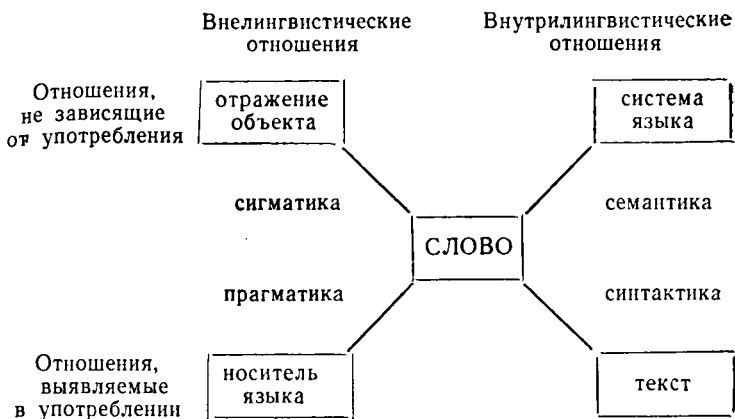


Схема 2

приемы анализа содержательной стороны языковых единиц, которые связаны с анализом текста. Такими приемами являются разного рода дистрибутивные методики, построенные на учете совместной встречаемости слов, разрабатываемые в советском языкознании, например, А. Я. Шайкевичем [311], Ю. Д. Апресяном [17], Р. Г. Пиотровским [257, 108—120], Н. Д. Андреевым [12] и др. [239, 90—103; 269; 218; 194, 130—132, 163—166].

По сути дела дистрибутивный анализ семантики положен и в основу многих лексикографических описаний лексики. Так, двадцать миллионов карточек большого (одиннадцатитомного) польского толкового словаря, конечно, довольно полно представляют дистрибутивные свойства слов, включаемых в словарь. На дистрибуции основана и идея того русского толково-комбинаторного словаря, который разрабатывается рядом лингвистов во главе с А. К. Жолковским, И. А. Мельчуком и Ю. Д. Апресяном [94; 18].

Интересно, однако, что в старину словари составлялись иными путями. Российская академия, например, собиралась и обсуждала определения значений, которые надлежало давать словам в составлявшемся ею академическом словаре. А до того Памва Беринда или другой составитель словаря решал проблемы значений, основываясь на своей собственной интуиции. Так оказывалось, что не столько дистрибуция, сколько представления носителя (или объективнее — группы носителей) языка клались

в основу словарных определений. Без этого, вообще говоря, не обходятся и составители нынешних больших словарей с их огромными картотеками, к которым добавляется здравый (всегда ли?) смысл составителей. Бесспорно, что отношения между носителем языка и словом составляют существенный аспект содержательной стороны словесного знака.

Особенно важен прагматический аспект при использовании таких знаков, например, как местоимения, но своеобразное отношение к знаку проявляется и в других случаях. Именно личностное употребление языкового знака придает специфические акценты, связанные и с ассоциативными структурами употребляемых слов в данном языковом коллективе, и с языковыми воспоминаниями участников речевого акта, и с целью высказывания, и со многими другими факторами. Употребляя те или иные слова, мы в состоянии выдвинуть какие-то семантические элементы на первый план, что-то подчеркнуть или, напротив, ослабить. Об этом хорошо сказано словами поэта в шестой сцене третьего акта роستانовского «Сирано де Бержерака»:

...Когда я с вами вместе,
Я отыщу десятки слов,
В которых смысл на третьем месте,
На первом — вы и на втором — любовь.

Причем, это важно отметить, далеко не всегда речь идет о привнесении фасцинации; речь идет и о перестановках семантически значимой информации (о фасцинации в соотношении с семантически значимой информацией [37, 78—79]).

Через прагматический аспект происходит познание семантики в экспериментальной психолингвистике. Некоторые психолингвистические методики изучения значений, восходящие к И. А. Бодуэну де Куртенэ [35, т. 2, 56—66], Л. В. Щербе [99, ч. 2, 361—373], Л. С. Выготскому [66], успешно могут использоваться для анализа семантики.

Прямое соотнесение слов с предметами, ими обозначаемыми, имеет место в исследованиях диалектной лексики и семантики, когда информантам, носителям диалектов, задаются традиционные вопросы «Как это называется?» или «Что означает это слово?» [210; 111]. Однако, как показывает опыт семасиологических исследований, такое соотнесение — далеко не простое, а подчас и почти невыполнимое дело, когда речь заходит о повседневно употре-

бительных словах (ср., например, определение слова *стол*). В связи с этим в последние десятилетия в лингвистике получило распространение представление о том, что значение слова — явление сложное, могущее быть расчлененным на некоторые части (семы, элементарные смыслы, семантические множители, семантические дифференциальные признаки, компоненты или составные значения и т. д.). На этом основаны разновидности компонентного анализа, построенные чаще всего на том или ином соотношении анализируемых слов с явлениями действительности.

Строгий логический анализ понятийно-терминологических систем дает возможность описания систем терминов по тем элементам значения, которые в них вычлениются [241]. Но гораздо труднее осуществить такой анализ применительно к словам естественного языка, далеким от терминологичности, в связи с чем более пригодными для анализа естественных языков оказываются методики, построенные не на логическом априорном выделении элементарных смыслов, а на выявлении элементов значения, дифференцирующих одно слово от другого с точки зрения его значения (в рамках одной языковой системы или родственных систем [286; 262; 391]).

Дистрибутивный, психолингвистический и компонентный анализы лексики взаимно дополняют друг друга и являются средствами раскрытия системных отношений лексики, т. е. ее семантики. Хотя каждый из этих видов анализа не может дать исчерпывающей картины лексики, несомненно, что те картины семантических отношений, которые создаются при их помощи, определенным образом коррелируют между собой (о корреляции психолингвистических и дистрибутивных результатов см. [271], о корреляции данных психолингвистических и компонентных, а также о дистрибутивных воплощениях компонентного анализа см., например, [123, 153—163]). Можно предположить, что в соотношениях различных подходов к описанию лексической семантики находит свое лингвистическое отражение выдвинутый Нильсом Бором принцип дополнительности (о его использовании применительно к лингвистике писал В. А. Звегинцев [101, 28—31]). Дело в том, что, вообще говоря, наличие корреляций между результатами анализа по разным путям не дает возможности говорить о полной сводимости этих результатов. Семантическая картина, которая возникает в результате

дистрибутивного анализа, соотносится с той, которая возникает в результате психолингвистического или компонентного анализа, но не равна ей, и все они не сводимы в некоторую единую картину. Несводимость в единую картину связана с тем, что как будто бы каждый из подходов к анализу семантики дает возможность описания одного и того же, но на деле это «одно и то же» оказывается не вполне тождественным в результатах, получаемых при помощи разных инструментов анализа. И конечно же, как и у Бора, теснейшее взаимодействие лингвистических и «измерительных приборов» с объектом исследования в получаемых результатах ведет к невозможности отделения субъекта от объекта наблюдения в лингвистических результатах тогда, когда речь идет о содержательной стороне языковых явлений, о семантике.

Синтаксический и прагматический аспекты содержания слова связаны с его употреблением. Но в употреблении слова, в его функционировании отражаются не только собственно-семантические особенности слова, но и другие его свойства, в частности — статистические, грамматические, структурно-морфемные и др. В процессе функционирования слова происходят также изменения в содержательной и выразительной стороне слов, являющиеся предметом исследования исторической лексикологии и этимологии. Хотя место слова в описании языка в значительной мере определяется его местом в системе языка, слово возникает и существует не просто для того, чтобы заполнить собой клеточку в системе, а для того, чтобы употребляться в текстах, использоваться в процессе общения для передачи информации.

Некоторые вопросы употребления слова

Анализируя даже небольшой текст, нетрудно убедиться в различной употребительности слов. В поэме М. Ю. Лермонтова «Мцыри» 3172 словоупотребления, но только 1228 разных слов (данные И. Мазовко). Слово *и* встретилось в поэме 201 раз, *я* — 173, *он* — 106, *в* — 98, *быть* — 47 и т. д. Обращение к другим текстам убеждает в том, что различная частота употребления слов отражает определенные закономерности, как присущие данному языку, так и имеющие общелингвистический характер. Данные о частоте отражают вероятности появления в тексте тех или иных слов. Появление слова в тексте, разу-

меется, диктуется отнюдь не только его вероятностью, но прежде всего требованиями к содержанию текста. Но в тех случаях, когда содержание позволяет использовать не одно, а два или несколько слов, т. е. возникает синонимическая ситуация [217, 160 сл.], в построении текста начинают действовать вероятностные критерии (о понятии вероятности см., например: [120; 335]). В этом отражается в конечном счете вероятностная организация не только текстов [304; 50], но и механизмов речи [11]. Дело в том, что большая надежность в передаче языковой информации достигается в значительной мере благодаря дублированию многих жизненно важных каналов ее передачи, в том числе и путем дублирования в языке многих возможных средств языкового воплощения одной и той же в принципе информации. Одни из этих средств оказываются более употребительными, другие — менее, что и отражается в конечном счете в частотности слов. С другой стороны, совершенно очевидно, что одни ситуации в действительности повторяются, а потому и описываются весьма часто, в то время как другие имеют место значительно реже, что и ведет к существенным различиям в частотности неравнозначных элементов. Исходя из сказанного, следует подчеркнуть, что частота слов, отражающая вероятность появления их в текстах, не является чисто внешней характеристикой, но служит очень существенным свойством слова, связанным с особенностями его хранения в памяти и вступления в действие в процессе порождения текстов.

Вот почему изучение статистических характеристик текстов является неотъемлемой частью современного описания лексики.

Само собой разумеется, что статистические закономерности в построении текстов не могут носить абсолютного и жесткого характера. Они по природе своей статистичны (о понятии статистических закономерностей говорится во многих работах по математической статистике и ее приложениям, например: [116; 273; 231]). Нарушения статистических закономерностей построения текстов представляют собой своеобразную закономерность. Они свидетельствуют не только о речевых или психических расстройствах [50, 145 сл.], но являются своеобразным средством организации текстов особого рода, текстов поэтических. В связи с этим следует подчеркнуть совершенно особый характер проявления статистических закономерностей словаря в художественных произведе-

ниях, требующих применения особых и более тонких статистических инструментов анализа. Поэтические тексты — особый вид текстов, в которых слово выступает в совершенно особой функции: оно не только служит здесь для прямой передачи языковой информации, но и для того, что может быть охарактеризовано как «заражение» читателя или слушателя, «зажигание» в нем мыслей и чувств, отзывающихся на прочитанное (услышанное). В связи с этим лингвистический анализ художественного текста не представляет собой задачу подменить другие способы познания особенностей художественного произведения, всего его богатства (как, впрочем, не может этого сделать и любой другой анализ, ибо произведение богаче его анализа подобно тому, как явление богаче закона). Лингвистический анализ является необходимым этапом в познании закономерностей структуры поэтического текста, с разных сторон вскрывающим различные аспекты поэтического использования слова в плане его отличия от непозитивного использования, также в плане его действительности, соотношения элементов текста и отражаемого им содержания и во многих других планах (см., например: [213; 214; 212; 60; 91; 45; 331, 26—44, 97—109]).

Аспект анализа поэтического использования слова находится в теснейшей связи со стилистическим расчленением словаря, точнее некоторых его сфер, а также со стилистической дифференциацией словоупотребления. Слово не мыслится вне тех или иных стилистических особенностей его использования. Однако анализ стилистического использования слова весьма целесообразен в рамках характеристики стилей, поскольку в рамках характеристики словаря неизбежно нивелируются многие существенные стилистические свойства слова (ср. [72]).

Грамматический аспект использования слов в тексте тесно связан с их грамматическими свойствами, которые и манифестируются в процессе использования слов в текстах. Грамматические свойства слова отражают в определенной мере и его лексическое содержание. Не случайно В. В. Виноградов подчеркивал, что его учение о частях речи — это грамматическое учение о слове [58, 1]. С лексикологическим анализом слова связан и словообразовательный, а особенно морфемный анализ его [314; 106; 284]; путем этого анализа устанавливаются, в частности, исторические и синхронные связи между однокоренными словами, устанавливаются некоторые связи между воз-

никновением и использованием слова (ср., например, обычную нежелательность повторения однокоренных слов в рамках короткого фрагмента текста из-за боязни тавтологии), морфемика связана и с таким аспектом организации лексики, как отношения центральной и периферийных частей словаря.

Различные особенности соотношения плана содержания и плана выражения в слове находят свое отражение в функционировании слова. Так, собственные имена, с одной стороны, и устойчивые сочетания, с другой, оказываются своеобразными полюсами отношений планов содержания и выражения. Собственное имя имеет весьма своеобразный план содержания. Поэтому не семантика имени собственного составляет специфику его функционирования, а другие свойства. При заимствовании имени собственного нет обычно проблемы «семантического освоения», но проблематика «фонетического и грамматического освоения» имени собственного вполне аналогична такой же проблематике для заимствованных нарицательных. С другой стороны, для фразеологизмов существенна прежде всего семантика, место их в системе языка, особенности соединения планов содержания компонентов, составляющих фразеологизм в едином целом. Фонетика для фразеологизма практически не существенна. Эти своеобразные отношения собственных имен и фразеологизмов нашли свое отражение в распространении специфического исследовательского к ним подхода, в развитии таких дисциплин, как топонимика, ономастика [196; 267; 95; 29], с одной стороны, и фразеология — с другой [219; 65; 230; 315]. Следует подчеркнуть, что фразеология как учение об устойчивых сочетаниях слов не может рассматриваться в отрыве от учения о лексической сочетаемости вообще [133] и рассматривается как его часть. Лексическая сочетаемость тем более важна для лексикологии, что в сочетаемости отражаются дистрибутивные свойства слов, их синтаксические возможности. И потому как изучение скольжения по шкалам устойчивости и идиоматичности сочетаний слов, так и исследование изменения свойств лексической сочетаемости способствуют раскрытию различных сторон лексики и ее системы.

Но если фразеологизмы и собственные имена оказываются своеобразными полюсами оси отношений планов содержания и выражения, то специфическую экваториальную точку на этой оси стремится занять термин с его

нацеленностью на одно-однозначное соответствие плана содержания и плана выражения, с его отрицанием многозначности и синонимии. А потому становление таких идеальных одно-однозначных систем и их функционирование представляют значительный интерес хотя бы в том плане, что подобные отношения плана содержания и плана выражения, идеальные лишь в терминологической теории, нехарактерны для языковой практики. Все это вызывает немалый интерес к такому своеобразному фрагменту лексики, как терминология [63; 163; 281; 110; 112].

В процессе повседневного употребления слов, в практике непрерывного функционирования языка происходит постепенное накопление тех, сначала незначительных сдвигов, смещений в их использовании, которые приводят ко все более значительным и существенным изменениям в сочетании с другими словами, в словоупотреблении, в значении, в понимании морфемного состава слов. Именно процесс функционирования языка, процесс его повседневного использования в целях передачи информации между носителями языка является той реальной формой существования языка, в ходе которой происходят изменения, регистрируемые лишь в диахроническом плане его рассмотрения. Но для научного изучения лексикологии представляет интерес, разумеется, не только лексика в процессе ее функционирования, но и ее развитие, изучаемое как в историческом, так и в сравнительном аспектах, в этимологическом и в типологическом планах. Важно при этом отметить, что именно в историческом изменении лексики проявляется теснейшая связь между языком и сознанием, а потому становление и эволюция лексических систем представляют исключительный интерес не только для наук о тех или иных конкретных языках, но и для науки о человеческом языке вообще.

СИНХРОНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИКИ

ТИПЫ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВА

Б. И. Косовский

Общее понятие значения слова. Под значением слова следует, по-видимому, понимать исторически образовавшуюся связь между звучанием слова и тем отображением предмета или явления, которое происходит

в нашем сознании [217, 83]. С этой точки зрения значение слова, его внутреннюю, содержательную сторону следует рассматривать как известное мыслительное образование, результат абстрагирующей работы мышления. Это обусловлено самим характером человеческого восприятия. Анализ психологии восприятия показывает, что среди свойств предмета наблюдатель выделяет одно или небольшое количество свойств или совместимых признаков в качестве наиболее информативных. Некоторые из этих свойств он превращает в оперативные единицы восприятия [238, 80]. При этом процесс выделения признаков может быть более или менее осознанным. Иногда этот процесс объясняется «активной доминантой сознания», «установкой». Например, при восприятии движения каждый аспект его выделяется по какому-либо различительному признаку (способу передвижения, направлению и т. д.). Различительные черты внутри данного аспекта несовместимы. Выделяемые при восприятии денотата (предмета.— Б. К.) различительные черты аспектов и кладутся в основу его наименования [233, 25].

Значение слова как совокупность нескольких взаимосвязанных значений. Определением значения слова как известного мыслительного образования ограничиться, однако, нельзя. В современной семасиологии, т. е. лингвистической дисциплине, которая и занимается исследованием содержательной стороны слова, значение его рассматривается как сложный объект, скрывающий несколько более простых объектов [16, 106]. Иначе говоря, то, что мы называем значением слова в целом, представляет собой совокупность нескольких значений, неразрывно связанных между собой и обеспечивающих возможность употребления слова. При этом отдельные типы значений не имеют автономных названий: термин «значение слова» употребляется в более широком и более узком смысле. Но это не вызывает затруднений, так как на нужный тип значения в каждом отдельном случае указывает контекст соответствующего атрибутивного словосочетания (лексическое значение, синтаксическое значение и т. п.). В процессе дальнейшего изложения мы также будем следовать этой достаточно укрепившейся традиции.

Различие лексических и грамматических значений. В типологии значений слова нужно прежде всего обратить внимание на различие лексических

и грамматических значений. Это связано с тем, что слово является основной грамматической единицей в морфологии и в словаре; тем самым каждое слово представляет собой сложную лексико-грамматическую единицу [80, 303]. Целесообразнее всего, как нам представляется, различать грамматические и лексические значения с точки зрения их обязательности для языка. Подобный подход к решению этого вопроса предлагает И. А. Мельчук. Все значения с этой точки зрения разделяются на обязательные и необязательные. Те конкретные значения, выражение которых является обязательным для данного языка, представляют собой грамматические значения. Те же значения, выражение которых не является обязательным, следует считать неграмматическими, или лексическими значениями [23, 34].

Что следует понимать под обязательностью грамматического значения? Обязательными грамматическими значениями являются те, без которых нельзя употребить слова, относящиеся к известным классам. Например, в русском и белорусском языках существительное не может быть употреблено вне категории рода. Следовательно, значение рода у имени существительного в этих языках является обязательным. Аналогичное положение со значениями числа в тех же и ряде других языков. Например, в русском языке каждое существительное выступает в форме единственного или множественного числа. Следовательно, для русского языка можно говорить и о грамматичности категории числа. В отличие от этого лексические значения обязательны только для отдельных слов, тех, которые этими значениями обладают.

Определение грамматических и неграмматических значений, предложенное И. А. Мельчуком, позволило разрешить ряд спорных вопросов. Стало ясно, в частности, что категории рода и числа в русском языке — это грамматические явления. Обнаружилось и очевидное различие между родом русских существительных и теми явлениями, в которых иногда ошибочно видят «род» в тюркских и многих других языках. Например, в английском языке есть различные слова для обозначения ребенка мужского пола и ребенка женского пола: *boy* и *girl*. В киргизском имеются отдельные слова для наименования мужчины *эркек* и женщины *аял* и т. д. Но эти обозначения не могут считаться грамматической категорией: они не обязательны [268, 77].

Сигнификативное значение слова. Лексическое значение слова объединяет, в свою очередь, два тесно связанных друг с другом значения: сигнификативное и денотативное.

Сигнификативное значение — это отношение словесного знака к сигнификату или понятию. Сигнификативное значение является центральным типом значения слова, так как каждый знак должен быть носителем известного содержания. С логической точки зрения сигнификат представляет собой совокупность оперативных единиц восприятия или тех наиболее существенных признаков, которые необходимы для выделения и распознавания предмета. Отбор этих важнейших признаков и происходит в результате той абстрагирующей работы мышления, которая, как уже отмечалось, фиксируется во внутренней, содержательной стороне слова. Например, сигнификат слова *занавеска* можно определить как «изделие из ткани для завешивания окна или двери, отгораживания чего-либо» [244, т. 2]. В этом определении совершенно отчетливо выступают главные «оперативные» признаки данного восприятия: материал изготовления и назначение предмета.

Еще пример. В одном из толковых словарей современного английского языка орангутанг описывается следующим образом: *A large long armed ape found in Borneo and Sumatra* — «Большая длиннорукая обезьяна, живущая на Борнео и Суматре». Здесь, таким образом, отмечаются три основных информативных признака этого понятия: величина, длиннорукость, место обитания [358, 875].

Но наряду с элементарными могут существовать научные понятия, которые в отдельных случаях являются дальнейшим развитием обиходных понятий, иногда же возникают независимо от них. Например, понятие «атом» еще в словарях XIX в. толковалось как мельчайшая, далее неделимая частица вещества, как «вещество в крайних пределах делимости своей, незримая пылинка из каких будто бы составлены все тела» [84, 29; 36, 617—618]. Дальнейшее изучение свойств атома привело к образованию научного понятия, в соответствии с которым атом с физической точки зрения является сложной материальной системой, состоящей из ядра и электронов.

Естественно, что огромное количество научных понятий возникает в процессе научных исследований вне всякой связи с обиходными понятиями. Этим, однако, не исключается возможность известной популяризации на-

учных понятий, проникновение их в сферу бытового общения.

Именно сигнификаты как семантические единицы языка и являются объектом изучения в семасиологии. Далее уже простирается область других наук. Уже А. А. Потебня отмечает, что языкознание, не уклоняясь от своих непосредственных целей, может рассматривать значение слова только до известного предела. Если бы не было этого ограничения, языкознание должно было бы включать в себя, кроме своего неоспоримого содержания, о котором не судит ни одна другая наука, еще содержание всех остальных наук. Определяя, например, значение слова *орангутанг*, мы должны были бы обратиться к зоологии, в которой этому виду обезьян посвящен целый ряд научных трудов. Рассуждение о слове *чувство* заставило бы нас обратиться к исследованиям в области физиологии, психологии, теории познания и т. д.

В связи с этим А. А. Потебня четко сформулировал положение о ближайшем и дальнейшем значениях слова. Ближайшее значение слова и составляет предмет языкознания, дальнейшее — является объектом исследований других наук. Ближайшее значение не обладает всей полнотой содержания соответствующего понятия или образа, но его достаточно для выражения мысли, для достижения взаимного понимания. Ближайшее значение является народным, т. е. общим для всех говорящих на том или ином языке. Дальнейшее значение у каждого свое личное. На основе личных значений возникают научные понятия. Но для образования новых научных понятий необходимы и народные значения. Поэтому область языкознания народно-субъективная. Она соприкасается одновременно как с личной индивидуально-субъективной, так и с мыслью научной, представляющей собой большую в данное время степень объективности [211, т. 1—2, 19—20].

Учение А. А. Потебни о ближайшем и дальнейшем значениях слова получило признание и развитие у лингвистов более позднего времени. В ряде работ, например, подчеркивается и подкрепляется новыми фактами мысль о серьезных различиях между бытовыми и научными понятиями. Если, например, как писал Л. В Шерба в связи с общей теорией лексикографии, прямая линия определяется в геометрии как кратчайшее расстояние между двумя точками, то в обиходной речи мы называем прямой линией, которая не уклоняется ни вправо, ни влево, ни вверх,

ни вниз. Толковые словари конкретных языков и должны, по мнению Л. В. Щербы, фиксировать именно эти простейшие, бытовые понятия [332, 68].

Ю. Д. Апресян обращает внимание на то, что в лексических значениях слов отражаются складывающиеся веками наивные (по его определению) представления об окружающей действительности и о нас самих. В наивную картину мира входит наивная геометрия, наивная физика, наивная психология и т. д. Вслед за Л. В. Щербой Ю. Д. Апресян ограничивает задачи лингвистических словарей отображением наивной картины мира. В противном случае лексикограф может превратиться в энциклопедиста. Однако эта задача при ближайшем ознакомлении оказывается далеко не простой. В основе бытовых понятий об отдельных явлениях действительности лежит система сложных правил, которыми, однако, носители языка хорошо владеют и интуитивно пользуются. Например, в евклидовой геометрии употребление слова *высота* подчиняется единственному правилу: высота (треугольника) равняется перпендикуляру, опущенному из вершины треугольника на противоположащую сторону. Треугольник может быть так расположен или позиция наблюдателя может быть такова, что перпендикуляр будет лежать в горизонтальной плоскости и тем не менее он будет называться высотой. В отличие от этого употребление русского слова *высота* и антонимической пары *высокий — низкий* зависит от целого ряда правил, закрепившихся в практике речевого общения. Так, высотой предмета, немного отклонившегося от вертикали (ср. башня в Пизе), будет считаться все равно не перпендикуляр, опущенный на плоскость опоры, а протяженность от основания до вершины. Труба, отдельно стоящая на дворе, может быть названа высокой, но если она прикреплена к стене дома, то скорее будем называть ее длинной, хотя она и имеет точку опоры [15, 8—9].

Денотативное значение. С сигнификативным значением неразрывно связано денотативное значение, т. е. отношение слова к денотату (вещи), которую он обозначает. При этом, по-видимому, вещь (или предмет) следует понимать в данном случае в широком смысле слова. Тогда мы будем должны отнести сюда «вещи, лица, вещества, организмы, живые существа, свойства в отвлечении от их носителя, действия и состояния в отвлечении от их производителя, например, *камень, мальчик, учитель, чу-*

гун, вино, вирус, собака, белизна, доброта, ловкость, бег, работа, толкотня, движение» [80, 305].

Многообразие денотатов, обусловленное многообразием окружающей действительности, побуждает нас тем или иным образом упорядочить факты, сюда относящиеся. Денотаты можно подразделить прежде всего на объекты внеязыковой действительности и объекты языкового характера.

Объекты внеязыковой действительности подразделяются, в свою очередь, на три группы: телесные, феноменальные и конструктивные. К телесным объектам относятся самые разнообразные предметы, к феноменальным — некоторые свойства телесных объектов, присущие им действия, качества и отношения. Свойства телесных объектов не являются вещами или предметами в обычном понимании этого слова. Но они являются тем не менее фактами действительности, которые можно исследовать и подвергать точному измерению. Сравните скорость движения, температуру тела, степень упругости, размер и др. Группу конструктивных объектов образуют не существующие в природе фантастические, иллюзорные предметы: *фея, привидение, русалка, домовой* и т. д. Слова, называющие конструктивные объекты, никогда не выступают в качестве названий конкретных предметов по той простой причине, что подобных реалий не существует.

Объекты языкового характера делятся на две группы:

а) факты языка, обозначаемые терминами метаязыка лингвистики. Например, *фонема, префикс, двоеточие, контекст, интонация* и т. д. Сюда же относятся и значения, употребляемые в определенных контекстах и вне связи с метаязыком лингвистики: *сложное* (предложение и положение), *мягкий* (согласный и человек), *силовое* (ударение и упражнение);

б) информация об отношениях в системе языка, передаваемая с помощью так называемых служебных слов: местоимений, предлогов, послелогов и др. [130, 84—87].

Можно заметить, что в этой классификации так называемые абстрактные слова представлены только физическими свойствами телесных объектов в отвлечении от последних. Получается, что все остальные разряды отвлеченной лексики денотатами не обладают. С этим можно было бы согласиться при условии, если считать денотатами только материальные предметы. Но если понимать предметность в широком смысле, как об этом уже гово-

рилось, в число денотатов необходимо включить и слова с абстрактным значением. В связи с этим можно сослаться на полемику, в свое время возникшую между А. И. Смирницким и Л. О. Резниковым. Рассуждая о конструктивных объектах, А. И. Смирницкий писал, что «существуют слова, не обозначающие каких-либо предметов, явлений и пр., хотя и имеющие совершенно определенное значение: ср. *русалка, домовой, кентавр, фант, небожитель, волшебство, волшебный, сглазить* и под.» [247, 80]. Убедительным кажется возражение Л. О. Резникова, которое сводится к тому, что «...предмет этих понятий (т. е. конструктивных объектов.— Б. К.) оказывается только мыслимым, но не существующим реально. Однако он выступает все же как предмет мысли. В этом смысле абсолютно беспредметных понятий и слов не бывает [224, 45]. К этому можно присоединить мнение Т. П. Ломтева, который писал: «В естественном языке существуют имена *геройство, любовь, ненависть*. Их означаемыми являются семантические предметы геройство, любовь, ненависть и соответствующие действительные свойства объективных предметов (денотаты)» [160, 73]. Семантические предметы в терминологии Т. П. Ломтева — это сигнификативные значения, денотатами являются в данном случае реальные свойства реально существующих предметов. Другое дело, что эти свойства нельзя подвергнуть такому же точному измерению, как физические свойства феноменальных объектов. Но принципиального различия тут нет.

Изложение вопроса о денотатах требует еще одной существенной оговорки. Независимо от того, являются ли денотаты конкретными предметами или «предметами мысли», представление о них входит составной частью в семантику слова, иначе говоря, принадлежит языку. Даже в тех случаях, когда денотат является материальным предметом, его нельзя непосредственно связывать со словом. «Значение не есть и тот предмет, который данным словом обозначается (говорилось выше о том, что значение слова нельзя отождествить с его звучанием.— Б. К.). Когда мы производим, переводим, покупаем, потребляем те или иные предметы, мы производим, покупаем, потребляем не значения соответствующих слов, а нечто другое — самые предметы» [247, 80]. Следовательно, денотат в любом случае является мыслительным образованием, в данном случае представлением. Представление о денотате для каждого человека имеет индивидуальный харак-

тер. Например, «стол» для одного человека — это предмет для занятий и чтения, другой связывает это слово с представлением о большом раздвижном обеденном столе, третий — с металлическим столиком в кафе и т. д. Но индивидуальность денотата ограничена рядом обстоятельств: общностью окружающей нас природы и происходящих в ней процессов (*снег, луна, жить, жарко*), общностью форм общественной, политической и культурной жизни каждого коллектива (ср. общность предметов, обозначаемых словами *покупки, школа, лошадь* и т. д.) Сходен у всех людей аппарат восприятия, основные особенности которого передаются по наследству, и все люди в равной мере обладают тем, что И. Бар-Хиллел назвал *faculté du langage* [26, 117]. Вследствие всех этих причин, говоря об одних и тех же денотатах и по-разному представляя их, носители языка не только не понимают друг друга, но и не замечают различий в представлениях о соответствующих предметах.

Возникновение переносных значений и их разновидностей. Как уже говорилось, сигнификативное и денотативное значения между собой неразрывно связаны, поскольку, с одной стороны, совместимые признаки, образующие понятие, отвлекаются от предмета, с другой — любые логические операции над предметами невозможны вне тех обобщений, которые содержатся в сигнификатах (нельзя мыслить каждый предмет в отдельности). В то же время между сигнификативным и денотативным значениями имеются и существенные различия.

Отношение звучания к сигнификату на известном этапе исторического развития языка является постоянной величиной. Тем самым в системе языка знак представляет собой отношение означающего к означаемому. Это постоянное отношение и фиксируется в толковых словарях. Но в процессе речевого общения к денотату можно подойти с различных точек зрения, а стало быть, и подвести его под различные понятия. Будут соответственно меняться и словесные обозначения. Следовательно, при употреблении знака в речи на первый план выступает отношение означающего к означаемому. Это имел в виду В. Гумбольдт, который писал: «...слово не является эквивалентом чувственно воспринимаемого предмета, но пониманием его, закрепляемым в языке посредством найденного для него слова. Здесь находится главный источник мно-

гообразия обозначения одного и того же предмета. Если, например, в санскрите слон называется либо дважды пьющим, либо двузубым, либо снабженным рукой, то в данном случае обозначаются различные понятия, хотя имеется в виду один и тот же предмет» [82, 85]. Таким же образом молодого мужчину можно назвать юношей, товарищем, мужем, комсомольцем, атлетом, сыном и т. д. Все зависит от того, какую сторону денотата говорящий выделяет. Иначе говоря, представление о денотате может смещаться в различные стороны. Но смещение может произойти в другом направлении: один и тот же сигнификат может соединяться с различными денотатами. Тогда возникают так называемые переносные или производные значения. Естественно, что соотносительность сигнификата с новым денотатом возможна только при наличии у старого и нового денотатов общих признаков.

Общий признак становится основой переносного значения. Л. Лендзел говорит по этому поводу: «Как известно, при переносе наименования наше внимание направлено на определенные компоненты или компонент, на какую-то определенную черту исходного семантического значения, и это становится основой переноса наименования. Совокупность компонентов, фигурирующих в качестве основы для переноса (*tertium comparationis*), может быть различна по своему объему; иногда для такой основы достаточно одного единственного момента, одной характерной черты» [152, 56].

Очень важно отметить, что в дальнейшей семантической истории слова общие признаки могут завуалироваться, а на первое место нередко выдвигаются новые, дифференцирующие признаки. Так, например, французское *hautain* утратило связь с понятием «высокий» и обозначает теперь «надменный, высокомерный», хотя именно понятие «вышины» (быть над всеми) и легло в основу этого переносного значения [365, 62].

С формальной стороны прямое и переносное значения сохраняют связь с одним звучанием, в чем и заключается явление многозначности.

В разработке вопроса об основных и переносных значениях слова немалую роль сыграла статья Виноградова «Основные типы лексических значений слова» [56, 17].

Среди значений слова В. В. Виноградов выделяет в первую очередь прямые, номинативные значения, которые как бы непосредственно направлены на предметы,

явления, действия и качества действительности (включая сюда внутреннюю жизнь человека). При этом, как подчеркивает В. В. Виноградов, в номинативном значении слова отражается общественное понимание денотатов. «Номинативные значения слова — опора и общественно осознанный фундамент всех других его значений и применений» [56, 12]. Оно вместе с тем очень устойчиво и в своем функционировании не связано узкими рамками фразеологических сочетаний.

Слово может обладать несколькими свободными значениями, отражающими различные предметы и явления действительности. Например, слово *подвал* значит «помещение под первым этажом здания, ниже уровня земли», а также «статья, занимающая нижнюю часть газетной страницы» [244]. Вместе с тем сколько бы ни было у слова свободных номинативных значений, одно из них всегда играет основную роль. По отношению к нему все остальные значения этого рода являются производными или, точнее говоря, номинативно-производными, так как они не теряют связи с основным значением.

От свободных нужно отличать значения фразеологически связанные, т. е. такие, которые могут проявляться только в сочетании со строго определенными словами. Во фразеологически связанных значениях не выделяются с такой рельефностью основные признаки сигнификата. Значение этого рода — «рассеянное»: оно «склонно дробиться на ряд оттенков, связанных с отдельными фразеологическими сочетаниями» [56, 17]. Связь с денотатом является в данном случае не прямой, а опосредствованной, определяемой внутренними закономерностями лексической системы языка. Например, определение *безысходный* употребляется сейчас только со словами *тоска*, *скорбь*, *печаль*, *грусть* и *отчаяние*. Однако безысходным, т. е. не имеющим конца, могут быть не только *тоска*, *скорбь*, *печаль*, *грусть* и *отчаяние*, но и *ожидание*, *разговоры*, *упреки*, *песня* и т. п. Если бы связь слова *безысходный* определялась предметно-логически, то прилагательное *безысходный* могло бы сочетаться не только со словами *тоска*, *скорбь*, *печаль*, *грусть*, но и со словами *любовь*, *ожидание*, *разговоры* и т. д. [312, 39].

Другим типом значений, зависящих от контекста, являются значения синтаксически обусловленные. Синтаксически обусловленным значением слова называется такое сигнификативное значение, которое появляется у сло-

ва только тогда, когда оно выступает в предложении в определенной синтаксической функции. В качестве примера синтаксически обусловленных значений В. В. Виноградов приводит использование названий птиц или животных для называния и характеристики людей. Слова-характеристики выступают обычно только в составе сказуемого, в обращении, в обособленном определении и приложении. Для индивидуализации характеристики могут быть использованы указательные местоимения. Например: *Все он, этот осел!* На возможность использования ряда слов в предикативно-характеризующей функции обратил внимание также Е. Курилович. Он отметил, что в подобных случаях переносное значение образуется на основе одного из признаков, приписываемых по традиции данному предмету. Этот признак и ложится в основу характеристики. Например, *осел* в основном значении — животное, в переносном — глупый или упрямый человек. Таким же образом *лиса* становится символом хитрости, *заяц* — трусости, *слон* — неповоротливости, *ворона* — рассеянности и т. д. В этой же роли употребляются иногда и другие существительные. Сравните *фрукт* в значении «тип» с резко отрицательной характеристикой в выражениях вроде *Ну и фрукт!*, *Этот фрукт* и др.

Предикативно-характеризующее значение обычно сочетается с определенной эмоциональной нагрузкой. Поэтому Е. Курилович называет переносные значения подобного рода вторичной аффективной функцией соответствующих слов [142; 119, 73; 20, 114; 118, 125].

К синтаксически обусловленным значениям примыкают значения, которые В. В. Виноградов назвал конструктивно-обусловленными. Значения этого типа реализуются только в строго определенной синтаксической конструкции. При этом лексическое наполнение такой конструкции может быть весьма разнообразным. Этим признаком конструктивно-обусловленные значения отличаются от значений, фразеологически связанных. С помощью конструктивно-обусловленных значений нередко дифференцируются смысловые омонимы. Например, слово *панорама* в значении «вид местности» может сочетаться с различными определениями: *Севастопольская панорама*, *живописная панорама* и т. д. В сущности, это значение и не обнаруживается без сопутствующих определений: то же слово в значении «оптическое приспособление» с прилагательными сочетаться не может. *Всыпать* в значении «насы-

пать» можно только что-либо (сахар, крупу и т. п.), а *всыпать* в значении «поругать, побить» — только кому-нибудь и т. д.

Очень распространенным типом переносных значений являются образные, метафорические значения. В основе образности лежит совмещение двух картин, когда один образ как бы накладывается на другой. Арсен Дармстедтер писал в этой связи: «Первый момент метафора несет мысль о двух сериях параллельных фактов, разъясняющих друг друга. В сущности говоря, именно метафора, сознательно употребленная автором, придает его стилю яркость, красочность, выразительность. На основе сокращенного сравнения в нашем сознании пробуждаются различные отношения между мыслимым предметом и тем, который метафора приближает» [346, 63—64]. Если мы, например, назвали голову котелком, то в нашем сознании представление о голове как о части тела сосуществует с представлением о котелке как о предмете цилиндрической формы, некоторыми признаками напоминающем голову (ср. дальнейшее развитие этой метафоры «котелок плохо варит» и т. д.). В дальнейшем, однако, образность метафоры может исчезнуть. «Во второй момент в сознании стирается сопоставление с первоначальным объектом, и оно сохраняет только вторичный термин» [346; 68; 68].

Структурное значение слова. Отношением слова к сигнификату его значение не ограничивается. Знаки языка характеризуются не только этой внешней направленностью, но и соотношением с другими аналогичными знаками. Вследствие этого в общее значение слова обязательным компонентом входит структурное значение — отношение знака к другим знакам. Структурное значение, в свою очередь, делится на два типа. Отношение знака к другим знакам на парадигматической оси называется дифференциальным значением или значимостью. Отношение знака к другим знакам на синтагматической оси называется синтаксическим значением или валентностью.

Понятие дифференциального значения или значимости было впервые введено в научный обиход Фердинандом де Соссюром, который в «Курсе общей лингвистики» сформулировал положение о том, что значение каждого слова определяется его положением в системе, его взаимоотношением с другими словами. Соссюр писал, что французское слово *mouton* совпадает по значению с англ-

лийским *sheep*, но отличается от него своей значимостью. Причина заключается в том, что для наименования поданного на стол куска баранины француз пользуется тем же самым словом, в то время как англичанин использует новое слово *mutton*. Различие в значимости обуславливается тем, что в английском языке слову *sheep* противостоит слово *mutton*, что в общем аналогично русскому соотношению *корова* — *говядина*, между тем как во французском подобное противопоставление отсутствует [256, 115]. Кроме тех примеров, которые приводит Ф. де Соссюр, можно указать и на другие. Например, русскому *мочь* в немецком противопоставлены два различающихся по значению глагола *können* и *dürfen*. Русским глаголам *бить* и *ломать* соответствует во французском языке одно слово *casser*. Единому по значению русскому существительному *берег* соответствуют английские слова *bank* и *shore* [119, 76]. Вместе с тем значимость тесно связана с основным значением слова. Понятия значимости и значения не сосуществуют, а находятся в отношении включения одного в другое: значение слова включает в себя значимость [181, 48]. Если абсолютное значение слова, его сигнификат, определяется положительно, то значимость — это то же абсолютное значение, но модифицированное применительно к языковой системе.

Под синтаксическим значением или валентностью слова понимается способность данного слова подчинять словоформы некоторых синтаксических классов и подчиняться словоформам некоторых синтаксических классов. Синтаксический класс — это совокупность словоформ определенной части речи, взятых в одной и той же грамматической форме, например глагол в форме несовершенного вида 1-го лица настоящего времени изъявительного наклонения; существительное в форме родительного падежа с предлогами и предложными сочетаниями *из-за*, *ввиду*, *по причине* и др. (выражение причинно-следственных отношений, ср. *из-за непогоды*, *ввиду его отказа*, *по причине перебоев с доставкой* и др.); родительный падеж существительного-местоимения в качестве компонента односоставного предложения (*ничего не известно*, *ничего лишнего* и др.).

Формально грамматическая зависимость одного слова от другого предопределяется категориальными свойствами главенствующего слова. Грамматически главенствующим

щее слово — это слово, которое своими категориальными свойствами предопределяет характер связи и форму (формы) зависимого слова (слов). Например, связь слов *заслониться от солнца* обусловлена категориальными свойствами глагола, его принадлежностью к классу слов со значением действия-процесса, а также словообразовательной структурой этого глагола: наличием префикса *за-*. Связь слов *стакан молока* предопределяется принадлежностью управляющего слова к существительным, а также его частным грамматическим значением (слова со значением меры и количества). Связи слов *очень сильный, сидеть согнувшись, наступать севернее, дважды предатель, дом у реки* и других предопределены только общим категориальным значением грамматически господствующего слова.

Многие слова могут быть синтаксически двухвалентными, т. е. способными вступать в синтаксические связи двоякого рода. Например, слово *весело* в предложении *Мы весело встретили праздник* выступает в функции детерминирующего слова, а в предложении *Всем стало весело* является предикатом; слово *бригада* в предложении *Бригада приступила к работе* обладает субъектной валентностью, а в словосочетании *увидеть бригаду* — объектной.

Синтаксическая валентность является частью грамматической семантики и как таковая анализируется и описывается в грамматиках конкретных языков.

Селективное значение слова. В лингвистических исследованиях последнего времени говорится также о селективном (или избирательном значении) слова [179]. Наличие этого типа значения обусловлено тем, что некоторые слова не могут сочетаться с определенными категориями других слов. По признаку селективности слова объединяются в семантические подклассы. Каждый такой подкласс как бы избирает те подклассы, с которыми он может сочетаться в речи. Семантические подклассы входят в систему языка, их можно классифицировать, описывать.

Наличие семантических подклассов влияет вместе с тем на синтаксическое употребление слова, что свидетельствует о тесной связи синтаксических и парадигматических элементов в смысловой структуре слова.

Примером семантического подкласса в русском языке могут служить глаголы со значением неизменяющегося

состояния, которые не могут сочетаться со словами, обладающими общим значением интенсивности. Так, бессмысленны, а потому и невозможны сочетания *стремительно дремать, медленно сидеть* и под. По признаку селективности глаголы неизменяющегося состояния противостоят глаголам, обозначающим переход из одного состояния в другое, которые свободно входят в сочетания *быстро очнуться, сильно (по)краснеть, вдруг остепениться* и др.

Ряд селективных подклассов обнаруживается и среди имен существительных. Например, отвлеченные существительные со значением опредмеченного качества-свойства не могут в большинстве случаев употребляться с количественными числительными и в этом отношении противостоят всем конкретным существительным. Ср. смысловую неотмеченность сочетаний **две рассудительности, *пять просторов, *девять невыносимостей* и т. д. Зато отвлеченные существительные свободно сочетаются с глагольным инфинитивом (*стремление уехать, решение начать, намерение работать*), по отношению к которому обладают нулевой избирательностью конкретные слова.

Селективное значение находится в сложных отношениях с другими типами значения слова. Оно очень близко к синтаксическому значению, так как тоже обуславливает сочетаемость слов. Селективные и синтаксические значения сближаются также с точки зрения их отношения к частям речи. Одни и те же типы синтаксических отношений могут быть присущи различным частям речи (ср., например, сильное и слабое управление как тип синтаксической связи у глаголов, существительных и прилагательных). Но у различных частей речи могут оказаться общими и некоторые селективные значения. Например: значение неизменяемости состояния обуславливает нулевую селективность по отношению к словам с общим значением интенсивности не только для глаголов, но и для других частей речи. Ср. смысловую неотмеченность сочетаний **мощное недоумение, *мощно недоумевать, *мощно недоумевающий* и под. С другой стороны, в пределах одного грамматического класса может заключаться несколько селективных признаков. Так, качественные наречия могут сочетаться с глаголами, прилагательными, наречиями (ср. *весело жить, удивительно холодный, чрезвычайно глупо*) и не могут сочетаться с существительными.

Различный характер селективных и синтаксических значений обнаруживается в возможности несовпадения

грамматической и селективной отмеченности речевых конструкций. Например, компоненты словосочетаний *крыша домами* и *отправление поезд* отмечены со смысловой точки зрения, но не соответствуют нормам синтаксических отношений русского языка. Напротив, словосочетание *береза увидеть* отмечено с грамматической точки зрения (ср. *желание увидеть*), но не соответствует существующим в русском языке правилам избирательности (недопустимость сочетаний типа «конкретное существительное + инфинитив»).

КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИКИ

А. В. Посох

Современная лингвистика понимает значение слова как сложное явление. В связи с этим выдвигаются различные способы разложения слова на составляющие его компоненты. Несмотря на терминологические расхождения (наряду с термином *семантический компонент* употребляются термины *сема*, *элементарный смысл*, *семантический множитель*, *фигура*, *семантический дифференциальный признак* и т. д.), за которыми кроются отличия в подходах к вычленению и способам анализа элементов все исследователи под этими названиями подразумевают единицы, определенные сочетания которых образуют значение слова.

Семантический дифференциальный признак как наименьшая единица семантики, не поддающаяся дальнейшему членению, противостоит и морфеме и слову как единицам языка, обладающим двусторонней природой, материальной и идеальной. Семантический дифференциальный признак служит лишь для семантического различия и принадлежит только плану содержания. Конкретный семантический дифференциальный признак не имеет прямо соотносимого с ним звукового носителя. Значение единиц языка включает один или несколько семантических дифференциальных признаков, вместе с тем один и тот же семантический дифференциальный признак может быть включен в состав значений нескольких единиц.

Анализ значений слов, исходящий из признания того, что значение каждого слова разложимо на составляющие его компоненты, получил название компонентного.

Компонентный анализ дифференцируется как в зависимости от способов вычленения элементарных семантических единиц (компонентов), так и от того, подвергается ли анализу морфема, грамматическая форма или слово. Компонентный анализ значений преследует двойную цель: 1) распределение значений по семантическим полям разного порядка, 2) определение лингвистических значений, представленных этими семантическими полями.

В последнее время появилось много работ, ставящих задачу компонентного анализа лексики на материале разных языков с применением различных методик [16; 22; 139; 159; 160; 235; 236; 262; 279; 338; 361].

Примером компонентного анализа, основанного на логическом принципе выделения семантических дифференциальных признаков, является анализ терминов родства в различных языках [113; 139; 159; 160; 180; 296; 354; 363; 366].

Согласно А. Крёберу, представителю старшего поколения американской школы этнолингвистики, семантическое содержание терминов родства любого языка может быть описано путем всевозможного сочетания основных признаков: 1) признак поколения, 2) признак пола, 3) признак пола лица соотнесения («эго»), 4) пол лица, которое может быть одновременно родственником «эго» и другого лица, 5) кровное родство (в противоположность родству юридическому); 6) признак линейности родства, 7) возраст внутри одного поколения, 8) жизнь или смерть родственника [363]. Необходимо отметить, что ни один из языков не использует весь набор этих признаков. Способ выделения данных семантических дифференциальных признаков обусловлен исходной предпосылкой о системной организации анализируемого материала. Он основан на принципе бинарного противопоставления лексем.

Иногда для выделения и формулировки семантических дифференциальных признаков, по характеру которых выделяются «подмножества в общем множестве терминов родства», проводится операция разбиения одного общего множества на подмножества [160, 3].

Например, разделение общего множества родителей на подмножество лиц мужского пола и подмножество лиц женского пола позволяет выделить семантические дифференциальные признаки мужского и женского пола.

На основе подобных разделений множества терминов

родства на подмножества могут быть выделены следующие признаки: 1) свойство мужского или женского пола, 2) свойство родителя или рожденного, 3) свойство родителя или рожденного по линии прямого или косвенного родства, 4) свойство родителя или рожденного по крови, юридического или по брачной связи, 5) свойство родителя или рожденного в первом, втором или третьем поколении [159, 113].

Однако следует отметить, что в принципе все эти признаки могут быть сведены к трем основным, необходимым и достаточным для описания терминологической системы родства: 1) мужской пол xM , 2) родитель xPx' , 3) состоящий (ая) в браке xBx' .

Например: x двоюродный (ая) брат (сестра) $x' = x$ дитя I (брат V сестра) I (родитель x' , т. е. x есть дитя брата или сестры родителя x прим; x сестра $x' = \sim xM \cdot (Ex'')$ ($x''Px \cdot x''Px'$), т. е. x не мужского пола, и существует другое лицо x два штриха, такое что x два штриха есть родитель x и x два штриха есть родитель x прим [31, 40].

Многие современные авторы при проведении компонентного анализа исходят из положения о том, что для его осуществления необходимо выявить передаваемую словом информацию, которая и составляет его значение. Она может быть раскрыта путем логического, опосредованного рассуждения [81; 119; 355]. Тогда для определения компонентного состава слова *роза* нужно исходить из информации, которая соответствует формальному понятию: роза — это садовый цветок, имеющий определенную форму, разнообразные оттенки цвета, аромат и шипы [261]. Но поскольку компонентный анализ является не чисто логическим, а логико-лингвистическим приемом описания значения, то к указанным пяти компонентам необходимо добавить категориальные компоненты предметности, нарицательности и конкретности.

А. Греймас анализирует группу прилагательных для обозначения пространственности (*haut* «высокий», *bas* «низкий», *long* «длинный», *court* «короткий», *large* «широкий», *étroit* «узкий», *vaste* «обширный», *épais* «сгущенный, плотный») [355]. Он выделяет семантические дифференциальные признаки по принципу их противопоставления. Сравнивая эти пары, он приходит к выводу, что противоположность между ними может быть выражена с помощью категории относительного количества, т. е. выделяет два компонента: «большое количество» — «малое ко-

личество». Не намереваясь предпринимать компонентный анализ категории относительного количества, он употребляет один компонент «большое количество» при описании обеих лексем в парах. Затем автор находит общее значение, которое заключено в этих оппозициях и которое он называет категорией «пространственность» *spatialité*, подразделяющееся в свою очередь на две: «измеряемость» *dimensionnalité* и «неизмеряемость» *non-dimensionnalité*. Таким же способом выявляются и другие категории: «горизонтальность» *horizontalité*, «вертикальность» *verticalité*, «поверхность» *superficialité* и т. п.

Метод компонентного анализа соотносится с методом семантических множителей, разработанным в лаборатории машинного перевода 1-го МГПИИЯ, поскольку авторы исследования о семантических множителях (А. К. Жолковский, Ю. С. Мартемьянов и др.) также исходят из положения, что слово не является элементарной смысловой единицей языка, а разложимо на так называемые семантические множители, т. е. элементарные смыслы [16; 93; 171]. Исследование проводится следующим образом: сначала по интуиции выделяются слова, каким-то образом семантически примыкающие друг к другу, и находится «смысловый стержень всей этой лексической группы, который затем формируется в качестве некоторой типовой ситуации (время, цель, возможность и т. п.). Тогда встает задача построения своего рода структурной модели для типовой ситуации, указание ее характерных параметров и действующих в ней законов. Структурное описание типовой ситуации все время корректируется рассмотрением конкретных слов, каждому из которых затем и находится место в этой типовой схеме» [171, 9].

Например, при анализе лексики имущественных отношений предполагается описать ситуацию, в которой реализуются имущественные отношения. Для обозначения таких отношений в русском языке употребляются глаголы *брать*, *владеть*, *возвращать*, *занимать*, *отдавать*, *присваивать*, *продавать* и т. п. [171, 104].

Исходным для данного описания является понятие «иметь». Оно описывает отношения между двумя предметами такое, что один из них наличествует у другого. В описании используются следующие признаки имущественных отношений: 1) двусторонность, т. е. в имущественных отношениях участвуют две стороны (А), каждая из которых имеет некоторый предмет, называемый цен-

ностью (Ц); 2) каузированность (обусловленность); 3) упорядоченность.

Ценности имеют свои свойства: 1) ресурсность, 2) контактность, 3) атрибутивность.

Стороны имущественных отношений (А, В) имеют свои свойства: 1) рассудительность, 2) решительность.

После выделения основных признаков можно дать описание анализируемых слов: А берет — А каузирует имение Ц для А; А занимает — В дает ЦА в T_0 Ц — ресурс, не отчуждается.

Однако метод компонентного анализа и метод семантических множителей совпадают лишь на начальном этапе анализа. Языковые значения, подвергаемые анализу, не всегда четко связаны с логическими. В таком случае исследования значения слов применяются другие методики проведения компонентного анализа.

Многие исследователи проводят компонентный анализ значения слов на основе их словарных определений [239; 241]. Ряд исследователей, например, применяет метод компонентного анализа на основе словарных определений как средство обнаружения лексико-семантических связей слов. Один из вариантов этого метода заключается в последовательном сравнении словарных определений слов. О степени связанности двух слов можно судить по количеству общих и различных элементов в их определениях, поскольку «словарная дефиниция представляет собой разложение смысла слова на его составляющие (элементарные смыслы)».

Например, в словаре Ожегова [199] *солдат* определяется как «рядовой военнослужащий», а *боец* как «солдат, рядовой». Таким образом, связь между этими словами (синонимическая) устанавливается как через включение первого слова в определение второго, так и через общий компонент обоих определений «рядовой».

Э. Ф. Скороходько считает, что наиболее надежным орудием лингвистического исследования из числа созданных неформальными методами являются словари толкового типа [241], поскольку толкование слова в словаре может служить базой для описания его значения в терминах семантических составляющих. Текст определения в толковом или терминологическом словаре расчленяется на непосредственные составляющие, которые и являются семантическими дифференциальными признаками данного слова. Процедура разложения значения слова на се-

мантические составляющие заканчивается после того, как все полученные единицы будут представлять собой слова, не имеющие определений в словаре. Лексические значения таких слов принимаются им за элементарные семантические единицы, которые выступают в функции конечных семантических составляющих определяемого слова.

Существует много других методик проведения компонентного анализа значения слова. Некоторые исследователи считают, что изучение значения слова возможно лишь путем его сравнения со значением других слов той же лексико-семантической системы. Это сравнение принимает форму истолкования посредством как знаков того же языка, так и знаков другого языка.

В. Г. Гак использует сопоставительный межъязыковой анализ при изучении компонентного состава значения слов [69]. Рассматривается ряд французских фраз и их переводов на русский язык. *Voilà, on arrive* — Ну вот и пришли. *Nous arrivâmes a la vente* — Мы подъехали к венте. *Voilà qu'arrive la voiture du colonel* — Вот подкатывает коляска полковника.

Считая содержание каждой пары фраз тождественным, необходимо знать, что в значении всех русских глаголов имеется некий компонент, равнозначный французскому *arriver*, за вычитанием которого образуется семантический остаток, различающий русские глаголы между собой. Общим семантическим компонентом является понятие приближения, различающим же компонентом является способ передвижения.

Но при сопоставлении обнаруживаются соответствия не только языкового характера, но и речевого. Последние объясняются не различием самих языковых средств, а различием в их использовании. *J'ai été trop jeune quand j'ai quitté Paris* — Я была совсем маленькая, когда меня увезли из Парижа.

При общности компонентов «направление движения» и «способ передвижения» становится ясным их различающий компонент «самостоятельное или несамостоятельное движение».

Таким же способом выявляются и другие семантические компоненты глаголов движения.

Н. И. Толстой применяет метод компонентного анализа в связи с моделированием микрополей [286; 287]. Построение синонимического ряда и выявление семантических дифференциальных признаков на основе опорного

слова связано с опытом построения микрополя на основе «семантической амплитуды колебаний одной лексемы, которая называется опорной. Амплитуда колебания устанавливается в результате диасемемного обследования, т. е. выяснения, что значит данная лексема во всех привлекаемых для рассмотрения в широком плане диалектах и языках» [286, 36].

Семантические дифференциальные признаки, их количество и расположение выявляются в результате установления альтернатив во всех исследуемых диалектах.

Исходя из неодинаковости семантического объема («значения») ряда эквивалентных слов в разных языках, в том числе и в родственных, семантические дифференциальные признаки устанавливаются путем вычитания объема одной семемы из другой. При этом целесообразно и важно выполнять условие, согласно которому разность сначала определяется на семемах, выраженных одной и той же лексемой, а затем отыскивается на тех же семемах, выраженных разными лексемами. При графическом изображении поля в виде сетки такая разность будет отображаться одной или несколькими клетками.

В качестве примера можно рассмотреть анализ одного слова из микрополя «дождь — погода — время — год — час» (см. схему 3). В кайкавском диалекте сербскохорватского языка godina занимает клетки «благодатный дождь» (знак +) и просто «дождь» (знак x), а dešč — клетку «вредоносный дождь» (знак —); в чаковском диалекте godina отмечается лишь в клетке «дождь», а в штокавском иковском диалекте godina занимает только клетку «благодатный дождь», а dozd — клетку «дождь».

+	godina	+		+	godina
×	godina	×	godina	×	dazd
—	desc	—		—	

Схема 3

Разность объема сначала может быть определена на семемах, выраженных только лексемой godina в первых двух случаях (диалектах), где в одном она покрывает

клетки «дождь» и «благодатный дождь», а во втором только «дождь». Эта разность в третьем случае выражается только лексемой *godina*, так как в ней клетка «дождь» покрывается лексемой *dažd*. Приведенные примеры показывают, как выделенный из сопоставления первых двух случаев релевантный признак («благодатность», «положительность») может образовывать отдельную семему (ср. третий случай) [287, 347].

По варианту комбинаторной методики можно провести анализ семантической микросистемы «названия дорог» на материале английского языка. Прежде всего необходимо определить границы тематического ряда, единицы которого исследуются. В список анализируемых слов внесены следующие лексемы: *way* «путь», *road* «дорога», *railway* «железная дорога», *path* «тропа», *avenue* «аллея», *boulevard* «бульвар», *street* «улица», *pavement* «тротуар», *roadway* «мостовая», *lane* «переулок», *thoroughfare* «проезд», *detour* «объезд», *drive* «подъезд», *turn* «поворот», *crossing* «перекресток».

Семантические дифференциальные признаки лексем данной микросистемы выделяются на основании толкований слов, данных в Оксфордском словаре английского языка [375]. Например: *Path*—*a way beaten or trodden by the men or beasts, ..., a footway or footpath, as opposed to a road for vehicles* (Тропа — путь, выбитый или протоптанный людьми или животными, ..., пешеходная дорожка, тротуар в противоположность дороге, предназначенной для проезда транспорта).

На основании данного толкования слова выделяется семантический дифференциальный признак «прохожесть» в противоположность признаку «проезжесть».

Всем анализируемым словам присуще общее значение дороги, т. е. «полосы земли (или ее замены), которая предназначена для движения пешеходов и транспорта». Это и является основным семантическим дифференциальным признаком данной группы существительных (см. таблицу 1). Все анализируемые слова получили по данному признаку знак + (в отличие от слов поле, море и т. п., которые обозначают объекты, не предназначенные специально для движения пешеходов или транспорта). Знак + в таблице указывает на наличие признака, знак — на его отсутствие, знак 0 указывает на то, что существительное в противопоставлении по данному признаку не участвует.

Слова	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Way	+	+	-	0	-	-	0	-	-	-
Road	+	+	-	0	+	0	-	-	-	-
Railway	+	-	-	0	+	0	+	-	+	-
Path	+	+	-	0	-	+	0	-	-	-
Avenue	+	+	-	0	-	-	0	-	-	-
Boulevard	+	-	-	0	-	-	0	-	+	+
Street	+	+	-	0	+	0	-	-	-	+
Pavement	+	+	-	0	-	+	0	-	+	+
Roadway	+	-	-	0	+	0	-	-	+	-
Lane	+	+	-	0	-	-	0	+	0	+
Thoroughfare	+	+	-	0	+	0	-	+	0	-
Detour	+	+	+	+	+	0	-	-	-	-
Drive	+	+	+	-	+	0	+	-	-	-
Turn	+	+	+	+	-	-	0	-	-	-
Crossing	+	+	+	-	-	-	0	+	0	-

Признак «переносность» (1) приписывается тем существительным, которые наряду со своим основным значением дороги имеют недорожное (переносное) значение: *the way to a society* (путь в общество), *the turn of one's head* (поворот головы) и т. п., и ограничивает слова су-
губо дорожного значения.

Признак «частичность» (2) приписывается группе существительных, которые обозначают названия различных частей (участков) дорог или их субституты в отличие от слов, обозначающих дороги без указания на такое ограничение. Признак «индиректность (непрямость)» (3) означает невозможность продолжать движение в данном направлении по данному дорожному объекту и ограничивает группу существительных, которые служат для обозначения таких дорожных объектов, в отличие от прямых дорог. Следует отметить, что существительные, которые маркируются знаком — по признаку «частичность» не участвуют в противопоставлении по признаку «индиректность».

Признаком «проезжать» (4) маркируются существительные, которые обозначают дорожные объекты, предназначенные только для проезда транспорта. Признак

«пешеходность» (5) приписывается тем существительным, которые обозначают дорожные объекты, предназначенные для продвижения по ним только пешеходов. Существительные, которым свойствен признак «проезжать», не участвуют в противопоставлении по признаку «пешеходность». Те существительные, которые не обладают признаком «проезжать», не участвуют в противопоставлении по признаку «предназначенность для одного вида транспорта» (6).

Признаком «трансверсивность» (7) маркируется группа существительных, которые обозначают дорожные объекты, служащие для перехода (переезда) с одного участка (вида) дороги на другой. Признак «покрытость» (8) означает обязательное наличие искусственного покрытия поверхности дорожных объектов. Существительные, маркируемые знаком + по признаку «трансверсивность», не участвуют в противопоставлении по признаку «покрытость».

Признак «расположение в населенном пункте» (9) характеризует группу слов, которые обозначают названия дорог или их субститутов, расположенных в населенном пункте, в отличие от тех, которые могут проходить вне населенных пунктов.

Для иллюстрации проведем анализ одного из слов данной микросистемы.

Из толкования слова *ravement* «тротуар» в Большом оксфордском словаре [375] мы обнаруживаем его следующие семантические дифференциальные признаки: «полоса земли, предназначенная для движения» (0), «переносность» (1), «пешеходность» (5), «покрытость» (8), «расположение в населенном пункте» (9), т. е. тротуар — это мощеная полоса земли, расположенная в населенном пункте и предназначенная для движения пешеходов.

В результате проведенного анализа семантической микросистемы «названия дорог» по семантическим дифференциальным признакам можно выделить ее несколько подсистем: названия дороги вообще, названия специализированных дорог, названия дорог, расположенных исключительно в населенных пунктах, названия субститутов дорог.

Таким образом, компонентный анализ раскрывает существенные стороны значения слов и может плодотворно использоваться для исследования семантической системы языка.

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЛЕКСИКИ

И. В. Шадурский

Отечественная семасиология с самого своего зарождения ставила задачи выявления путей и закономерностей семантического развития не отдельных изолированных слов, а целых групп, разных по количеству и характеру смысловой направленности, причем решение этих задач связывалось не только с влиянием на слово как номинативную единицу лингвистических, но и социально-исторических факторов. Одним из первых, кто обратил внимание на изучение рядов слов, которые объединяются в отдельные лексические микросистемы на основе одних и тех же ассоциативно-психологических представлений, был А. А. Потебня. В своих многочисленных трудах он дал обоснованный анализ некоторых словарных групп с точки зрения этимологии и дальнейшего семантического развития в языке их составных компонентов, постоянно опираясь на факты из истории народа. И хотя в целом его взгляды на лексическую природу слова носили субъективно-идеалистический характер, что явилось следствием отрицания им общественно-познавательной роли языка в формировании и закреплении понятий в словах и передаче их от поколения к поколению, заслуги его перед русской семасиологией велики. Анализируя слова в их отношениях друг с другом, он впервые в нашем языкознании установил закономерные связи между сопоставляемыми номинативными средствами, указав на строгую последовательность возникновения нового представления на основе предыдущего, подводя таким образом под семантическую основу слова понятийно-ассоциативные связи [211].

Особенно заметный след в русской лингвистике оставил М. М. Покровский, по существу заложивший основу семасиологической науки в России. Главная заслуга М. М. Покровского как семасиолога — в признании им лексики как системы и закономерных тенденций ее развития под влиянием различных социально-исторических факторов. Слова он распределяет по так называемым сферам представления, выявляя между компонентами этих сфер синонимические и иные семантические отношения. «История значений известного слова будет для нас только тогда понятной, когда мы будем изучать это слово в связи с другими словами, синонимическими с ним, а главное,

принадлежащими к одному и тому же кругу представлений» [209]. Подчеркивая решающую роль экстралингвистических причин на развитие лексико-семантической системы языка, М. М. Покровский признавал вместе с тем и важное значение структурно-морфологических и семантико-синтаксических отношений между словами. Выдвинутая им идея влияния синтаксических сочетаний на смысловые изменения в словах нашла свое подтверждение в разработке теории семантического контекста, в пределах которого слова могут наполняться новым семантическим содержанием, превращаясь в развитые многозначные номинативные единицы.

Вопросам системного исследования лексики с перенесением центра тяжести на выявление внутренних, структурных связей лексем, на взаимодействие различных аспектов слова при сохранении им семантического и исторического тождества посвящены многочисленные работы советских лексикологов Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, А. И. Смирницкого, О. С. Ахмановой, А. А. Уфимцевой, Д. Н. Шмелева и др. Особый упор при этом делается на выяснение сущности и природы лексических значений и их типов, на общность и различие семантического объема и семантической структуры, на зависимое развитие последней от смыслового и синтаксического столкновения контактных слов в языке, особенно тех, которые принадлежат к одной или нескольким определенным сферам языкового общения. В настоящее время в отечественной лингвистике, в том числе и белорусской, имеется значительное количество специальных исследований, в которых словообразовательному и семантическому анализу подвергаются иногда весьма значительные по количеству лексем словарные группы, ряды, микросистемы, построенные на основе общности сферы функционирования и использования их компонентов. В языкознании подобные объединения слов называются тематическими, или предметно-отраслевыми. Тематический — значит такой, который принадлежит одной и той же предметно-понятийной сфере, близкий, однородный или однотипный по содержанию обозначаемых словами референтов. Тематическая характеристика языкового вокабулятора предопределена социальной сущностью языка как средства общения и является важнейшим методологическим принципом классификации и исследования лексики. В основе этого принципа лежат внешние связи между

предметами и явлениями материальной действительности, благодаря которым (связям) слова или выражения объединены в лексические ряды, группы, пласты и иные семантико-функциональные сферы языкового применения.

В современной лингвистике не все исследователи положительно относятся к тематической классификации и интерпретации лексики. Многие из них склонны исключать анализ подобных объединений слов из системы лексикологических исследований. Причина этого, по их мнению, полная обусловленность аналогичных словарных групп не собственно языковыми, а предметно-логическими факторами; предметно-тематическое деление словарного состава приводит к забвению семантических связей между лексемами, а следовательно, к ограничению лингвистических задач, которые можно решить путем интерпретации тематических объединений слов [297, 133], их изучение ограничивается простой инвентаризацией лексем по типу названия видов одежды, построек, деревьев и т. д.

Безусловно, что разграничение разных видов объединений слов важно для семасиологии. Но вместе с тем нет оснований не учитывать всех отношений, которые существуют или складываются между словами как конституентами языкового вокабулятора, чем бы они ни определялись [329, 13 сл.]. Важно влияние экстралингвистических факторов на лексико-семантическую систему, которая в конечном случае прямо или опосредованно отражает внеязыковую действительность и тем самым выступает зависимой от нее. Отсюда вполне очевидно, что деление словарного состава на тематические классы только внешне приводит к забвению внутренних смысловых связей между словами. Эмпирические наблюдения показывают, что язык по-своему выделяет и группирует явления окружающего мира, в связи с чем неязыковая, предметно-понятийная характеристика слова во многих отношениях оказывается связанной с собственно-лингвистической. Поэтому анализ лексем в отрыве от их предметно-материальной направленности делает их семасиологическую интерпретацию неполной, половинчатой.

Таким образом, деление лексики на тематические группы не только не исключает, но, наоборот, предопределяет нахождение специфики внутренних семантических взаимоотношений между номинативными средствами языка. Более того, описание слов в рамках предметно-классифи-

кационных групп создает широкие возможности для всестороннего изучения смысловых связей в языке, для детального выявления особенностей семантической структуры отдельных номинативных единиц в частности и лексико-семантической системы вообще. Другое дело, как подходить к тематическому изучению лексики, какие методы и приемы для ее анализа избрать и — что не менее важно — какие задачи поставить: сделать только инвентаризацию слов данного тематического объединения или описать его как субординированную совокупность номинативных средств языка, призванную обслуживать соответствующую сферу человеческого производства или соответствующую предметно-понятийную ориентацию природы. Именно на основании осуществления тематической интерпретации лексики последняя представляется как синтез, как результат сложного взаимодействия слов в их различных значениях с элементами других ярусов языка: словообразовательного, морфологического, синтаксического, семантико-стилистического. Чтобы ни определялось: семантическая структура отдельного слова или особенности лексико-семантической системы языка — во всех случаях источники и основа изучения одни и те же: словарные подсистемы в их различном количественном и качественном представлении (тематические пласты, терминологические группы, синонимические ряды, антонимические пары).

В настоящее время тематический анализ слов является одним из самых распространенных, если не общепринятым методом изучения лексики. Она все более и более привлекает к себе сторонников, завоевывая в лексикологии широкие позиции и признание. Правда, сложность методики его проведения, неразработанность соответствующей терминологии ставят новые преграды на пути его осуществления. Особенно необходимо подчеркнуть последний тезис: отсутствие на современном этапе адекватной системы терминов, которые бы последовательно обозначали количественно и качественно обогащающиеся тематические объединения слов в соответствии с градацией реалий в природе и обществе, значительно затрудняют тематическую характеристику лексики как системы. Такие широко распространенные сейчас в лексикологии термины, как подсистема, микросистема, класс, подкласс, микрокласс, группа, подгруппа, микрогруппа, слой, ряд, разряд, категория и т. д., из-за своей, по существу, дейкти-

ческой переменной величины даже приблизительно не могут количественно отражать соответствующие тематические объединения и поэтому вносят непоследовательность, путаницу и противоречие в описание словарных вокабуляторов.

Следует учитывать и тот факт, что словарный состав языка не поддается равномерному расслоению и градации его составных компонентов в связи с разнообразием их как лингвистических единиц. Многие слова вообще трудно отнести к какой-нибудь тематической группировке (служебные слова, связки, междометия и др.). Все это, несомненно, отрицательно отражается на принципах классификации и методике исследования вокабул, их сближении, противопоставлении и расшифровке.

Выяснение и подробное описание этих и некоторых других вопросов раскроет новые перспективы изучения лексики как системы и создаст возможности для раскрытия специфики отражения ею окружающей нас действительности.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЕМАНТИКИ

Психолингвистические методики исследования значений

А. П. Клименко

За последние полтора-два десятилетия все большую популярность и все большее значение приобретают психолингвистические приемы исследования лексической семантики, применяемые как советскими учеными (А. Р. Лурья [238, 27—63], А. А. Леонтьев [155; 156; 154], А. А. Залевская [96, 154—172; 97, 3—119] и др. [238; 280; 123]), так и зарубежными (К. Нобл [372], Ч. Осгуд [374] и др. [379; 380; 221]). Объяснение этого растущего интереса к психолингвистическому анализу семантики состоит, видимо, в том, что психолингвистические методы семантического исследования соответствуют некоторым реальным насущным потребностям описания лексической семантики. Иначе говоря, психолингвистическое описание семантики существенно дополняет ту картину, которая получается при изучении значений слов при помощи других исследовательских приемов и методов.

При помощи компонентного анализа можно совершенно четко и ясно описать значения многих слов. Слово

дядя, например, обозначает родственника мужского пола, являющегося братом или мужем сестры одного из родителей. Но едва ли компонентный анализ дает надежные критерии для определения всех значений слова, характеризующих всю совокупность его употребления. По академическому словарю, *дядя* — это вообще «взрослый мужчина» (в просторечии) или, еще шире, «в обращении к кому-либо». Это, конечно, так, но вместе с тем и не вполне так. И известное шутовое «дядя, достань воробышка» как раз отражает то, что все же и взрослость дяди относительна, и произвольность лица, к которому обращаются, тоже. Существенно, видимо, не только то, к кому обращаются, но и кто обращается. И существенна не только разница в возрасте, но, быть может, и в росте. Компонентный анализ, очевидно, вскрывает существенные, но не все черты значения слова. Он должен быть дополнен еще какими-то данными.

Подобно этому дистрибутивный анализ значений также едва ли может в полной мере раскрыть все значение слова. С одной стороны, он не соотносит слова с явлениями внеязыковой действительности, как это делается при компонентном анализе. А с другой — при дистрибутивном анализе не вскрываются в достаточной степени всяческие ассоциативные связи слова с другими словами, которые являются очень важными характеристиками его места в словаре. Эти связи подчас слишком слабы для того, чтобы быть раскрытыми при помощи инструментария компонентного и дистрибутивного анализа.

Само собой разумеется, психолингвистические методики семантического анализа не являются и не могут являться исчерпывающими. При осуществлении психолингвистического анализа значений вскрываются определенные, в том числе и такие, которые плохо раскрываются другими методиками, черты значений.

Особенностью психолингвистического исследования семантики является обращение непосредственно к интуиции носителей языка. Неизбежная доля субъективности в оценках носителей языка при этом перекрывается за счет использования интуиции ряда испытуемых, что позволяет сгладить субъективные особенности и получить более объективные психолингвистические данные [126, 12—54]. И вместе с тем ценность психолингвистических данных для установления значений слов состоит как раз в привлечении интуиции испытуемых. Для психолингвистических ме-

тодик изучения значений характерно то, что путь познания значений идет через выявление отношений носителей языка к языковым знакам, т. е. прежде всего — прагматического аспекта значения. Правда, прагматическим аспектом познание значений в психолингвистических экспериментах не ограничивается: психолингвистические методики не только допускают, но подчас и предполагают рассмотрение синтактического аспекта значения, поскольку в них формируются и анализируются сочетания слов и предложения, поскольку синтагматические эксперименты составляют весьма существенную часть многих психолингвистических методик раскрытия значений, а главное — синтагматические отношения, хотим мы того или не хотим, обязательно проявляются в любых языковых операциях. Конечно, и сигматический аспект значения получает отражение в психолингвистических экспериментах, поскольку они так или иначе нередко соотносят явления языка с фактами внешней действительности. Однако главный путь, по которому психолингвистика идет к познанию семантических отношений, — это путь через прагматический аспект языковых единиц.

Рассматривая различные психолингвистические методики изучения значений, следует, видимо, прежде всего подчеркнуть три основных их типа в отношении характера тех операций, которые проделывают информанты, участвующие в опыте. В первой из них в ходе экспериментов испытуемым предлагается либо строить некоторые тексты или же их фрагменты, либо так или иначе моделировать синтагматические отношения между словами. Хотя способ получения в этом случае данных — психолингвистический, основанный на привлечении интуиции носителей языка, характер получаемых данных прежде всего касается синтактического аспекта слов, характеристики их места в тексте. Поэтому такого рода данные целесообразно считать психолингвистическими лишь частично. Это отнюдь не снимает ни их ценности, ни целесообразности применения такого рода методик, поскольку через такого рода эксперименты может быть познано значение слова, но характер данных, получаемых в таких экспериментах, сближен с результатами дистрибутивных исследований лексики.

Другой тип психолингвистических методик так или иначе связан с фиксацией ассоциаций, возникающих у испытуемых с другими словами не только по синтагматиче-

ским непосредственно текстовым связям, но и по иным связям, существующим в сознании испытуемых. Наиболее чистым экспериментом такого типа является свободный ассоциативный эксперимент.

Наконец, в психолингвистических экспериментах нередко используются различного рода эксперименты с мета-языковыми заданиями. Простейшим такого вида экспериментом может быть эксперимент, в котором предлагается оценить возможность или распространенность некоторой конструкции [7, 18—30] или же показать оценкой меру семантической близости некоторых слов, составляющих предложенную испытуемому пару [123, 39—46]. Более сложной является методика, предложенная в свое время Ч. Осгудом [374], состоящая прежде всего в том, что испытуемые оценивают анализируемые слова по ряду шкал, каждая из которых определяется парой антонимов — полюсов шкалы; в дальнейшем путем определенных операций Осгуд осуществлял измерение расстояний (семантического дифференциала) между словами в «семантическом пространстве», создающемся путем соотнесения этих шкал или их объединений. Применение методики Осгуда, безусловно, дает определенные результаты для анализа семантической системы языка, что было показано и на русском материале [123, 46—71; 217, 38—47]. Эта методика представляет собой третий тип.

Разумеется, такое деление психолингвистических экспериментальных методик в определенной мере условно. Некоторые эксперименты включают как элементы, характерные для несобственно-психолингвистических методик, устанавливающих дистрибутивные свойства слов, так и элементы типичных ассоциативных методик, отражающих прежде всего прагматический аспект значения.

Характерной чертой всех психолингвистических методик является то, что они направлены не на анализ отдельных слов, а на установление определенных отношений между словами. Собственно говоря, данные о структуре ассоциаций одного слова или о характерных для него сочетаниях, как и металингвистические оценки одного отдельно взятого слова, практически ничего не дают. Они представляют собой какую-то ценность лишь тогда, когда возникает возможность сравнения данных о психолингвистических параметрах ряда слов. Но это означает, что психолингвистические методики имеют системную на-

правленность, что они служат для лингвистики успешно лишь тогда, когда при их помощи анализируется система лексики или некоторые ее фрагменты.

Свободный ассоциативный эксперимент. Ассоциативные словари

Л. Н. Титова

Свободный ассоциативный эксперимент — простейший психолингвистический прием, используемый для изучения семантики. Методика свободного ассоциативного эксперимента возникла как психологическая, а также психиатрическая методика.

Именно эта сторона свободного ассоциативного эксперимента получила развитие в классических работах К. Г. Юнга, именно в этом плане создавался и первый словарь ассоциативных норм английского языка в Америке, выпущенный в 1910 г. Г. Кент и А. Розановым. В этом плане использовались свободные ассоциативные эксперименты и советскими учеными [164].

Поскольку, с одной стороны, вполне естественно предположение, что в ассоциациях некоторого слова с другими словами отражаются определенные существенные черты значения слова, а с другой — было выяснено, что реакции на слова и на предметы, обозначаемые этими словами, не совпадают, стало ясно, что свободный ассоциативный эксперимент может использоваться не только в теоретических и прикладных целях психологами, но и в лингвистике для изучения значений. Это становится особенно ясным в связи с тем, что установлены различия в ассоциациях на эквивалентные слова у носителей различных языков [97], в том числе даже близкородственных [282].

Сущность свободного ассоциативного эксперимента состоит в том, что испытуемому предлагается в ответ на тот или иной словесный стимул выдать «первую пришедшую в голову» словесную реакцию. Так, к примеру, Дж. Дженкинс приводит следующую инструкцию, которая давалась испытуемому, участвовавшему в эксперименте по подготовке миннесотских ассоциативных норм: «Это одно из исследований речевого поведения, проводимых в Миннесоте. Это обычный эксперимент на свободную ассоциацию. Пожалуйста, напишите Ваше имя на обороте листка.

Когда Вы откроете этот листок (задание в миннесотском эксперименте давалось в виде списка слов с пропусками для ответов на двух внутренних страничках сложенного вдвое листка), Вы увидите список 100 слов-стимулов. После каждого слова напишите первое слово, которое Вы подумаете. Начинайте с первого слова. Посмотрите на него. Напишите слово, о котором Вы подумали; тогда переходите к следующему слову. Отвечайте только одним словом каждый раз. Не пропускайте слов. Работайте быстро, пока не кончите весь список 100 слов. Когда Вы кончите, сложите бумагу и напишите буквы, которые в этот момент будут показаны на доске (таким образом отмечалось время, затраченное на выполнение эксперимента). Есть вопросы? Все. Приступайте» [372, 2]. Экспериментальные задания могут даваться в устной или письменной форме. Ответы испытуемых тоже могут быть получены устно (с фиксацией на магнитофоне или с протокольной записью) или же в письменном виде. Коль скоро речь идет о единственной словесной реакции, обычно не возникает вопроса о том или ином ограничении времени на раздумье, но в принципе и оно может быть введено.

Свободный ассоциативный эксперимент может проводиться либо раздельно на каждое слово, либо, чаще, списком, когда испытуемым предлагается тот или иной список слов. В целях обеспечения меньшего влияния соседних слов в списках приходится предупреждать об этом в той или иной форме испытуемых, не сообщать им полного списка заранее, отделять ответы на слова какими-то сигналами (постукиванием) или размещением слов-стимулов на отдельных страницах заданий-буклетов и т. д.

В некоторых разновидностях ассоциативных методик испытуемым предлагается дать не один, а несколько ответов (обычно количество реакций ограничивается либо определенным числом, скажем, пятью, либо же отпускаемым на ответ временем). Опыт, однако, показал, что на непервые ответы в свободном эксперименте значительное влияние оказывает предшествующий ответ. Нередко бывает, что второй ответ — скорее ассоциация не на слово-стимул, а на первый ответ [345]. Поэтому следует решительное предпочтение отдать тем методикам свободного эксперимента, в которых принимается во внимание лишь первое слово. Разумеется, для психологических или психиатрических целей может оказаться весьма интересной и цепочка реакций, возникающая в таких случаях, но в

лингвистическом отношении она менее интересна, хотя и может получить свою интерпретацию [123, 71].

Свободный ассоциативный эксперимент может проводиться индивидуально с каждым отдельным испытуемым, но более частым примером является проведение его с той или иной группой испытуемых.

Итак, можно сказать, что более частыми являются групповые эксперименты по спискам слов; устная или письменная формулировка заданий более или менее одинаково употребительна, каждая из этих форм имеет свои достоинства и свои недочеты. Реакции испытуемых получают в последнее время чаще в письменной форме.

Анализ реакций в свободных ассоциативных экспериментах показывает значительный разброс в ответах. В миннесотских ассоциативных нормах 1952 г. приводятся ответы тысячи испытуемых на сто слов классического списка Кент-Розанова. Количество различных ответов на один стимул колеблется в основном в пределах от пятидесяти до полутора; самые частые реакции выступают у части испытуемых, колеблющейся в пределах от десяти до семидесяти пяти процентов [373]. Следует отметить, что во многих других данных такой значительной сгруппированности ответов нет. Так, в польском словаре по тому же списку самый частый ответ встретился лишь у 330 испытуемых, а количество разных ответов на один и тот же стимул ни разу не было менее ста, но зато, в отличие от миннесотских норм, довольно часто превышало 200 и даже изредка — 300 [364].

Отсюда вытекает требование проводить свободный ассоциативный эксперимент со значительным количеством испытуемых. В качестве разумного предела количество испытуемых при проведении свободного ассоциативного эксперимента для выяснения ассоциативных норм среди носителей того или иного языка принимается часто за 1000 (миннесотские нормы, польский словарь, готовящиеся русский, белорусский, киргизский ассоциативные словари). Вместе с тем следует подчеркнуть, что наиболее интересны лингвистически не все вообще ассоциации, а лишь те, которые встречаются у значительной части испытуемых. В связи с этим представляют интерес и свободные ассоциативные эксперименты с меньшим числом испытуемых, но важно при этом останавливаться на наиболее частых, а следовательно, наиболее достоверных ответах. Если эксперимент с тысячей испытуемых дает

возможность говорить для каждого слова, по крайней мере, о десятке ассоциаций, встретившихся не менее чем у десяти-пятнадцати испытуемых, то при эксперименте со ста испытуемыми можно считать надежными лишь две-три наиболее частые реакции.

Со времени книги Юнга и публикации Кент и Розанова вышло несколько работ, в которых опытным путем устанавливаются ассоциативные нормы английского, немецкого, французского, польского, итальянского языков. Некоторые из них вошли в очень информативный сборник «Нормы словесных ассоциаций», подготовленный Л. Постмэном и Дж. Кеппелом [373]. Готовятся в настоящее время русский ассоциативный словарь под руководством А. А. Леонтьева [153; 242; 64, 114—127], белорусский ассоциативный словарь А. И. Титовой, русско-киргизский ассоциативный словарь автора этих строк (в котором будут скомбинированы для удобства использования принципы подачи материала, принятые в словарях ассоциативных норм и переводах стимулов), а также наиболее частых из полученных ассоциаций [283]. При составлении этих словарей используются обычно прежде всего списки, принятые Кент и Розановым, дополняемые иногда теми или иными словарями. Так, в словник русского ассоциативного словаря намечается включить пятьсот слов, в белорусский словарь — до трехсот и т. п. Варьируется определенным образом и расположение слов в словаре, а также, что существенней, — в анкетах, предъявляемых испытуемым. Приведем список стимулов Кент — Розанова в обычном порядке (в русском переводе): стол, темный, музыка, болезнь, мужчина, глубокий, мягкий, еда, гора, дом, черный, баранина, удобство (-ный), рука, короткий, плод, бабочка, гладкий, приказ (ать), стул, сладкий, свисток, женщина, холодный (-о), медленный, хотеть, река, белый, прекрасный, окно, грубый, гражданин, нога, паук, игла, красный, спать, гнев, ковер, девочка (девушка), высокий, работа (ющий), кислый, земля, забота, солдат, капуста, твердый, орел, желудок, ствол, лампа, мечта (сон), желтый, хлеб, право, мальчик, свет, здоровье, библия, память, овца, купанье (ванна), коттедж, быстрый, голубой (синий), голодный, поп, океан, голова, печь, длинный, религия, водка, ребенок, горький, молот, жаждущий, город, площадь (квадрат), масло, доктор, громкий, вор, лев, радость, кровать, тяжелый, табак, дитя, луна, ножницы, тихий, зеленый, соль, улица, король.

Получаемые в ходе ассоциативного эксперимента реакции распределяются в основном между синтагматическими и парадигматическими [202]. Синтагматические — это такие реакции, которые возникают у испытуемых при попытке составить с данным словом-стимулом словосочетание; такова, например, реакция *круглый* на стимул *стол*. Парадигматические реакции — это слова, принадлежащие к той же семантической группировке, что и стимул (*стол* — *стул*, *черный* — *белый* и т. д.), в том числе синонимы, антонимы и т. д. Было отмечено, что иногда имеет место зеркальное отношение как в парадигматических, так и в синтагматических реакциях. Так, среди наиболее частых реакций на слово *снег* — слово *белый*, а, напротив, в ответ на *белый* многие испытуемые отвечают *снег*. Ответ на слово *стол* для значительной части испытуемых — *стул*, а на стимул *стул*, наоборот, реакция *стол* [377]. Отмечается и третий тип ассоциаций — тематический; это такие слова, которые не входят непосредственно в семантическую группу с данными и не составляют с ними сочетания. Это, например, реакция на слове *темно* — *ночь* [294, 128; 221, 64].

К. Нобл [372] предлагал измерять «осмысленность» или «смысловую наполненность» (первоначально — «смысл») слов количеством осмысленных («приемлемых») ассоциатов, которые вызываются данным звуковым комплексом. Он отметил, что бессмысленные звуковые комплексы вызывают мало осмысленных ассоциатов, немного их и у редких слов, но значительно больше у широко употребительных слов. Тогда мера осмысленности некоторого слова s , обозначаемая как m_s , определяется Ноблом из соотношения суммы разных «приемлемых» (осмысленных) ассоциаций на данное слово у каждого испытуемого R_i , взятой для всех испытуемых (N):

$$m_s = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N R_i.$$

Нобл ограничивал время для записи ассоциаций 1 мин. Тогда, например, если пять испытуемых в ответ на стимул *сон* записали: первый — *спать, спать, спать, спать, спать*; второй — *спать, кровать, крепкий, снится, встать, лежать*; третий — *кровать, постель, одеяло, хорошо, тепло, мягко, подушка*; четвертый — *сон, приятно, хорошо, спать, лежать*; пятый — (наразборчивый ответ), *бодрст-*

вовать, ложиться, хранеть, величина осмысленности этого слова будет равна: $m_{\text{сон}} = 1/5 (1+6+7+4+3) = 21/5 = 4,2$.

Критикуя понятие «осмысленности» или тем более «измерение смысла» в концепции Нобла, Ч. Осгуд отмечал, что, по существу, индекс Нобла не отражает значения слова. Однако оказалось, что этот индекс находится в определенной корреляции с «семантическим дифференциалом», предложенным для измерения значений иным методом самим Осгудом. Очевидно, количество ассоциатов, появляющихся у носителя языка за единицу времени, в какой-то мере свидетельствует если не об осмысленности, то о некоторых чертах связей данного слова с другими словами в сознании испытуемого. А это каким-то образом связано с его употребительностью, многозначностью, а следовательно, с некоторыми, главным образом прагматическими (хотя возможно и синтаксическими), аспектами его значения.

Определенный интерес представляет предложенная Ю. Д. Апресяном [16, 130] в связи с обсуждением индекса Нобла методика определения степени вхождения слова в семантические поля, исходя из того, в какие семантические поля входят ассоциаты на это слово. В качестве меры вхождения слова А в семантическое поле слова В Апресян предлагает величину $M_{AB} = (n_b - 1) : N$, где n_b — количество реакций В на слово А, а N — число участников эксперимента.

Чтобы проиллюстрировать ассоциативную структуру слова, приведем полностью статью из русского ассоциативного словаря (составленного автором по показаниям 500 испытуемых):

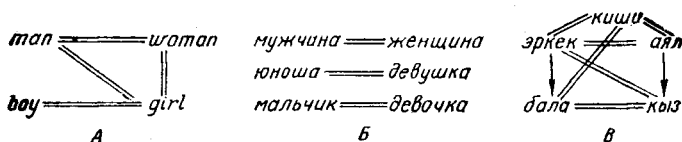
БЕЛЫЙ 107 разных ответов. Снег 116, черный 58, свет 28, заяц, медведь 22, цвет 19, дом 12, хлопок 10, лебедь, хлеб 8, день, пух 7, волк, голубь, желтый, кот 6, парход, сахар, цветок 5, аист, парус, пудель, светлый, шарф 4, баран, камень, клык, котенок, конь, облако, серый, синий 3, белка, ворона, ворон, голубой, зверь, зеленый, зима, красный, лед, лист, молоко, мяч, олень, орел, платок, простыня, стена, темный, халат, чистый 2; альбинос, атаман, атлас, арбуз, без пятен, беляк, больно, бумага, в крапинках, водные лыжи, волос, волосы, генерал, глаз, гром, гусь, дым, зависть, зуб, карандаш, как парход, ковер, корабль, курица, ледник, ледяная пустыня, лепесток, лилия, липа, лунь, мак, мел, небо, ноготь, ог-

ромный, пар, полюс, пустыня, рог, розовый, ромашка, свитер, седой, сиреневый, слон, ум, филин, человек, флаг, шар, шуба 1. Отказ от ответа 6.

Исходя из этих данных, мера вхождения слова *белый* в семантическое поле *снег* равна $(116-1):500=0,23$, мера его вхождения в поле слова *черный* — 0,012, *свет* — 0,06 и т. д. Можно заметить, что, быть может, имеет смысл говорить — судя по приведенному примеру — не о вхождении слова *белый* в семантическое поле слова *снег*, а о вхождении слова *снег* в семантическое поле *белый*; вместе с тем, возможно, не следует доводить исчисление меры вхождения до редких реакций с частотой 2, как предлагает Апресян, а остановиться на более частотных и лингвистически (социально, а не только индивидуально) значимых результатах более частых ответов.

Приведенными примерами не исчерпываются возможности применения данных об устойчивых ассоциациях в целях изучения значения. Можно думать, что было бы очень полезным осуществить не только внутреннее изучение ассоциативных структур языков, но и исследовать взаимоотношения ассоциативных структур в разных языках. Дж. Диз и Х. Р. Поллио [377] характеризовали отношения взаимного ассоциирования (зеркальные ассоциаты) некоторых слов. Для английского языка Поллио отмечает отношения слов по взаимной ассоциации (учитываются наиболее частые ассоциаты), характеризуемые взаимным ассоциированием для четырех слов (слова *тап* — мужчина и трех его первых ассоциатов: *woman* — женщина, *girl* — девушка, девочка и *boy* — мальчик, юноша). Эти отношения показаны на схеме 4 А. В русском языке взаимно ассоциируются лишь слова, характеризующие лиц одного возрастного среза (схема 4 Б). Своеобразная картина складывается во взаимном ассоциировании эквивалентных слов в киргизском языке. К словам *эркек* — мужчина, *аял* — женщина, *бала* — мальчик, *дитя* и *кыз* — девочка, *девушка* необходимо добавить взаимно ассоциирующееся с ними слово *киши* — человек; между представителями разных возрастных групп того же пола устанавливаются односторонние ассоциативные отношения (в отличие от английского, где отношения обоюдны, и от русского, где их не отмечается); эти отношения показаны на схеме 4 В. Во всех этих отношениях отражаются оттенки значений рассматриваемых слов. Так, если в английском и киргизском нет дифференциации значений «де-

вочки» и «девушки», то в русском она есть. Английское *boy* отличается от русского и киргизского слов тем, что оно в большей мере включает в себя значения «мальчик» и «юноша», в то время как русское и киргизское слова более указывают на возраст. Важно, видимо, и то, что слово *man* в определенном отношении более общее по значению, чем русское *мужчина* и киргизское *эркек*: оно в большей мере включает в себя понятие «человек»; интересно в этом плане введение в киргизском языке слова *киши* в рассматриваемую ассоциативную группировку слов.



Сравним по пяти наиболее частых ассоциаций на стимулы «черный» в пяти различных языках (данные по английскому [373], польскому [364], белорусскому и киргизскому языку по 1000 испытуемым, по русскому — по 500; для сравнения в русской части указываются промилле всех ответов).

Русск.	Белор.	Польск.	
черный	чорны	czarny	
кот 196	дзень 91	biały	„белый“ 195
белый 144	белы 66	kot	„кот“ 152
ворон 56	воран 66	kolor	„цвет“ 77
ночь 38	хлеб 52	pies	„пес“ 34
хлеб 30	кот 52	pos	„ночь“ 29
Англ.		Кирг.	
black		кара	
white — белый 751		ак — белый 164	
dark — темный 54		кек — зеленый, голубой, 42	
cat — кот 26		кейнок — платье 28	
light — светлый 22		кызыл — красный 28	
night — ночь 20		кой — овца 27	

Общей реакцией для всех языков оказалась реакция *белый*. Но интересно, что уже такая, казалось бы, общая реакция, как *ночь*, отсутствует среди частых реакций в киргизском ассоциативном словаре. Реакция *хлеб*, частая для русского и белорусского языков, лишь в трех ответах зафиксирована в польском словаре и отсутствует в англий-

ском и киргизском. Ответ *кот* оказался «европейским» — его нет среди неединичных киргизских ответов. Интересно, что из названий животных в киргизском эксперименте выдвинулось в число сравнительно устойчивых ассоциаций слово со значением «баран, овца». Однако надо отметить в русском и белорусском реакции *ворон*. Стоит подчеркнуть несколько иное цветовое соотношение слова *черный*. У всех славян цветовые реакции на *черный* — это *белый* и *красный*. У англичан и у киргизов наряду с этими реакциями среди частых оказались слова со значением «голубого». Итак, и в парадигматике, и особенно в синтагматике можно отметить значительные различия в реакциях на выбранный стимул, несмотря на наличие определенных сходств в реакциях, а также сравнительную конкретность стимула. Если же взять менее частые реакции, то специфика языков проявится в них еще в большей мере. Но это именно и показывает ценность ассоциативных данных для исследования семантики. Конечно, противопоставление черного ночного и голубого дневного неба вполне понятно и для славян, но, быть может, для них соотношение черного как одного из цветов с другими цветами идет по более четкой линии противопоставлений, в то время как англичане и киргизы в большей мере, чем славяне, включают черный в ряд обычных цветов.

Разумеется, приведенными примерами далеко не исчерпываются ни возможности сопоставительного изучения ассоциативных структур различных языков, ни проблематика ассоциативного исследования лексики. Несомненно, однако, что больший охват языкового материала как разных языков, так и более широкого круга слов ассоциативными экспериментами отвечал бы интересам развития как теоретического языкознания, так и его применений.

Направленные ассоциативные эксперименты

А. П. Клименко, Л. Н. Титова

Если свободный ассоциативный эксперимент предполагает полную свободу ассоциаций у испытуемых, то это, в частности, приводит к значительному разбросу в ответах, а потому требует привлечения к эксперименту для получения достаточного числа надежных данных весьма значительного числа испытуемых. Но это сужает возмож-

ности применения свободных ассоциативных экспериментов; не случайно даже в специальных работах по проблематике ассоциаций авторы нередко базируются не на собственных экспериментах, а на данных готовых словарей. А словарей, основанных на обследовании большого числа испытуемых, не так много, причем включают они, как правило, одну — три сотни слов. Между тем введение в экспериментальное задание какого-то ограничения позволяет получить ассоциации в заданном направлении, достаточно надежные уже при меньшем числе испытуемых.

Остановимся на некоторых ограничениях, применяемых в направленных ассоциативных экспериментах, а также на возможностях использования этих экспериментов для изучения семантики.

Однако если в свободном ассоциативном эксперименте реакции испытуемых в основном распределяются между парадигматическими и синтагматическими, то можно прежде всего ограничить постановку задачи приведением только парадигматических или только синтагматических реакций. Поскольку сформулировать задание для тематических реакций практически невозможно, едва ли имеет смысл говорить об ограничении экспериментального задания по этому направлению. Соотношение парадигматических и синтагматических ответов (которые, кстати, не всегда легко разделить для языков с развитой конверсией и некоторыми другими грамматическими особенностями: английские и киргизские слова нередко могут рассматриваться одновременно и как существительные, и как прилагательные) зависит, видимо, и от состава испытуемых, и от их родного языка, и от некоторых тонкостей в формулировке экспериментального задания, а также от предшествующего опыта испытуемых (см. [123, 129]). Так, к примеру, испытуемые, которые читали рассказ К. Чапека «Эксперимент профессора Роуса», скорее будут выдавать в свободном эксперименте парадигматические реакции, ибо именно эти реакции представлены в этом рассказе об ассоциативном эксперименте. Поэтому вполне вероятно, что чистота свободного эксперимента не только не пострадала бы, если бы на задание налагалось ограничение реакций синтагматикой или парадигматикой (приведите любое слово, сочетающееся с данным, или приведите любое слово, принадлежащее к той же части речи). Представляется, что тогда, когда речь идет об исследовании отношений слов в системе, вполне правомерно огра-

ничиться лишь парадигматическими реакциями, в то время как при ориентировке на текст важно сосредоточиться именно на синтагматических реакциях. Такие ограничения, однако, в широком масштабе ассоциативных словарей практически не проводятся, что связано с желанием обеспечить сравнимость новых материалов с уже имеющимися. Кроме того, такого рода ограничения нельзя еще считать достаточно четкими для преодоления сильного разброса в ответах испытуемых. В этом случае речь идет скорее не о направленности, а лишь о разграничении реакций.

К собственно направленным ассоциативным экспериментам целесообразно относить такие, в которых осуществляется достаточно четкая направленность испытуемых на решение какой-то сравнительно узкой задачи.

При ограничении задания парадигматическими реакциями можно, к примеру, использовать существующие в той или иной степени для разных слов у испытуемых представления о противопоставлениях и предложить им приводить антонимы (слова с противоположным значением) к заданным стимулам. Как показывает эксперимент, направленность ассоциации делает ее значительно более сосредоточенной, сокращает разброс (за счет снятия ненаправленных реакций) и потому позволяет ограничиться значительно меньшим числом испытуемых. Так, например, в свободном ассоциативном эксперименте на стимул *высокий* самой частой реакцией была *низкий* (18,6%), а на стимул *короткий* реакцию *длинный* выдали 15,2% испытуемых, и она заняла первое место среди парадигматических реакций (на первом общем месте — слово *день*). В направленном противопоставительном эксперименте в ответ на стимул *высокий* реакция *низкий* была получена от 100% испытуемых, а на стимул *короткий* реакция *длинный* получена от 92% участников эксперимента. Такого рода эксперимент позволяет обнаружить определенные аспекты многозначности слова (распределение наиболее частых реакций на слово *мелкий* таково: *глубокий* 52%, *крупный* — 44%) или, напротив, синонимии (сравните реакции на стимул *защита* — *нападение, атака*; на стимул *хвала* — *ругань, хула, брань, порицание, неодобрение*) или вариантности (реакции на слово *дружеский* распределились между *вражеский* — 68% и *враждебный* — 32%). Различные аспекты значения слова *старый* манифестируются в противопоставлениях

молодой и новый. Приведенные примеры показывают, что этот вариант направленного парадигматического ассоциативного эксперимента дает определенные материалы для познания семантики, аналогичные тем, что могут быть получены в ходе свободного ассоциативного эксперимента, но путь их получения в направленном эксперименте более экономичен, а результаты более показательны.

Если ограничить задание ассоциативного эксперимента выдачей синтагматических реакций, это будет означать, что от испытуемых требуется построить минимальный (двухсловный) фрагмент текста с заданным словом. В связи с этим данные подобных экспериментов во многом сходны с данными дистрибутивного анализа и могут быть для него использованы. Вместе с тем не следует полностью отождествлять данные направленного синтагматического эксперимента с данными дистрибутивного анализа. Во-первых, частотность ответов в эксперименте и частотность соответствующих сочетаний в тексте не всегда будут совпадать по рангу или по порядку из-за того, что испытуемые нередко дают в качестве реакций слова, составляющие со стимулами как бы идеальные сочетания. Проявляется, в частности, стремление к отражению в реакциях оптимистических оценок и т. п. Во-вторых, следует отметить, что даваемые испытуемыми ответы подчас в большей мере характеризуют не возможности реальных сочетаний слов в текстах, а оказываются определениями предметов, понятий, обозначаемых данным словом. Так, к примеру, реакция *плохая* на слово *боль*, полученная в одном эксперименте, отражает не сочетаемость слова *боль*, а характеристику обозначаемого им понятия.

Экспериментально можно показать, что данные синтагматических направленных ассоциативных экспериментов неплохо коррелируют с соответствующими данными свободного эксперимента. Так, в одном направленном синтагматическом эксперименте испытуемым было предложено дать определения к стимулам — некоторым существительным — общим названиям лиц. Наиболее частые определения в этом эксперименте совпали для ряда слов с наиболее частой синтагматической реакцией свободного ассоциативного эксперимента: *старик (седой)*, *женщина (красивая)*, *гражданин (советский)*, *мужчина (высокий)*, *девушка (красивая, стройная)*; в других случаях произошло изменение места первого и второго по частоте ответа, в отдельных случаях первый ответ из

свободного ассоциативного эксперимента плохо сочетался со словом (например, *малыш* — *маленький*) и не попал в число самых частых ответов направленного эксперимента.

Сравнение наборов частых ассоциатов для разных слов в указанном направленном эксперименте позволило установить определенные соотношения между анализирувавшимися в нем словами, а также установить и определенные соотношения с компонентами значения. Такое сравнение может при этом вестись, естественно, не только в качественном, но и в количественном плане. Так, например, слова *жена* и *женщина* получили одинаковые наборы трех самых частых определений (*добрая, красивая, умная и красивая, умная, добрая*), что свидетельствует о значительных семантических сходствах этих слов. Но другие частые определения распределяются иначе: они преимущественно или даже исключительно связаны с одним из этих слов (*заботливая, любящая* — со словом *жена*, а *стройная* — со словом *женщина*); кроме того, определение *добрая* встретилось со словом *женщина* значительно реже, чем со словом *жена*. Таким образом, уже этот небольшой материал свидетельствует о целесообразности принимать во внимание при анализе не только ограниченное число самых частых реакций, но и все те реакции, которые по статистическим показателям могут расцениваться как относительно достоверные. Приведенные материалы свидетельствуют о том, что и синтагматическая разновидность направленного ассоциативного эксперимента представляет определенную ценность для изучения семантики.

Своеобразной разновидностью направленного парадигматического ассоциативного эксперимента с переменной направленностью является эксперимент, в котором реакция дается не на одно, а сразу на два слова (как бы «среднее семантическое»). В этом случае один из стимулов можно рассматривать как основной, а второй служит для направления внимания испытуемых в данной части опыта.

В ходе такого эксперимента испытуемым предлагается вписать между двумя словами-стимулами слово, связанное более или менее одинаково с двумя заданными словами. Задание предьявляется испытуемым письменно в виде буклетов, на каждом листке которых дается лишь одна пара-задание. Например:

дождь

.....

погода

Вписать слово-реакцию предлагается на место точек. За один сеанс испытуемым предлагается до 50—60 пар слов.

В качестве приемлемых ответов рассматриваются при анализе результатов эксперимента один-два наиболее частых ответа, полученных в каждом цикле примерно от 60 испытуемых. В тех случаях, когда второй по частоте ответ резко отрывается по количеству давших его от первого и приближается к остальным ответам, он не учитывается.

Эксперимент по данной методике был проведен для выявления и ограничения семантической микросистемы времени [123, 35—38] и погоды [280, 164—172] в русском языке. Так, в эксперименте по выявлению семантической микросистемы погоды в первом цикле была предъявлена начальная пара *жара — туман*. В эту пару испытуемыми чаще всего было вписано слово *дождь*. В следующем цикле из двух первичных слов и полученного третьего образовывались пары, вновь предлагаемые испытуемым (в нашем случае: *жара — дождь* и *туман — дождь*); самые частые реакции в ответах на эти пары (у нас: *погода* и *сырость*) отбираются и с ними составляются все возможные пары (*жара — погода*, *туман — погода*, *дождь — погода*, *жара — сырость* и т. д.). Примерно на пятом — десятом циклах эксперимент замыкается, новые слова среди самых частых реакций не появляются (в данном случае эксперимент замкнулся на седьмом цикле). Таким образом осуществляется не только отбор определенной группы лексики, но достигается и некоторое ее ограничение, хотя в таком эксперименте оказывается очень существенным подбор начальной пары слов, так как он может предопределить либо очень раннее замыкание опыта, либо, напротив, его незамкнутость. Практически этот вид направленного эксперимента может использоваться прежде всего с целями установления замкнутости или незамкнутости тех или иных семантических группировок и для отграничения замкнутых группировок.

Направленные ассоциативные эксперименты представляют определенную ценность для изучения семантической системы языка. Они позволяют проникнуть

через прагматический аспект значения языкового знака к его семантическим отношениям с другими знаками, а также выяснить некоторые синтаксические и сигматические характеристики слова.

Эксперимент на оценку смысловой близости

Н. П. Сержан

Элементарным метаязыковым заданием является оценка испытуемыми некоторого языкового факта. На материале словосочетаний русского языка такого рода эксперимент был проведен А. П. Клименко [124], а затем М. М. Копыленко [134, 36—38]. Они предлагали испытуемым оценивать по пятибалльной и четырехбалльной шкале определенные сочетания слов. Задача эксперимента состояла в том, чтобы установить допустимость, норму лексической сочетаемости (все предлагающиеся сочетания были правильны грамматически), причем М. М. Копыленко интересовала сочетаемость как таковая, а А. П. Клименко рассматривала ее как диагностирующее проявление некоторого семантического признака, присущего рассматривавшимся словам. Несмотря на простоту методики, результаты были получены интересные, они позволили более объективно судить о возможности употребления в языке тех или иных конструкций, а следовательно, сделать выводы о лексических свойствах рассматриваемых слов и словосочетаний. Такая методика оценок допустимости тех или иных сочетаний с некоторыми модификациями получила применение и в других работах.

Принцип оценки испытуемыми некоторых языковых фактов применяется и в методике оценки смысловой близости слов, использованной А. П. Клименко [123, 39—46], для установления структуры семантической микросистемы существительных времени (наряду с другими психолингвистическими приемами).

В ходе эксперимента испытуемым предлагается дать оценку смысловой близости предложенных им пар слов по некоторой шкале. Можно использовать несколько шкал, по которым оцениваются слова или словосочетания в ходе психолингвистического эксперимента. Шкалы могут быть жестко градуированными, когда для каждой оценки определяется значение. Это имеет смысл для

шкал с небольшим числом оценок. Такого рода шкалы с четырьмя и с пятью оценками применены в упомянутых экспериментах на оценку сочетаний. Четырехбалльная шкала строилась со следующими нормами оценок: 0—нет, 1—скорее нет, 2—скорее да, 3—да. Инструкция пятибалльной шкалы имела такой характер: оценка 5 выставляется сочетаниям, не вызывающим никаких возражений и оговорок; 4—сочетаниям, которые не вызывают возражений (но ограничены в чем-то); 3—допустимым сочетаниям, которые, однако, в чем-то вызывают возражение; 2—неверным сочетаниям, которые, однако, в отдельных случаях могут встретиться; оценка 1—совершенно невозможным сочетаниям. Простота четырехбалльной шкалы, сходство пятибалльной шкалы с системой школьных оценок, хорошо известной всем испытуемым в Советском Союзе, являются неоспоримыми их преимуществами. Однако недостатком такого рода шкал является то, что испытуемые получают весьма жесткие установки, свобода оценки ими сочетаний значительно ограничена. В связи с этим в тех случаях, когда речь идет не об оценке «правильности» тех или иных фактов, а об оценке близости или отдаленности тех или иных фактов друг от друга, может быть применена нежесткая система оценки. В такой системе предлагается характеристика полярных оценок, а вся шкала во избежание сходства со школьной или другими чрезмерно известными системами оценок вытягивается по метрическому принципу на отрезке от нуля до десяти. У испытуемых в таком эксперименте большая свобода выбора оценок. Им указываются лишь две крайние оценки: 0—отсутствие смысловой близости и 10—большая близость, совпадение значений. Эти оценки иллюстрируются примерами пар слов, не фигурирующих, разумеется, в эксперименте. Так, к примеру, 0 иллюстрируется примерами *баобаб — ледокол*, *магнит — курица*, а 10—примерами *век — столетие*, англ. *city — town* («большой город»—«город»).

Эксперимент на оценку семантической близости может включать слова как из разных семантических микросистем, так и слова только одной семантической микросистемы. То, что исследуются слова только одной семантической микросистемы, несколько снижает оценку их смысловой близости, так как испытуемые не могут проводить сравнения с парами, образованными из слов

разных семантических групп. Однако данные, полученные А. П. Клименко в ходе ее экспериментов, показали, что уменьшение оценок происходит пропорционально и коэффициент корреляции между результатами (средними оценками) одного и другого экспериментов составил величину 0,9, т. е. указывает на весьма тесную связь результатов обоих экспериментов.

Чтобы обеспечить относительную самостоятельность оценок каждой пары, целесообразно предлагать испытуемым каждую пару слов на отдельном листке бумаги или отдельной страничке буклета. Для создания единого условия проведения эксперимента расположение пар в буклетах целесообразно одинаковое, причем такое, чтобы пары влияли друг на друга при их оценке минимально.

За один сеанс (академический час) благодаря простоте методики испытуемые могут произвести оценку до полутора пара слов. Время оценки каждой пары в ходе эксперимента можно ограничивать постукиванием карандаша или другого предмета о стол.

Обработка результатов эксперимента проводится путем подсчета средних оценок для каждой пары по всем испытуемым. Высокие оценки (7—10) рассматриваются как показатели тесной семантической связи слов. Низкие оценки (0—3) рассматриваются как показатели слабой смысловой связи или отсутствия таковой.

По имеющимся расчетам [126, 50], количество испытуемых, обеспечивающее достаточно надежные результаты в эксперименте рассматриваемого типа, равно пятидесяти-шестидесяти, но и данные, получаемые от десятка человек, могут дать первое приближение к той модели отношений между словами, которая получается в результате эксперимента по оценке их смысловой близости. В то же время значительный размах колебаний в индивидуальных показаниях испытуемых как при характеристике отдельных слов, так и семантических групп указывает на то, что индивидуальное показание не может служить основой для конструирования модели семантической системы языка. Лишь объединение ряда индивидуальных показаний достоверно раскрывает структуру семантической системы языка [123, 146].

Эксперимент по описанной методике был проведен со всевозможными парами из пятнадцати существительных семантической микросистемы «погода» в англий-

ском языке: blizzard „пурга, метель“, breeze „бриз“, cloud „облако“, dew „роса“, gust „порыв ветра“, hail „град“, hoar-frost „иней“, hurricane „ураган“, lightning „молния“, mist „дымка“, rain „дождь“, rainbow „радуга“, storm „гроза, буря“, thunder „гром“, wind „ветер“. Средние оценки, данные ста пяти парам слов 24 испытуемыми — англичанами, представлены в таблице 2.

Таблица 2

Слова	Hoar-frost	Dew	Mist	Rainbow	Hail	Lightning	Thunder	Cloud	Rain	Storm	Blizzard	Hurricane	Wind	Gust
Breeze	1,2	2,2	2,5	2,1	1,6	2,0	1,8	3,9	3,9	3,5	3,4	3,4	7,8	7,7
Gust	1,2	1,1	1,5	1,1	3,7	3,3	3,4	3,4	4,7	5,0	4,8	4,8	8,2	
Wind	1,4	1,7	2,3	2,7	4,9	3,4	5,7	4,6	4,8	7,1	7,5	8,1		
Hurricane	0,9	0,9	2,0	1,2	3,3	4,1	5,2	5,0	4,3	8,5	6,6			
Blizzard	2,3	1,0	2,3	1,5	5,5	3,6	4,1	4,6	5,0	7,9				
Storm	1,1	1,4	2,2	4,2	7,5	7,6	8,7	7,3	8,2					
Rain	2,2	5,2	5,3	7,5	6,5	7,2	7,6	8,1						
Cloud	2,0	3,0	6,9	4,5	4,5	5,1	6,3							
Thunder	1,1	0,9	2,1	2,9	4,6	9,1								
Lightning	1,0	1,0	1,7	2,8	4,4									
Hail	2,5	2,0	2,1	2,0										
Rainbow	2,0	3,3	3,2											
Mist	2,9	5,7												
Dew	4,2													

Анализ полученных результатов показывает, что внутри семантической микросистемы «погода» выделяются пары слов, обладающие высокими показателями смысловой близости, которые образуют несколько семантических групп. Так, пары, образованные словами wind, breeze, gust, blizzard, hurricane, получили оценки семантической близости от 7,0 до 9,0. Эти слова, сконцентрированные вокруг wind, образуют семантическую группу, которую условно можно назвать «движение воздуха в атмосфере, или ветер». Обращают на себя внимание пары слов, получившие оценки семантической близости от 7,0 и выше: storm—thunder, storm—rain, storm—

hurricane, storm — hail, storm—lightning, storm—blizzard, storm — cloud, storm—wind. Отмеченные слова, объединенные словом storm, можно выделить в другую группу, которую условно назовем «бурные явления природы».

Выделяется также большая группа слов, центром которой является rain: storm, cloud, thunder, lightning, hail, rainbow, получившие оценки смысловой близости с rain от 6,5 и выше, которую условно назовем «осадки». Приведенные данные говорят о существовании в сознании носителей языка связей между словами нескольких семантических групп микросистемы «погода», получивших у них высокие показатели семантической близости.

Из рассмотренных выше примеров можно выделить и такие слова, которые осуществляют связь между группами. Слова hurricane, blizzard, получившие оценки смысловой близости 8,1 и 7,5 с wind и 8,5, 7,9 со storm, являлись точкой пересечения групп, в которые входят wind и storm. Связующим звеном между wind и rain оказалось прежде всего слово storm, получившее оценки смысловой связи с ними 7,1 и 8,2 соответственно. Переход группы «бурные явления природы» к группе «осадки» происходит в нескольких точках: thunder, lightning, loud, hail. Эти слова получили оценки семантической близости выше 6,5 со словом rain и со storm. Оценка смысловой близости между rain и storm равна 8,2. Средняя оценка семантической близости между всеми исследуемыми в этом эксперименте словами равна 4,0.

Таким образом, анализ результатов эксперимента указывает на наличие в сознании говорящих нескольких семантических групп микросистемы «погода», находящихся в тесной связи между собой, основой которых являются слова wind, storm, rain. Результаты количественного парадигматического эксперимента соотносятся с данными, которые зафиксированы метеорологическими словарями.

ДИСТРИБУТИВНЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИКИ

Сочетаемость и семантика

Б. А. Плотников

Поиски надежных критериев для описания значений слов все настоятельнее приводят лингвистов к анализу сочетаемости исследуемых языковых единиц. Такой путь

нельзя признать единственным и исчерпывающим, но с лингвистической точки зрения он является в настоящее время, пожалуй, наиболее плодотворным.

В общей теории знаковых систем (семиотике), составной частью которой является естественный язык, значение знака рассматривается с трех точек зрения: сигнификативной, синтагматической и прагматической (см., например: [376, 101; 183, 340; 343, 421]). Из них синтагматический аспект предполагает изучение отношений между самими знаками. В языке на материале конкретных текстов или речи это преломляется в исследовании сочетаемости слов. Тот факт, что за грамматическими связями слов более или менее отчетливо проявляется действие семантических законов языка, давно отмечен лингвистами, но только в настоящее время, когда семантика становится одной из наиболее разрабатываемых лингвистами проблем, на основании наблюдений за сочетаемостью лингвистических единиц проводятся массовые экспериментальные исследования с целью описать значения рассматриваемых слов или целых синтаксических конструкций (см., например: [17]), одновременно предпринимаются попытки создать фундаментальную семантическую теорию, реализация которой тоже должна осуществляться посредством сочетаемости (здесь, прежде всего, необходимо назвать работу И. А. Мельчука [172]). В этом же направлении ведутся исследования и за рубежом [382; 353; 386]).

Интерпретировать актуализацию семантических свойств слова в его грамматических связях с другими словами можно по-разному. В одном из возможных случаев слова связываются с соответствующими реалиями или их качествами, которые отражены через сознание в языке этими словами, точнее семантическими аспектами данных слов, и на этом основании вполне правомерно утверждать, что одна часть слов является носителем признаков (или, по Ф. Ф. Фортунатову, «вместилищем признаков» [303, т. 1, 158]), другая часть слов является выражением самих признаков. Первая группа слов относится к существительным, вторая — к глаголам, прилагательным, наречиям.

Примечательны в этой связи идеи А. М. Пешковского, указывавшего, что «форма существительного обозначает предмет, форма прилагательного — признак, заложенный в природе предмета, форма глагола — признак,

производимый деятельностью предмета... наречие обозначает как бы признак во второй степени или признак признака» [207, 16]. В данном случае семантика слова соотносится с предметами и их признаками таким образом, что признаку предмета соответствует определенное слово, находящееся в грамматической зависимости от другого слова, обозначающего предмет или обладателя признака.

Отсюда: «Значение всего словосочетания может быть определено так: такой-то предмет производит такой-то свой признак» [207, 23]. Из этого последовательно вытекает, что «именно в этом произведении предметом своего собственного признака и выражается в языке самая сущность процесса мысли» [207, 39]. Мыслительный акт или семантическая сторона языка проявляется в конкретной речи в виде постоянно образующихся или обновляемых сочетаний слов.

Эти положения А. М. Пешковского не противоречат современным представлениям о семантике слова как о сложном комплексе смысловых компонентов (семантических признаков, сем, семантических множителей, дифференциальных признаков и т. п.), на которые расщепляется значение слова (см., например: [93; 390; 341]). Более того, эти семантические компоненты слова находят свое материальное воплощение в синтаксическом плане языка через сочетаемость. Зависимый (подчиненный) элемент словосочетания можно рассматривать как реализацию семантического компонента определяемого слова, ибо в принципе все основные типы словосочетаний состоят из определяемого и определяющего элементов.

Если рассматривать определяющее слово как отдельный самостоятельный семантический компонент определяемого слова, то осуществить экспериментальное описание значений исследуемых слов практически невозможно из-за огромного количества таких компонентов, к тому же теоретически число сочетаний для большинства слов не выражается конечным числом. Однако, принимая во внимание, что один семантический компонент может выражаться разными по форме словами, это препятствие преодолевается и появляется возможность сделать число таких компонентов легко обозримым, а следовательно, и провести соответствующий лингвистический эксперимент.

Так, например, семантический признак (компонент) формы может реализоваться в тексте такими прилагательными, как *круглый, квадратный, плоский, неровный, прямоугольный* и т. п., семантический признак движения — глаголами *ехать, идти, нестись, мчаться* и т. п.

Проанализировав соответствующую совокупность текстов, в которых употребляются выбранные для исследования слова, можно сгруппировать их дистрибуцию по названным семантическим признакам. При этом получаются разные по величине компоненты в зависимости от числа объединенных соответствующим признаком слов дистрибуции. Более весомый семантический компонент выявляет более значимый для рассматриваемого слова аспект смыслового содержания. Сравнивая величины извлеченных из обследованных текстов семантических компонентов каждого описываемого слова, устанавливают сходство и отличие этих слов по тому или иному компоненту. Такие данные позволяют также использовать статистические формулы для установления величины связи сравниваемых слов по всей совокупности имеющихся у них компонентов.

На основании этих соображений был проведен лингвистический эксперимент для группы слов со значением «мысль, идея» и т. п. Дистрибуция этих существительных (грамматически связанные с ними слова) выписана путем сплошной выборки из текстов на русском литературном языке объемом свыше трех миллионов словоупотреблений. (В данных текстах не была представлена художественная литература: преследовалась цель избежать образных и метафоричных словосочетаний.) В целом на описываемые слова пришлось около десяти тысяч словосочетаний.

После объединения слов дистрибуции анализируемых существительных по соответствующим семантическим признакам были подсчитаны на ЭВМ коэффициенты корреляции (величины связи) для каждой пары рассматриваемых слов. Результаты подсчетов приведены в таблице 3.

Полученные величины распределяются в пределах между 1 и 0. Результат, более близкий к 1, свидетельствует о более тесной связи сравниваемой пары слов по всей совокупности полученных компонентов, и наоборот, чем ближе результат к 0, тем слабее связь между рассматриваемой парой слов. Поскольку компоненты выде-

Таблица 3

	1	2	3	4	5	6	7	8
1		0,93	0,85	0,84	0,84	0,71	0,64	0,61
2			0,8	0,86	0,77	0,65	0,61	0,62
3				0,62	0,72	0,51	0,65	0,36
4					0,72	0,61	0,6	0,57
5						0,74	0,72	0,57
6							0,6	0,74
7								0,43
8								

1 — мысль, 2 — идея, 3 — мнение, 4 — понятие, 5 — ум, 6 — разум, 7 — сознание, 8 — мышление

лялись на семантическом основании, полученные величины можно считать величинами смыслового сходства сравниваемых пар слов.

Таким образом, наиболее тесное семантическое родство зафиксировано между словами *мысль* — *идея* (0,93), *идея* — *понятие* (0,86), *мысль* — *мнение* (0,85). Самая слабая связь отмечается у слов *мнение* — *мышление* (0,36), *сознание* — *мышление* (0,43), *мнение* — *разум* (0,51).

Эти данные в целом согласуются с нашей интуицией, дополняя ее количественно выраженной оценкой семантического родства рассматриваемых существительных. Полученные результаты можно использовать для графического построения того участка семантического пространства языка, в котором находятся описываемые слова. Более родственные по значению слова (слова, между которыми отмечена более высокая величина смысловой связи) должны находиться на этом участке языка ближе друг к другу, чем слова, связанные одно с

другим менее сильными смысловыми отношениями, т. е. расстояния между словами должны быть пропорциональны количественно выраженным величинам (коэффициентам корреляции), полученным на основании эмпирического анализа.

Кроме того, подобные данные могут найти применение при решении проблемы синонимов, для построения определений в специальных словарях и, возможно, в педагогической практике. Пока что подобные исследования имеют прежде всего теоретический интерес, помогая нам зафиксировать результаты мыслительных процессов, реализуемые в речи в форме сочетающихся слов, и проводить измерения, казалось бы, совсем недоступных областей языка, одной из которых является смысловое содержание слова.

Можно предположить, что в сочетаемости проявляются и многие другие свойства слова, представляющие интерес для теоретической лингвистики. Видимо, более широкий круг сочетаемости данного слова с другими словами свидетельствует о более разнообразном смысловом содержании этого слова или о его большей многозначности (полисемии). Более узкий круг сочетаемости описываемого слова с разными словами указывает на большую терминологичность этого слова, и в этом случае оно будет менее многозначно. Значит, полисемия слова ведет к расширению его сочетаемостных свойств, и напротив, чем ближе слово к термину, тем уже круг его сочетаемости. Поэтому располагать слова на оси от терминологической единицы до все большего возрастания его полисемии можно на основании анализа сочетаемости рассматриваемых слов.

Одной из наиболее сложных и трудно разрешимых (особенно для прикладной лингвистики) семантических проблем является насквозь пронизывающая любой естественный язык идиоматичность, или проблема фразеологизмов, которая, в свою очередь, входит составной частью в механизм сочетаемости слов. Решение семантических проблем на материале конкретных языков немислимо без параллельного рассмотрения природы идиоматичности. Именно на примере устойчивых словосочетаний ярко видно, как далеко отходит то или иное понятие от отдельного слова, и только в сочетаниях слов понятие может снова найти свое физическое воплощение в языке. На эту особенность естественного языка

указывал А. Эйнштейн: «На ранней стадии развития слова непосредственно могут соответствовать впечатлениям. Но на более высокой стадии эта непосредственная связь исчезает в том смысле, что определенные слова выражают соотношения к восприятиям, только если они употребляются совместно с другими словами» [334, 12].

И тем не менее мы мыслим слово, по выражению Ф. Соссюра, как «нечто центральное во всем механизме языка» [256, 111]. Переход от слова к словосочетанию в понятийном плане означает осуществление процесса мышления, в языковом плане — реализацию этого процесса в материальной форме. Сама сущность мышления заключается в комбинировании или сочетании идей (см., например: [2, 31—32; 222, 47]), сочетание же идей предполагает установление между ними определенных содержательных связей (ассоциаций). Если считать, что слова могут соответствовать определенным идеям, которые представляют собой сложнейшие конструкции из обобщенных элементов внешнего мира, то можно вполне согласиться с Ш. Балли, утверждавшим, что «каждое отдельное слово — это петля тончайшей сети, которая соткана нашей памятью из невообразимого множества волокон; тысячи ассоциативных связей сходятся в каждом слове и расходятся от него по всем направлениям» [25, 89].

Это значит, что весь язык можно представить в виде сети подобных ассоциативных связей, а узлы, полученные в результате пересечения таких связей, будут словами. В конкретной речи (тексте) эти ассоциативные связи проявляются формально в виде грамматических связей между словами, а поскольку в языке слово соткано из таких ассоциативных связей, т. е. семантика слова и связи между словами имеют одно качественное содержание, то и в речи грамматическая связь будет той же природы, что и значения слов, образующих это словосочетание [55, 38]. Разница заключается, видимо, только в степени сгущения этого семантического качества в самом слове и в грамматической связи между словами. В принципе грамматическую связь можно назвать семантической связью, ибо и то, и другое «сделаны» из одного материала. Введя понятие плотности (сгущения) семантического качества в самом слове и в связи между словами, можно использовать его в истолковании природы идиоматичности.

В свободном сочетании слов семантическое качество в ассоциативной нити, связывающей эти две языковые единицы, будет в менее плотном (более разреженном) состоянии, чем в этих словах. Это позволяет легко разрывать данную связь и комбинировать слова с другими словами языковой системы. По мере увеличения устойчивости словосочетания (усиления его фразеологичности) увеличивается и семантическая плотность в ассоциативной (в речи — грамматической) связи между ними в такой степени, что в законченном фразеологизме происходит выравнивание плотности семантического качества в самих словах и в связи между ними, и образованное устойчивое словосочетание (фразеологизм) приобретает такое семантическое единство, которое делает его в этом отношении подобным отдельному слову.

Значит, степень фразеологичности того или иного словосочетания зависит от силы семантической связи между данными словами или от степени соотношения плотности семантического качества в самих словах и в связи между ними. Один из возможных методов измерить степень фразеологичности между языковыми единицами, образующими словосочетание, предложил М. М. Копыленко [132]. Его попытку можно рассматривать с предложенной точки зрения как экспериментальное измерение семантической плотности в ассоциативном канале, связывающем между собой слова.

Таким образом, исследование сочетаемости слов позволяет описывать некоторые семантические явления как с эмпирического, так и с теоретического аспектов. Важнейшие из них: измерение степени семантического родства между словами и построение на этой основе семантических классов слов, определение меры многозначности и терминологичности слова, установление меры устойчивости (степени фразеологичной спаянности) сочетающихся слов, построение с учетом данных о сочетаемости слов семантических теорий.

Метод дистрибутивно-статистического изучения семантики

Л. Т. Торочешникова

Все возрастающий интерес к содержательной стороне языка вызвал к жизни целый ряд новых методов изучения семантики слов, методов, отмеченных объектив-

ностью анализа лексических единиц. Получили развитие, например, несколько вариантов дистрибутивно-статистической методики исследования значений, отличающихся друг от друга формальным аппаратом обработки данных, предоставленных исследователю этой методикой. Объективность данного метода заключается в том, что материал исследования извлекается из текстов, а не из субъективной области человеческого опыта. Содержательная гипотеза, положенная в основу вариантов дистрибутивно-статистической методики, состоит в том, что в дистрибуции слов так или иначе находит выражение их семантика.

Предлагаемая вниманию методика представляется одним из возможных и весьма эффективных средств познания столь сложного явления, как семантика слов. Основные положения и идеи метода нашли выражение в целом ряде работ автора этой методики А. Е. Супруна и его сотрудников [177, 122—128; 4, 190—201; 218; 264, 305—318; 272, 231 сл.]. Дистрибутивно-статистическая методика предполагает изучение семантики слова в его употреблении, в связи с другими словами.

В основу методики положены следующие теоретические основания, уточнявшиеся в процессе ряда исследований: 1) признание системности в лексике, а именно: признание способности произвольного множества объектов быть однозначно описанными конечным количеством правил, содержащих меньшее число элементов, чем данное множество; 2) признание вероятностно-статистической природы функционирования языка. Лексика представляет собой некоторую неограниченную (во всяком случае очень большую) совокупность языковых знаков на уровне слов. Эта совокупность имеет черты системности. Цель нашего исследования — изучение единиц общей совокупности, их свойств, связей между ними. Задача исследования была бы решена полностью, если бы свод признаков (число характеристик-словосочетаний, выделенных путем обследования текстов), которым мы располагаем, давая оценку единице общей совокупности, носил бы конечный характер. Однако зачастую в наличии оказываются неполные данные о свойствах единиц совокупности. Например, материал исследования, как правило, ограничен одним подъязыком (скажем, стиль художественной литературы), достаточно типично характеризующим потенции лингвистических фак-

тов, но вполне вероятно, что в других подъязыках эти факты могут реализоваться иначе в количественном отношении. Более глубокое познание явлений действительности, в свою очередь, приводит к выявлению их новых свойств.

Это находит закрепление в языке, т. е. не исключена возможность новых употреблений слова. Количество словосочетаний в языке бесконечно, а следовательно, значение слова не есть конечная величина, о ней можно судить только по отношению к определенному состоянию языка в определенное время.

Не располагая теоретически достоверным числом характеристик, мы делаем вывод о природе изучаемого явления, экстраполируя результаты исследования на все элементы общей совокупности. Другими словами, наше изучение носит вероятностный характер, для описания явлений которого используется аппарат математической статистики.

Дистрибутивно-статистическая методика предполагает рассмотрение синтагматических связей слов, реализация которых имеет место в тексте.

Исходная позиция излагаемого метода состоит в следующем: основным фактором, определяющим значение языковой единицы, служит ее сочетаемость. «Манифестация значения слова происходит при его реальном употреблении, при его использовании, а значение, следовательно, выявляется в дистрибуции слова» [62, 185]. Сочетаемость понимается нами как частный случай дистрибуции и «рассматривается не только как представляющая ценность сама по себе в описании свойств слова, но и как одна из возможностей познания такого многостороннего и сложного явления, как семантика слова» [272, 232].

Информационную ценность, например, представляют словосочетания, организованные английским существительным book «книга»: а) с прилагательными blue «голубой», brown «коричневый», clever «умный», dirty «грязный», dusty «пыльный», English «английский», good «хороший», heavy «тяжелый», interesting «интересный», kind «добрый», new «новый», necessary «необходимый», old «старый», small «маленький», thick «толстый», thin «тонкий», и т. д.; б) с глаголами to ask «спрашивать, просить», to be «быть, находиться», to bring «приносить, приводить», to buy «купить, поку-

пать“, to have „иметь, обладать“, to own „владеть, иметь“, to put „класть, положить“, to print „печатать, издавать“, to read „читать“, to retell „пересказывать, пересказать“, to sell „продать, продавать“, to take „брать, взять“, to write „писать“ и т. д.; в) с местоимениями: притяжательными her „ее“, his „его“, my „моя“, our „наша“, their „их, своя“, your „ваша, твоя“, указательными this „эта“, these „эти“, that „та“, those „те“, неопределенными all „все“, any „всякая, любая, сколько-нибудь“, both „обе“, many „много“, some „несколько“ и т. д.; г) с числительными: five „пять“, six „шесть“, two «два» и т. д.

Данная совокупность (естественно, далеко не полная) субстантивного и глагольного спектров сочетаемости составляет семантический статус лексемы book на синтагматической оси.

Следовательно, исчерпывающий анализ всего существующего многообразия сочетаний изучаемой лексемы дает нам полное представление о семантике этой единицы как о лингвистическом явлении. А дистрибуция лексемы, т. е.: а) набор синтаксических конструкций, в которых употребляется анализируемая лексема, б) классы слов, с которыми сочетается эта лексема, — есть тот объективный критерий, который определяет ее семантику. Наблюдения над лексической сочетаемостью на синтаксическом и семантическом уровнях составляют фундамент для изучения семантики на дистрибутивной основе [17; 311, 14—26].

Объект изучения — лексема — единица семантического уровня в одном значении. Для рассмотрения берется словосочетание, представляющее собой не случайное соединение двух полнозначных слов. Обязательным компонентом комплекса является анализируемая лексема, а слово, связанное с данной лексемой грамматически, всегда уточняет значение этой лексемы, служит для более полного раскрытия ее семантики. Причем, чем шире круг сочетаемости анализируемой лексемы, тем богаче, разнообразнее, полнее представлена ее семантика, тем шире ее семантический объем. А слова, сочетающиеся с этой лексемой, — потенциальные носители ее признаков.

Картина сочетаемости лексемы была бы неполной, если бы выделенный свод словосочетаний представлял собой простой перечень случаев употребления этой лек-

семь. Для выявления сочетаемости, а следовательно, и семантики лексемы важно выяснить, какие ее сочетания действительно широко используются, т. е. обладают большим удельным весом, ибо более существенному элементу в семантическом объеме соответствует и большая доля словосочетаний. Здесь вступает в силу статистика. И если дистрибуция слова — фундамент для изучения значения его, то статистика — инструмент, средство познания этого явления. Статистическое изучение закономерностей, которым подчинено изучаемое явление, позволяет нам ощутимо представить, измерить величину этого явления.

Дистрибутивно-статистический анализ семантики не ограничивается изучением синтагматических свойств лексемы, изучением особенностей ее сочетаемости. «...Значение конкретного слова,— отмечает А. Е. Супрун,— может быть определено через его отношение к другим словам. Лингвистическое исследование значений должно обязательно учитывать семантические отношения между словами, составляющими словарь данного языка» [268, 55—56], т. е. парадигматические связи слов. То обстоятельство, что слова находятся не только в формальных, но и содержательных связях друг с другом, известно в лингвистике с давних пор, трудность состоит в определении характера этих связей. Изучая дистрибуцию не одного, а нескольких слов, связанных семантической общностью, можно вскрыть парадигматические связи этих слов.

Выводы о смысловых связях группы лексических единиц делаются на основании близости их лексических дистрибуций. Данные дистрибутивного анализа, в которых используются статистические характеристики сочетаемости слов, объединенных общностью значений, позволяют измерить величину связи, что, несомненно, способствует еще более обстоятельному изучению семантики языковых единиц, так как дистрибутивные свойства этих единиц специфичны не сами по себе, а в сравнении со свойствами других единиц.

Исследования подобного рода имеют далеко идущие цели, ибо частные изучения отдельных лексико-семантических групп, проведенные таким образом, могут послужить основанием для обобщений относительно тех закономерностей, которые характеризуют семантические особенности словарного состава языка в целом.

Образно говоря, дистрибутивно-статистическая методика определяет семантику лексической единицы через ее положение на пересечении двух осей — горизонтальной (синтагматической — в виде сочетаемости изучаемого слова) и вертикальной (парадигматической — наличием смысловых связей изучаемого слова с другими словами данной подсистемы). А определение места, занимаемого словом в изучаемой подсистеме, исчерпывающая характеристика структуры этой подсистемы, образуемой группой анализируемых слов, лишь дополняет картину изучаемого явления.

Сама методика может быть представлена в виде алгоритма: 1. Составить список анализируемой группы слов, используя лексикографические источники. 2. Выявить корпус словосочетаний, организованных анализируемыми словами, путем сплошной выборки. 3. Дать общую статистическую оценку эксцерпированному корпусу словосочетаний. 4. Провести анализ норм сочетаемости экспериментального корпуса словосочетаний. Этот этап работы предполагает следующие моменты: а) выделение структурных моделей словосочетаний, б) тематическая классификация. Установление основных сочетаемостных норм делает возможным проведение анализа значений на базе их дистрибуций. 5. Провести статистический анализ лексической сочетаемости по выделенным параметрам формально-семантического изучения экспериментального корпуса словосочетаний, а именно: а) объективизировать наличие семантической связи элементов анализируемой микросистемы, б) измерить силу этой связи, получить количественную оценку этой связи. 6. Интерпретировать лингвистически полученные статистические данные.

В качестве примера иллюстрации мыслей, изложенных положений структурного метода приведем выполненное изучение семантического статуса языковых единиц на базе исчерпывающего анализа всего существующего многообразия глагольной сочетаемости этих единиц.

Объект исследования — группа слов современного английского языка, объединенная значением «общие названия лиц»: *baby* «младенец», *boy* «мальчик», *child* «ребенок», *children* «дети», *chap* «малый», *citizen* «гражданин», *enemy* «враг», *fellow* «парень», *friend* «друг», *girl* «девочка», *gentleman* «джентльмен», *human being* «живое существо, человек», *lad* «юноша», *lady* «дама», *man* «чело-

век», mate «товарищ», people «народ», person «человек, особа», stranger «незнакомец», woman «женщина», youth «юноша». Эта группа слов представляет собой высокочастотную зону лексической системы языка [388], что находит выражение в разнообразии сочетаемости анализируемых слов.

Материал для изучения был собран по принципу сплошной выборки, т. е. из художественных произведений английских авторов XX в. были выписаны все словосочетания, организованные анализируемыми словами с глаголами. Следовательно, постоянными элементами изучаемых комплексов являются анализируемое слово и глагол в его личной или неличной форме (например, talking to the girl «разговаривать с девочкой», to play with the child — «играть с ребенком», the man speaks «человек говорит», help the woman «помогаю женщине»). Выделенный корпус глагольных сочетаний насчитывает 65 000 единиц.

За данное в работе принимается грамматическая характеристика предложений. Множество временных глагольных форм сводилось к единому сочетанию.

Проведенный анализ сферы сочетаемости анализируемой группы слов на синтаксическом уровне убеждает нас в том, что в нашем исследовании словосочетания с глаголом в предикативной форме (81% выделенного корпуса) отличаются большим разнообразием структурных типов. Эти словосочетания представлены субъектно-предикатными (например, the man is young «мужчина молод», the child cries «ребенок плачет», the girl is «девочка находится», there is a lady «есть дама» и комплетивными (see a man «вижу человека», meet the boy «встречаю мальчика», play with the baby «играю с младенцем») синтагмами структурного типа: NV — субъектно-предикатная синтагма, VN — комплетивная синтагма. Статистическому обследованию подлежали субъектно-предикатные подлежащно-сказуемые синтагмы со следующими типами сказуемого: словосочетания с глагольным (the man works «человек работает»), именным (the child is obedient «ребенок послушен») и модальным (the woman can... «женщина может...») сказуемым. По рангу частотности глагольное сказуемое занимает первое место (37,5%). Второе место по частоте употребления — за именным сказуемым. Его доля в групповой дистрибуции — 10,4%. Глагольное сказуемое стоит

Типы сочетаний	С л о							
	man	woman	people	girl	boy	friend	childrend	fellow
Характеристика лица	510	324	480	304	246	183	176	91
Нахождение, пребывание лица	175	123	119	93	47	36	82	47
Квалификация лица	1781	1020	659	800	613	359	141	128
Наличие или существование лица	226	109	381	112	68	49	33	26
Глаголы внешней оценки	87	51	85	36	20	15	24	10
Глаголы становления	132	80	159	103	71	50	41	29
Начало, продолжение действия	133	90	143	57	34	27	13	15
Необходимость, возможность, желательность	284	213	257	123	97	82	71	58
Глаголы активного целеустремления	66	41	52	34	26	19	28	21
Положение в пространстве	333	177	251	151	134	72	61	50
Психическое состояние	339	240	238	112	103	101	82	61
Физическое состояние, состояние лица	204	120	175	95	89	77	64	55
Глаголы движения	1233	512	661	501	375	52	158	56
Изменение положения	234	128	69	51	42	46	62	25
Глаголы жизни, смерти	74	49	142	27	15	11	22	39
Глаголы чувства	1059	643	1091	506	468	64	90	101
Глаголы речи	1197	658	896	453	393	70	60	71
Глаголы интеллектуальной деятельности	698	369	971	285	141	80	78	46
Глаголы разового действия	260	151	169	85	105	19	59	52
Глаголы с общим значением «владение»	514	242	276	239	155	238	212	43
Глаголы с ядерной семой «делать»	257	165	168	113	88	79	79	71
Физическая деятельность лица	544	315	431	199	182	137	119	99
Виды деятельности	793	501	841	408	304	262	236	198
Глаголы каузативного значения	57	39	49	56	24	17	12	0
Объект действия	210	160	111	73	56	46	47	33
Итого	11495	6576	8982	5078	3668	2252	2098	1464

в а														Beero
lady	child	gentleman	chap	lad	mate	person	baby	enemy	youth	stranger	human being	citizen		
103	70	52	36	22	20	44	38	17	18	28	11	8	2781	
55	34	33	18	13	11	17	42	22	9	14	8	5	1004	
147	346	193	71	46	39	102	164	143	31	99	39	44	6965	
39	42	38	20	11	19	30	27	31	7	19	18	7	1312	
21	18	12	8	9	6	9	18	9	16	15	4	0	473	
35	27	23	11	9	11	8	16	21	13	14	9	14	876	
19	14	24	13	12	9	7	25	32	9	21	7	0	704	
62	47	53	34	28	19	17	39	30	24	37	10	4	1589	
26	31	20	16	15	12	11	21	27	16	16	8	0	506	
57	43	48	19	19	14	21	41	28	11	31	8	5	1574	
72	72	62	27	28	23	32	35	22	28	38	19	15	1749	
71	55	48	30	21	19	17	12	10	19	16	10	6	1213	
58	49	53	16	18	18	13	16	12	7	9	5	3	815	
97	90	107	32	23	17	26	39	23	22	31	18	20	4093	
45	48	31	10	4	5	16	13	0	11	9	4	0	853	
44	39	17	9	6	8	7	8	10	8	6	10	6	557	
83	74	94	50	40	31	46	77	23	28	37	21	17	4643	
196	91	168	63	48	36	48	33	11	33	49	19	5	4598	
31	44	125	29	26	24	34	75	26	20	32	25	21	3180	
25	34	46	19	15	11	20	52	10	14	22	3	0	1171	
15	112	28	13	13	13	24	221	60	10	17	9	27	2481	
74	46	25	17	14	11	20	22	7	2	0	3	2	1263	
104	75	67	31	26	20	24	45	13	11	9	0	0	2451	
197	157	127	50	41	31	38	69	26	35	24	12	12	4362	
8	14	4	0	7	0	0	6	8	6	0	0	0	307	
43	38	14	10	12	17	11	14	26	25	18	3	11	978	
1727	1710	1512	652	526	444	642	1168	647	433	611	283	232	52498	

на третьем месте (2,4%). Субъектно-предикатные синтагмы с «there» составляют 2%. Суммарная доля субъектно-предикатных словосочетаний в глагольной дистрибуции группы — 52,3%. Следует отметить, что зарегистрированные нами случаи употребления глаголов в предикативной форме в своем подавляющем большинстве — в активной форме глагола. Словосочетания с глаголом в предикативной форме пассивного залога составляют всего лишь 1,5% групповой дистрибуции. Удельный вес словосочетаний с глаголом в неличной форме — 19% выделенного корпуса словосочетаний. Самой распространенной неличной формой глагола является инфинитив — 12% групповой дистрибуции.

Широкий спектр сочетаемости группы с глаголом в предикативной форме отражен в тематической классификации анализируемого корпуса словосочетаний. Классифицируя словосочетания по тематическим классам, мы объединяли зарегистрированные комплексы с учетом их отнесенности к определенному кругу явлений материального мира. Несмотря на сложность большинства семантических образований, обычно удается выделить в них один ведущий семантический признак, он-то и определяет место комплекса в классификационном ряду. Важно отметить, что в нашем исследовании тематические классы не были определены нами априорно, а выделены из собранного материала. Принадлежность глагольного словосочетания к тематическому классу определяется семантикой глагола в подавляющем большинстве лексических образований.

Итоги этой работы представлены в сводной классификационной таблице 1. Здесь дается количественное распределение словосочетаний с глаголом в личной форме по тематическим классам, различным по структуре и лексическому наполнению.

Совокупность выделенных тематических классов — это дистрибутивные свойства анализируемых существительных, свойства, дающие картину семантики этих слов на синтагматической оси. Ряд цифр против каждого анализируемого слова — статистическая характеристика этой картины. Более существенным дистрибутивным свойствам соответствует большая частота словоупотреблений тематического класса. Поскольку частота слов в текстах неодинакова, представляется целесообразным сравнение долей этих цифр.

Высокими показателями частоты в суммарной дистрибуции группы отмечены тематические классы: «Квалификация лица» (10,7%), «Глаголы чувства» (7,1%), «Глаголы речи» (7,1%), «Глаголы движения» (6,2%). Слово-сочетания, обозначающие виды деятельности лица, род занятий (12,4%), представлены в трех тематических классах: «Виды деятельности лица» (6,7%), «Физическая деятельность» (3,8%), «Глаголы с ядерной семьей «делать» (1,9%). Доля тематического класса «Владение» — 3,8% групповой дистрибуции. Удельный вес этого признака в дистрибуции каждого слова различен. Глаголы этого тематического класса более употребительны с существительными baby (14,8%), citizen (8,1%), friend (7,8%), children (7,6%), enemy (7%), child (5%). И если для существительных baby, friend, children, enemy, child характерны комплетивные образования (have children «имею детей», have enemies «имею врагов», have a friend «имею друга»), то в глагольной дистрибуции существительного citizen преобладают субъектно-предикатные комплексы (the citizen has «гражданин имеет»). Можно заключить, что признак «владение» является существенным элементом семантики этих слов.

Сходство сочетаемостей анализируемой группы, проявляющееся в единстве выделенных тематических классов, свидетельствует о наличии общего в семантике этих слов. И, естественно, степень семантической связи между словами неоднородна, как и величины, характеризующие семантический объем каждого слова. Большему семантическому родству соответствует более тесная связь по сочетаемости.

Для измерения силы смысловой связи анализируемых существительных используется такой статистический показатель, как коэффициент корреляции, вычисленный по формуле

$$R = \frac{\sum (x_i - \bar{x})(y_i - \bar{y})}{\sqrt{\sum (x_i - \bar{x})^2 \sum (y_i - \bar{y})^2}}$$

где x — показатель одного слова, а y — показатель другого, индексом i обозначены конкретные показатели в первом столбце, а \bar{x} и \bar{y} — средние показатели для данных слов. Предельной мерой связи является единица. Следовательно, чем ближе полученный показатель к его мак-

симальной величине, тем теснее семантические связи. Результаты сравнения дистрибутивных свойств каждого из анализируемых слов приведены в таблице 5. Полученные данные — числовое выражение семантических связей слов анализируемой группы. Среднее значение коэффициента корреляции группы можно признать высоким — 0,76. Высокой степенью корреляции (от 0,70 до 0,97) отмечены 70% положительно коррелированных пар существительных. Наибольшую силу связи, а следовательно, и сходство дистрибуции обнаруживают следующие пары: *chap* — *lad* (0,96); *woman*—*girl* (0,95); *woman*—*boy* (0,95); *chap*—*mate* (0,95); *lad*—*mate* (0,94); *man*—*woman* (0,93); *man*—*girl* (0,92); *girl*—*boy* (0,92); *chap*—*stranger* (0,92); *stranger*—*human being* (0,92) и др.

Продемонстрированные результаты не противоречат данным, полученным другими методами анализа семантики этих единиц [19]; дают более точные и обоснованные сведения о семантических свойствах и связях между словами, что, в свою очередь, свидетельствует об эффективности дистрибутивно-статистического изучения.

Следует отметить, что использованный метод разгруппировки корпуса словосочетаний по тематическим классам не исключает возможности применения других методов, иных критериев членения корпуса. Определенный интерес имеет сопоставление уже представленных результатов с данными анализа при более детальном укомплектовании тематических классов. Вторичное объединение индивидуальных сочетаемостей анализируемых слов в групповые сочетаемости позволило выделить значительно большее число тематических классов (48).

Полученные результаты о семантической близости рассматриваемых слов при разном числе групп (28 и 48) сравнивались. Нами установлено, что коэффициент корреляции между различными рядами данных о близости равняется 0,94. Этот показатель, несомненно, свидетельствует в пользу надежности применяемой методики вычленения групп сочетаемости.

В целом анализируемая группа слов представляет довольно тесное лексико-семантическое единство, члены которого соединены между собой различными по силе и характеру связями. В центре этого единства оказываются слова, в которых наиболее полно представлены свойства всей группы.

В качестве основных результатов проведенного экспе-

римента рассматриваются а) сводная классификационная таблица, которая зримо воспроизводит семантику анализируемых единиц, б) таблицы количественного сравнения дистрибуции этих единиц, предоставляющие существенную семантическую информацию исследователю — данные о смысловой близости слов, ее количественное выражение.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЛЕКСИКИ

СТАТИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКИ. ЧАСТОТНЫЕ СЛОВАРИ

Н. С. Можейко

Общеизвестно, что объективные свойства языка воплощаются как в качественных, так и в количественных признаках. Поэтому крупнейшие лингвисты прошлого не раз прибегали к количественным оценкам, используя их при изучении различных языковых явлений, и указывали на необходимость этих оценок в силу того, что качественные различия языковых структур в ряде случаев могут быть объяснены только количественными различиями и что качество языка в целом зависит во многом от количественных соотношений тех или иных языковых элементов.

Самоочевидно, что без применения количественных характеристик, статистических методов объяснение функционирования ряда языковых категорий, подчиненных закономерностям статистического порядка, оказывается невозможным. «Нужно чаще применять в языкознании количественное, математическое мышление,— указывал И. А. Бодуэн-де-Куртенэ,— и таким образом, приблизить его все более и более к наукам точным» [35, 17].

Применение статистических методов в изучении языка, получившее довольно широкое распространение в последние десятилетия, не является новым в языкознании. «Сознательное применение некоторых элементов теории вероятности (сначала в виде самой элементарной статистики) к исследованию лингвистических фактов насчитывает более ста лет своего существования, а неосознанное же использование статистических методов, по существу, началось с тех пор, как возникло языкознание» [289, 28].

Следует отметить, что если еще недавно говорили о спорности возможного широкого применения статистиче-

ских методов исследования, о том, является ли этот метод «новым» и в каком отношении он находится с методами традиционными, то в последнее время статистический подход к языковым фактам, по существу, стал обычным и широко применимым, сочетаясь при этом с методами традиционными, исходящими из качественных характеристик языка и его структуры. Появилось значительное количество исследований по лингвостатистике [14; 13; 23; 79; 98; 189], повысился их теоретический уровень; по существу, можно говорить о самостоятельной отрасли в языкознании — лингвистической статистике.

В настоящее время отмечается взаимное обогащение методики статистической и традиционной, исследователи все больше обращаются к осмыслению накопленного материала, переходят к широким теоретическим обобщениям и выводам. Применение статистических методов возможно при изучении различных языковых явлений, поскольку любой из элементов структуры характеризуется объективно присущей ему степенью вероятности появления.

Особый интерес представляет применение статистики в решении вопросов исторического языкознания, ибо данные о постепенных изменениях в употреблении слов, форм и других речевых категорий на различных этапах развития языка, основанные на специальных статистических подсчетах частоты их употребления, приобретают неограниченную значимость. «Простые количественные отношения между словами, слогами, фонемами позволяют дать классификацию языка, которую можно использовать при изучении их истории» [108, 176—177].

Лингвостатистика делает возможным структурно-статистическое сопоставительное изучение родственных и неродственных языков [77], является одним из наиболее эффективных методов исследования в стилистике. «По-видимому, в разных стилях книжной и разговорной речи, — писал в свое время академик В. В. Виноградов, — а также в разных стилях и жанрах художественной литературы частота употребления разных типов слов различна. Точные изыскания в этой области помогли бы установить структурно-грамматические, а отчасти и семантические различия между стилями» [59, 155—156].

Действительно, одним из наиболее приемлемых методов исследования лексики отдельного автора или произведения, или отдельного жанра является метод статисти-

ческий, ибо количественные характеристики текста позволяют установить не только состав лексики, но и соотношение употреблений ее различных пластов, соотношение редких и частых слов и т. д.

И если ранее объектом внимания исследователей была, как правило, лексика стилистически окрашенная или специальная, основная же масса лексического состава оставалась вне поля зрения исследователя, то статистические методы исследования позволяют сделать объектом исследования весь состав так называемой нейтральной лексики, которая, по существу, и является показателем разнообразия или однообразия словаря писателя, показателем его богатства или бедности.

Количественно-статистический подход к анализу того или иного произведения (автора или жанра), предполагающий установление соотношений разных стилистических групп, соотношений более редких и частых слов, оказывается возможным на базе создания частотных словарей.

Значительный интерес представляют созданные и составляемые в настоящее время словари писателей, включающие статистические характеристики использования ими слов.

В связи с общим распространением и внедрением в языкознание статистических методов указанный способ исследования как лексики отдельных писателей, так и лексики в целом становится едва ли не самым распространенным. Во многих работах (как крупных монографиях, так и журнальных статьях, в кандидатских и докторских диссертациях) лексико-статистические разработки представлены довольно широко, хотя в целом применение статистических методов в исследованиях, посвященных анализу лексики, словарного состава языка, отличается сравнительно недавно, с конца 50-х годов текущего столетия.

Применение же вероятностно-статистических методов исследования словаря обусловлено тем, что словарный состав языка, его лексика (письменной и устной речи) также подчинены статистическим закономерностям и, как всякое явление языка, обладают в тексте априорной вероятностью.

Особую значимость приобретает применение статистических методов исследования, когда речь идет об анализе лексики древнерусских письменных памятников, когда

необходимо установить не только наличие или отсутствие той или иной лексемы в прошлом, но и определить характер ее употребления, частоту использования, ее функциональные качества и свойства.

Статистические данные анализа лексики древнерусских письменных памятников позволяют не только установить языковые нормы различных жанров, что дает возможность сравнительного анализа разных языковых стилей, но и позволяют сопоставить языковые особенности памятников одного и того же жанра, написанных в различные исторические периоды [277, 109—114].

Подобные количественные сопоставления характеристик слов, употребляемых в разные века, в различных памятниках и жанрах, могут дать возможность говорить об изменениях в словарном составе языка в целом.

В настоящее время в результате многочисленных исследований установлен целый ряд статистических закономерностей, характеризующих функционирование слов в тексте.

Установлено, что словник редких слов, употребляемых в определенном тексте по одному разу, составляет около 30%, что этих слов гораздо больше, чем слов, употребляемых по 2—3 раза, что богатство словаря заключено именно в редких словах, что самые частые слова покрывают большую часть текста (на 1000 самых частых слов приходится до 80% всех употреблений, а на остальные десятки тысяч слов — 20%); чем чаще встречается слово, тем оно короче. Установлена связь между частотой слова и его номером в списке по убывающим частотам (закон Ципфа); установлено, что прирост новых слов не имеет постоянного падения [204; 190; 305].

Все это обусловило довольно широкое применение статистических методов исследования в лексикографии.

Как известно, фактическим основанием, базой для статистических выводов о характере лексики являются частотные словари. Следует указать, что первыми попытками применения статистики к языковым исследованиям (одним из видов статистической обработки текста) как раз и явились названные словари, представляющие собой приведенные в определенную систему — в зависимости от частоты употребления — списки слов с указанием для каждого частоты его появления в определенном тексте. (Первым таким словарем называют словарь Ф. Кэдинга — Частотный словарь немецкого языка, 1898 г., со-

зданный на материале текстов, общий объем которых составлял 11 млн. словоупотреблений.)

Частотный словарь — это, по существу, словник, составленный на основе определенной выборки из ряда текстов. Однако исследовать всю совокупность текстов оказывается невозможным. При помощи статистических методов на основе выборки можно судить о всей совокупности, выполняя при этом, естественно, все требования, предъявляемые к самой выборке: ее *репрезентативность* — свойство отражать характер всей совокупности и ее *достаточность*, величину, ибо совершенно очевидно, что увеличение объема выборки уменьшает возможную разницу между частотой, наблюдаемой в выборке, и частотой всей генеральной совокупности. Показательно, что на это требование к выборке обратил внимание в 1916 г. А. А. Марков, анализируя работу Н. А. Морозова «Лингвистические спектры», посвященную вопросу применения статистического метода к исследованию речи различных писателей (выборка составляла в данном случае 1000 слов): «... замена одних тысяч слов другими, — писал А. А. Марков, — может превращать... заключения в противоположные... Только значительное расширение поля исследования (подсчет не 5 тысяч, а сотен тысяч слов) может придать заключениям некоторую степень основательности» [18, 241].

Утверждая, что данные выборки могут характеризовать всю генеральную совокупность, всякий раз необходимо определить возможности допускаемой при этом ошибки, ибо статистические данные, полученные на основе анализа выборки, могут характеризовать всю совокупность только с учетом поправки, представляемой нам математической статистикой. Простой формулой такой относительной ошибки является формула $a \pm 2 \sqrt{a}$, где a — эмпирически подсчитанная величина, а коэффициент 2 определяется тем обстоятельством, что в 95% случаев ошибка не превысит величины $2 \sqrt{a}$. Так, например, если частота какого-то явления (a) равна 100, то ошибка не должна превышать в 95% случаев 20 ($2 \sqrt{100}$); иначе говоря, в других текстах данное явление может встретиться от 80 до 120 раз.

Практическое значение частотных словарей очень велико, оно связано не только с обучением языку (прикладное значение), но и с общими проблемами теории лексикологии в целом. Они позволяют сравнивать слова разной

частоты употребления, способствуют уяснению общих свойств структуры лексики в целом, представляют немалый интерес при решении многих вопросов стилистики и определении свойств того или иного текста, функциональных стилей и др. [98, 6].

На русском языковом материале первым общим частотным словарем был словарь Г. Йоссельсона [360], в 1963 г. вышел первый советский частотный словарь русского языка Э. А. Штейнфельдт [330], потом был издан ряд отраслевых частотных словарей русского языка [310; 293; 145; 306].

В настоящее время ряд коллективов работает над частотными словарями современного русского языка разных стилей, готовятся частотные словари казахского языка, украинского, белорусского и других языков.

В зависимости от материала, его хронологических рамок, источников, в зависимости от того, какая лексика объединена и что принимается за словарную единицу, частотные словари бывают неодинаковыми по своему характеру. Как правило, в любом из них указывается частота употребления каждого слова в исследуемом объеме материала, кроме того, количество частей этого материала, где данное слово было отмечено (что является определенным показателем степени употребительности этого слова).

Практически во всех частотных словарях словарные единицы упорядочены в виде 2 списков: алфавитный (его называют лексикографическим) и список по убывающим частотам (его называют лексикостатистическим).

Обработка материалов для частотных словарей может производиться автоматизированно, что значительно облегчает (ускоряет) исследование. Однако автоматизация возможна лишь на определенных этапах работы и не исключает, а предполагает необходимую долю работы вручную, поскольку составление словаря начинается с составления картотеки — фиксирования каждого словоупотребления текста на отдельную карточку.

Отбор текстов-источников проводится с учетом того, насколько они могут объективно отражать лексический состав языка и обеспечивать репрезентативность выборки (хотя произвольность и субъективность в определенной степени неизбежны).

Расписывание на карточки требует выполнения целого ряда условий-правил, определение которых не всегда оказывается легким. Что подлежит подсчету, что — нет, как

поступать с омонимией, иноязычными словами и выражениями, используемыми в различной транскрипции, как подходить к собственным именам, сложным и составным наименованиям, фразеологическим единицам, различного рода сокращениям, диалектизмам, «искажениям», цифровым обозначениям? В какой форме и что выносить на карточку? Все это требует строго дифференцированного подхода и не всегда решается одинаково. В зависимости от конкретных условий вырабатывается определенная методика расписывания материала и накопления картотеки.

При этом следует учитывать характер однородности или неоднородности источников, их тематические признаки, а также значимость.

Текст может быть подвергнут сплошному расписыванию или выборочному, где каждый отрезок текста имеет определенную установленную «длину» (например, 1000 словоупотреблений сплошного текста).

В дальнейшем производится расписывание каждого отрезка. На карточку может быть выписано каждое текстовое слово с указанием его грамматической характеристики и источника. Однако более целесообразным может оказаться выписывание требуемой словоформы в текстовом отрезке (словосочетание, предложение и т. п.), где достаточно ясно представлена не только грамматическая характеристика слова, но и его семантические признаки, снимается возможная омонимичность и др. Фиксируемая в данном случае словоформа на карточке выделяется графически. (В некоторых случаях допускается исследователями фиксирование текстовых словоформ в начальной форме с добавлением соответствующей грамматической характеристики).

Отдельным текстовым словом (единицей словоупотребления) считается определенная последовательность букв от одного пробела до другого, т. е. цепочка графических знаков от пробела до пробела. Это требует, однако, уточнений, связанных с написаниями через дефис и т. д. Особых решений требует запись сокращенных слов, цифр, иногда — фразеологизмов и т. д.

Точно так же на отдельные графические единицы разбиваются и устойчивые междометные выражения, предлогные словосочетания, устойчивые выражения наричного характера и т. п., хотя в ряде случаев к регистрации сложных наречий, предлогов и других частей речи исследователи подходят по-разному и нередко фиксируют их

как одно слово. Собственные имена, как правило, не фиксируются, за исключением тех, которые употребляются в качестве нарицательных.

Расписывание текста ведется обычно в строгой последовательности, начиная от первого текстового слова до последнего (что облегчает в нужных случаях сверку карточки с источником, так как каждая карточка имеет свой порядковый номер, соответствующий номеру текстового слова). На каждой карточке указывается шифр, под которым идет данный отрезок текста.

После составления картотеки производится систематизация ее в алфавитном порядке, а после этого — обработка карточек, которая может вестись по-разному.

Как правило, подсчитываются группы одинаковых слов с учетом количества употребления каждого из них, количества выборок, в которых это слово встретилось, количества словоформ каждого слова и т. д. (при подсчете словоформ следует учитывать возможное графическое совпадение разных форм).

После этого производится фиксация слов (оформление их в виде картотеки или в виде списка), т. е. фиксируется исходная, «заглавная» форма слова (лексема или словарное слово), где указываются данные о частоте слова, указывается количество выборок, в которых оно встретилось, общее количество словоформ с указанием для каждой его частоты и количества отрезков текста, где она фиксировалась. При подсчете, естественно, учтенными должны быть все словоформы, независимо от вариантов, обусловленных фонетическими и другими закономерностями, например, б е л о р. *церці — трэ, сабраць — збярэ.*

После этого слова располагаются в алфавитном порядке. Помимо алфавитного списка, составляется частотный список, для составления которого карточки пересортировываются в другом порядке. Прежде всего группируются слова с одинаковой частотой, а затем составляется картотека (или список) слов в порядке убывания их частоты. Приведем фрагменты из алфавитной и частотной частей белорусского частотного словаря:

стары	428	162	вялікі	280	175
старэйшы	57	41	здавацца	280	166
стаць	373	195	перад (прын.)	279	166
стаяць	445	213	без	279	159
сто	36	29	дзіця	275	126
стол	282	135	нібы	274	150
столькі	56	47	узяць	271	199

При этом в частотном списке слов указывается как абсолютная частота слова, так и количество выборов, в которых оно встретилось.

Внутри каждой группы слов одной и той же частоты, естественно, слова должны быть упорядочены, в свою очередь, по алфавиту.

СЛОВАРИ ПИСАТЕЛЕЙ И СОСТАВЛЕНИЕ СЛОВНИКОВ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Е. И. Гильденберг

В последние десятилетия все более расширяется сфера применения данных лексикографической статистики как в научно-лингвистической, так и в литературоведческой практике. Эти данные извлекаются из разнообразных «словарей-справочников» (по терминологии академика Л. В. Щербы [333, 48]) либо ко всем текстам определенного автора, либо к тому или иному отдельному произведению.

Отсюда имеющиеся разновидности словоуказателей, одни из которых сведения о частоте слова содержат в виде указания на его «адрес» в тексте и перечисления всех мест, где это слово встречается (как в словоуказателе В. М. Чистякова к «Горю от ума» А. С. Грибоедова — [243]); другие, предполагая статистический анализ лексики, — приводят точные «адреса» слов и полные сведения об их частотах (пример тому — уникальный в своем роде четырехтомный «Словарь языка Пушкина» [246]).

Но важно отметить то обстоятельство, что если еще в XIX в. основные принципы составления словарей языка писателей лишь только разрабатывались и попытки осуществить задуманное оказывались безуспешными (подробнее об этом: [24, 213—214; 246, т. 1; 9; 274, 137]), то уже в наше время теоретическая и практическая работа в этой области поставлена на подлинно научную основу.

Вершина статистической лексикографии — изданный в 1956—1961 годах фундаментальный «Словарь языка Пушкина» [246], главное достоинство которого — полный охват различных пластов лексики, морфологических категорий и случаев словоупотребления, а также высоконаучный комментарий и богатейший иллюстративный материал.

«Словарь языка Пушкина» — не свод мыслей писателя, не собрание его высказываний на разные темы. Но комментирующая часть его, богатый иллюстративный материал, полный (с известными оговорками относительно вариантов, имен собственных, цифровых обозначений, иноязычных текстов и пр.) охват текста — все это позволило В. В. Виноградову привести в предисловии к словарю высказывание самого Пушкина: «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная» [246, т. 1, 8]. «Словарь языка Пушкина» с точки зрения научно-практической ценности может служить справочным пособием по исторической лексикологии и шире — истории русского литературного языка; может быть использован еще как справочное лексикографическое пособие «для изучения словесно-художественного творчества Пушкина» [246, т. 1, 8] вообще и, в частности, для правильного уяснения и лексического анализа некоторых пушкинских текстов.

«Словарь языка Пушкина» вобрал в себя все слова основного текста сочинений Пушкина по шестнадцатитомному академическому изданию 1937—1949 годов. Не вошли в него слова из раздела «Другие редакции и варианты» [255, 131—132]. Здесь и достоинство словаря — он не загроможден лексикой, претерпевшей авторскую правку; здесь и его недостаток — отсутствуют те редкие слова, которые помогли бы литературоведу воссоздать историю того или иного пушкинского образа. Каждое слово снабжено по возможности предельно яркой (с точки зрения семантической и грамматической) цитатой и удачно зашифрованными ссылками на источники.

Материал цитат, приводимых Пушкиным в кавычках или иным способом; собственные имена реальных лиц и героев художественных произведений (личные имена, отчества и фамилии), а также географические названия, если только они не употреблены в нарицательном или переносном значении [73, 372—373; 255, 130—131]; иноязычные, например французские тексты, принадлежащие Пушкину [73, 373—374; 255, 130]; имена числительные и порядковые прилагательные, переданные в тексте Пушкина цифрами [255, 130], — все это тоже оказалось вне четырехтомного «Словаря языка Пушкина».

Словарные статьи располагаются в алфавитном порядке и содержат обширный материал по семантике и статистике каждого пушкинского слова. Иллюстративные

данные весьма разнообразны и богаты как по языковым особенностям, так и по содержанию отрывков.

Каждая словарная статья составлена так, чтобы дать читателю представление о всех значениях и оттенках того или иного слова у Пушкина. Значение слов поясняется соотносительно с современным русским литературным языком, в силу чего «Словарь языка Пушкина» совмещает элементы толкового и дифференциального словарей (подробнее об этом: [24, 215; 73, 374—378; 255, 132—136; 274, 137—138]).

Что касается стилистического разграничения пушкинской лексики, т. е. указания на принадлежность разных пластов пушкинской лексики к разным стилям русского литературного языка первой трети XIX в., то вследствие недостаточной разработанности исторической стилистики русского языка «Словарь языка Пушкина» ограничивается определением переносных значений и оттенков слов, разъясняя и описывая тем самым стилистическое своеобразие пушкинского словоупотребления.

Особый лингвостатистический интерес представляют материалы четырех выпусков (А—П) «Словаря-справочника «Слова о полку Игореве» [245; рецензия: 129, 97—100], издающегося с 1965 года. Это лексикографическое пособие отличается своеобразием словарных статей, в которых принят энциклопедический тип толкований, имеются «цитаты (иллюстрации) из памятников XI—XVI вв. (а также и из более поздних, если только в них обнаружено употребление толкуемого слова) и фольклорный материал (русский, украинский и белорусский), среди которого особое предпочтение отдается записям XVIII—начала XIX в.» [245, в. 1, 3—4].

Богато представлены в словаре-справочнике лексика (с именами собственными) и фразеология специально подготовленного текста «Слова о полку Игореве». Комментарии к словам — наиболее ценные в научном отношении сведения из работ литературоведов, историков, языковедов, искусствоведов. Здесь же, в подразделе комментариев, иногда приводятся параллели из других славянских языков: болгарского, польского, сербского.

В связи с характеристикой разного рода словарей языка писателя заслуживает специального упоминания «Щедринский словарь» М. С. Ольминского [200], который «представляет собою особый вид именного и предметного указателя» [200, 12]. Этот словарь призван служить ори-

ентиром в сложных щедринских образах, определениях, понятиях, именах; способствует правильному восприятию политических, общественных, эстетических взглядов М. Е. Салтыкова-Щедрина. По образцу «Словаря языка Пушкина» в начале 60-х годов на Украине был издан двухтомный «Словарь языка Шевченко». Еще ранее, в 1955 году, издательство Харьковского университета выпустило книгу В. С. Ващенко, Ф. П. Медведева и П. О. Петрова «Лексика «Энеиды» И. П. Котляревского. Указатель словоупотребления» [49]. В Казахстане составлен «Частотный словарь языка Абая» [27, 36]. Опубликованы «Материалы для частотного словаря русского языка» на основе критико-публицистической работы «Реальность» Д. И. Писарева [43]. Составлен «Частотный словарь «Повести о детстве» Ф. В. Гладкова» [240].

Кроме того, в Самарканде создан словарь «Поднятой целины» М. А. Шолохова; в Ленинграде составлен словарь «Мертвых душ» Н. В. Гоголя и составляется словарь языка Горького.

В настоящее время в Тарту ведется работа по составлению словаря языка Блока, в Шадринске — словаря языка Есенина, в Вильнюсе — словаря языка Паустовского (о последнем см.: [266, 105—112]).

Изучение лексики романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» — части словаря писателя — потребовало предварительной систематизации всех слов текста в виде словоуказателя к названному произведению.

Как справочное лексикологическое пособие словоуказатель (подобно словарю языка писателя или произведения) позволяет быстро и безошибочно устанавливать, на каком отрезке текста, в каких случаях Лермонтов употреблял то или иное слово, какова концентрация отдельных лексических единиц на определенных текстуальных участках.

Но чем характерны методика и принципы составления, содержание и построение словоуказателей (словарей) языка писателей вообще и, в частности, на материале текста лермонтовского «Героя нашего времени»?

Как известно, созданию словоуказателя к тому или иному произведению писателя (или словаря языка писателя) обыкновенно предшествует тщательная подготовительная работа: выбор канонического текста, составление картотеки словоупотреблений на основе заданного текста (или всех авторских текстов) и соответ-

ствующая обработка имеющейся лексической картотеки.

При выборе текста романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» безусловное предпочтение было отдано академическому изданию как ближайшему к авторскому. Затем проводилась тщательная выверка лексики, синтаксиса и пунктуации имеющегося «рабочего» издания в соответствии с избранным каноническим текстом; нумерация страниц и краткая шифровка названий частей, глав, дневниковых записей произведения.

Следующий этап работы — выработка навыка мгновенно находить минимальное по количеству слов контекстуальное окружение (опускаемые слова или группы слов могут заменяться в контексте тремя точками в вертикальных скобках — [...]), из которого была бы ясна семантика подчеркиваемой (для ускорения работы) лексемы, ее принадлежность той или иной грамматической категории, ее грамматический признак и форма.

Так, контексты к именам существительным, именам прилагательным, наречиям, именам числительным, причастиям должны вскрывать, прежде всего, особенности лексического значения перечисленных частей речи, давать достаточно оснований для единственно правильного определения грамматических категорий и признаков их. Контекстуальные окружения местоимений призваны лишь способствовать уяснению грамматических признаков последних, следовательно, утрачивается необходимость в конкретизации того, какое имя заменяет или на какое имя указывает встретившееся в тексте местоимение. Для глаголов и деепричастий необходимы краткие по числу лексических единиц контексты лишь с целью оттенения семантических особенностей названных частей речи. Контекстуальные окружения служебных частей речи целесообразно сокращать до того минимума слов, из которого можно было бы безошибочно установить грамматическое значение союзов, предлогов, частиц. Наконец, вводные слова и междометия требуют такие контексты, которые бы зримо подчеркивали синтаксическую функцию частей речи, выступающих в роли вводных слов и междометий.

Отсюда возможный вид карточки для слова:

Я ехал на <i>перекладных</i> из Тифлиса. Б: 203—27 налил себе [...] за <i>галстух</i> , ЖПКМ 5и: 301—2

Буквы обозначают названия глав, первая цифра — страницу, вторая — строку цитируемого издания.

Обработка имеющейся лексической картотеки романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» предполагала расположение собранных слов в строго алфавитном порядке: вначале по первой букве, затем по второй, третьей — вплоть до группировки отдельных лексем в заданную последовательность.

В этой связи необходимо было теоретическое обоснование практического распределения текста на единичные лексемы. В соответствии со «Словарем языка Пушкина» отдельными словами считались лексические единицы языка, различающиеся, во-первых, своим звучанием и значением, во-вторых, значением при одинаковом звучании (омонимы), в-третьих, при общем значении всеми своими формами: *бес — бис, войти — взойти* и под. [246, т. 1, 12].

По-видимому, нет веских оснований «за слово принимать отрезок текста, ограниченный двумя пробелами» [240, 41], как, впрочем, и дефисные написания категорично считать нерасчлененными. В противном случае имена собственные никак нельзя приводить «в тех сочетаниях, которые встречаются в тексте» [240, 42], а сложные союзы придется искусственно расчленять для помещения в словарную статью.

Что касается дефисных написаний, то, вероятно, пост-позитивные частицы *-ка, -с, -то* едва ли необходимо учитывать вместе со словами, к которым они относятся [240, 41], а не различно, тем более что и толковые словари рассматривают их в отдельных статьях.

Оформление полученных лексикографических данных в виде словоуказателя к роману М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» предполагало перенесение из картотеки заглавных слов в алфавитном порядке; при них — число употреблений в тексте; для омонимов — нумерация, иногда в круглых скобках лексические значения; через запятую указание на грамматическую категорию в затруднительных случаях; для некоторых слов в скобках так называемый «речевой паспорт».

Затем в словарной статье перечислялись и обозначались все формы заглавного слова, встретившиеся в тексте.

В качестве форм одного и того же слова рассматривались формы числа и падежа у имен существительных (адвербиализованные и супплетивные формы — *дома, ут-*

ром, год и лета, человек и люди — подавались в разных статьях); формы рода, числа и падежа, а также краткие и усеченные формы у имен прилагательных (отдельное слово составляла форма сравнительной степени); формы падежа у имен числительных; формы рода, числа и падежа у местоимений (в качестве отдельных слов рассматривались личные местоимения *я, мы, ты, вы, он, она, оно, они* и формы *его, ее, их* с притяжательным значением); формы инфинитива, наклонений, времени, лица, числа, рода у глаголов, супплетивы типа *иду — шел* (деепричастия помещались в отдельных статьях); формы рода, числа и падежа, а также краткие формы у причастий.

Принято было объединять под общим заголовком варианты лексические (типа *пожатие — пожатье, заранее — заранеее*) и орфографические (*бессонница — бессоница, досыта — до-сыта*). Вместе с тем, если слова при общем значении различались по звучанию лишь в части своих форм (*из дома — из дому*), то и эти формы принимались за варианты форм одного слова.

Однако соотносительные образования глаголов, причастий и деепричастий, отличавшиеся значениями вида, помещались в разных статьях словоуказателя.

Каждое слово затем снабжалось перенесенными из картотеки шифрами (можно в сокращении, т. е. без нумерации строк) местонахождений отмеченных лексических форм и при необходимости самыми яркими с точки зрения семантики и стилистической принадлежности отдельных фиксируемых слов, наиболее интересные в отношении орфографии и грамматической отнесенности некоторых слов контекстуальные окружения. (Попутное замечание: словарь языка писателя или произведения в отличие от словоуказателя интересен и показателен толкованием слов, указанием на их переносные значения, попыткой стилистически дифференцировать авторскую лексику.)

Отсюда статьи словоуказателя содержат следующие элементы: заголовок; указание на число случаев употребления слова; перечень всех случаев употребления слова в лермонтовском тексте; примеры, иллюстрирующие значение или форму некоторых слов (они давались сразу же после соответствующих шифров).

Говоря о методике и принципах составления словоуказателя к отдельному произведению, необходимо заметить, что, оформляя собранную словарную картотеку, предстоит постоянно справляться, вернее, уточнять значения омо-

нимичных и многозначных слов, начальную форму некоторых из них по одному из фундаментальных толковых словарей русского языка (если возможно, той эпохи, в которую творил автор или было написано произведение).

Разумеется, без частичных отступлений здесь не обойтись (к примеру, не исключены расхождения в определении начальных форм некоторых слов, различия между омонимией и полисемией отдельных лексем), но как вспомогательное, точнее, справочное пособие материалы толковых словарей целесообразно изучать и в известном смысле использовать, работая в области лексикографической статистики.

С точки зрения содержания (объема) словоуказатель к роману М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» вобрал в себя лексику основного текста произведения по шеститомному академическому изданию. Не вошли в него слова того текста романа, который в академическом издании помещен в разделе под заголовком «Варианты» (материал разного рода цитат, приводимых Лермонтовым, включен в словоуказатель, но дан с пометой «в цит.»).

В словоуказатель вошли, таким образом, все встретившиеся в основном тексте романа слова, независимо от их принадлежности к тому или иному грамматическому разряду, следовательно, не только знаменательные, но и местоимения, служебные слова, частицы и под.

Собственные имена реальных лиц и героев художественного произведения (личные имена, отчества и фамилии), а также географические названия, если только они не употреблены Лермонтовым в нарицательном или переносном значениях, вошли в приложение к словоуказателю и приведены в тех сочетаниях, которые встречаются в тексте:

Материалом другого приложения явились иноязычные, в частности французские тексты, принадлежащие Лермонтову, и те иностранные слова, которые приводятся автором в иноязычных написаниях.

Третье приложение составили имена числительные и порядковые прилагательные, переданные в тексте романа либо только цифрами, либо цифрами с буквенными наращениями, например, *11-го, 15-го*.

Однако если числительное, обозначенное цифрой, является начальной частью сложного слова, например, *30-*

летняя, то такое сложное слово включалось в словоуказатель и помещалось на соответствующем месте по алфавиту.

Итак, по данным словоуказателя (исключая оговоренные приложения) в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» 40 685 словоупотреблений, а разных слов — 5967, т. е. примерно 14% к объему текста.

Изложенные выше наблюдения, касающиеся работы в области статистической лексикографии, позволяют, по-видимому, в какой-то мере представить структурное своеобразие словарей языка писателя (произведения) вообще и, в частности, «устройство» конкретного лексикографического справочника — словоуказателя к роману М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

Остается лишь заметить, что собранный лексико-статистический материал, безусловно, интересен, ибо на его основе могут быть осмыслены и, следовательно, в какой-то мере разрешены с научно-методической точки зрения вопросы качественного, точнее, семантико-стилистического анализа статистической структуры лексики художественного произведения (или авторской в целом); вопросы движения слов по тексту (или по ряду текстов); вопросы сопоставления разных словарей, а отсюда и разных статистических структур лексики.

ДЛИНА ТЕКСТА И ОБЪЕМ СЛОВАРЯ. ПОКАЗАТЕЛИ ЛЕКСИЧЕСКОГО БОГАТСТВА ТЕКСТА

В. В. Нешитой

Для определения объема словаря при заданной длине текста необходимо знать закон распределения разных слов по частоте их употребления в тексте. Этот закон можно представить в виде вероятностного словаря, т. е. некоторого списка слов, упорядоченных по убыванию их вероятностей. Здесь и далее под текстом понимается некоторая случайная выборка из исследуемой совокупности текстов.

Объем словаря y в зависимости от длины текста x может быть вычислен по формуле [195]

$$y = \int_0^{\infty} \left(1 - \frac{1}{\exp(z)} \right) dz, \quad (1)$$

где $p(z)$ — плотность распределения вероятностей разных слов в тексте, z — порядковый номер слова в списке по убывающим вероятностям.

Г. Г. Белоногов [30] показал, что распределение разных слов в тексте, за исключением первой сотни наиболее частых слов, подчиняется закону Вейбулла, функция распределения и плотность вероятности которого определяются формулами

$$F(z) = 1 - \frac{1}{eaz^b}, \quad (2)$$

$$p(z) = \frac{ab}{z^{1-b} eaz^b}, \quad (3)$$

где a, b — параметры распределения: $a > 0$; $b > 0$; $0 < z < \infty$; $F(z)$ — вероятность того, что взятое наудачу слово текста окажется среди первых z наиболее частых слов вероятностного словаря.

Выражение (2) можно привести к виду

$$\ln \ln \frac{1}{1-F(z)} = \ln a + b \ln z \quad (4)$$

или

$$\lg \lg \frac{1}{1-F(z)} = \lg a - 0,362 + b \lg z, \quad (4')$$

т. е. получили уравнение прямой с начальной ординатой $\ln a$ (или $\lg a - 0,362$) и угловым коэффициентом b .

График зависимости (4), построенный по опытным значениям функции распределения $F^*(z)$, при $z > 100$ представляет собой прямую, т. е. выполняется закон Вейбулла. При $z < 100$ имеем кривую; т. е. для самых частых слов закон Вейбулла не выполняется. Здесь $F^*(z)$ есть накопленная относительная частота первых z слов частотного словаря.

Введем в формулы (2) и (3) третий параметр c , учитывающий особенность распределения в тексте первой сотни наиболее частых слов, и запишем выражение для функции распределения в виде [195]:

$$F(z) = 1 - \frac{1}{e^a[(z+1)^b - e^{-cz}]}; \quad (5)$$

тогда

$$p(z) = \frac{\frac{ab}{(z+1)^{1-b}} + \frac{ac}{e^{cz}}}{e^a[(z+1)^b - e^{-cz}]}. \quad (6)$$

При $z \rightarrow \infty$ (практически при $z > 100 \div 500$) приведенный закон распределения совпадает с распределением Вейбулла.

Для нахождения значений параметров распределения a и b необходимо по опытной функции распределения $F^*(z)$ при $z > 100$ построить график зависимости (4), которая представляет собой прямую, и определить начальную ординату $\ln a$ и угловой коэффициент b данной прямой. При известных параметрах a и b значение параметра c находится по формуле

$$c = -\frac{1}{z} \ln [(z+1)^b + \frac{1}{a} \ln (1-F(z))], \quad (7)$$

которая следует из (5). При вычислении параметра c необходимо принимать $z = 1 \div 30$.

Если в формулу (1) вместо плотности распределения $p(z)$ подставить ее значение из (6), то получим интеграл, который не выражается через элементарные функции. В этом случае объем словаря y при заданной длине текста x можно рассчитать путем численного интегрирования, но такие расчеты громоздки. Поэтому на практике для вычисления объема словаря удобнее воспользоваться простыми приближенными формулами.

Зависимость между длиной текста X и объемом словаря Y приближенно может быть описана следующим дифференциальным уравнением [195]:

$$\frac{dY}{dx} = \frac{Y}{x} (1 - u \alpha \ln Y)^{\frac{1}{u}}. \quad (8)$$

где $Y = y+1$; $X = x+1$; $\alpha > 0$; u — некоторый параметр, могущий принимать как положительные, так и отрицательные целые и дробные значения.

Из общего уравнения (8) при различных значениях параметра u можно получить ряд формул для описания зависимости между длиной текста и объемом словаря. Однако наиболее подходящими являются формулы, полученные в следующих двух случаях.

Случай 1. $u = -1$.

Решая дифференциальное уравнение (8) при $u = -1$ и используя начальные условия: $Y = 1$ при $X = 1$, найдем

$$X = Y^{1 + \frac{\alpha}{2} \ln Y},$$

откуда

$$Y = e^{\frac{1}{\alpha}} (\sqrt{1 + 2\alpha \ln X} - 1), \quad (9)$$

$$\alpha = \frac{2}{\ln Y} \left(\frac{\ln X}{\ln Y} - 1 \right). \quad (10)$$

Случай 2. $u \approx -\frac{1}{4}$.

$$Y = X \sqrt[1 + \alpha \ln X]{1}, \quad (11)$$

$$\alpha = \frac{1}{\ln X} \left[\left(\frac{\ln X}{\ln Y} \right)^2 - 1 \right]. \quad (12)$$

Здесь параметр α представляет собой среднее арифметическое из двух его значений, найденных из уравнения (8) при $u = -1$ и $u = \frac{1}{2}$.

Параметр α , вычисляемый по опытным значениям Y и X , не является постоянной величиной, однако он изменяется закономерно. Если построить график функции $\alpha = \varphi(\ln X)$, то получим прямую, уравнение которой имеет вид

$$\alpha = \alpha_0 + k \ln X, \quad (13)$$

или

$$\alpha = \alpha_0 + k' \lg X, \quad (13')$$

где α_0 — начальная ордината; $k, k' = 2, 3k$ — угловые коэффициенты данной прямой.

Таким образом, если в формулах (9) и (11) считать α величиной переменной ($\alpha = \alpha_0 + k \ln Y$), то они становятся практически точными и содержат два параметра: α_0 и k . Но пределы применимости этих формул ограничены. Опытная проверка показывает, что формула (9) ($u = -1$) справедлива в пределах:

$$10^3 < X < 10^8 \text{ при } 0,50 < b < 0,60.$$

При этом параметры α_0 и $k' = 2, 3k$, входящие в формулу (9), связаны с параметрами a и b распределения Вейбулла следующими соотношениями, найденными из опыта:

$$\alpha_0 = -0,0163 e^{2,83 b} (1 - 3,62 a e^{0,65 b}); \quad (14)$$

$$\lg k' = -0,514 + 0,31 \lg a + 2,35 \lg b. \quad (15)$$

Пределы применимости для формулы (11) ($u \approx -\frac{1}{4}$):

$$10^4 < X < 10^8 \text{ при } 0,30 < b < 0,40;$$

$$10^3 < X < 10^6 \text{ при } b = 0,50.$$

Здесь

$$\alpha_0 = -0,00738 e^{4,17 b} (1 - 4,99 a e^{0,92 b}); \quad (16)$$

$$\lg k' = -0,732 + 0,22 \lg a + 2,36 \lg b. \quad (17)$$

Относительная погрешность формул (9) и (11) в указанных пределах не превышает $3 \div 5\%$ по сравнению с теми данными, которые можно получить по формуле (1) на основе плотности распределения Вейбулла (3) или близкой к ней плотности распределения (6). При небольших значениях X ($X \leq 10^3 \div 10^4$) формулы (9) и (11) дают несколько завышенные значения Y , а при $X \geq 10^7 \div 10^8$ — заниженные значения Y .

Эмпирические формулы (14), (15) и (16), (17) позволяют находить значения параметров текста α_0 и k' по известным значениям параметров распределения a и b , а также решать обратную задачу. Если параметры a и b определены правильно, то должно выполняться равенство $\alpha_0 + k' \lg X \approx \alpha$, где величина α вычисляется по опытным значениям объема словаря Y и длины текста X по формулам (10) или (12).

Отметим, что формула (9) хорошо описывает прирост новых слов в текстах, которые являются наиболее бедными в лексическом отношении. Для таких текстов параметр $b = 0,50 \div 0,60$. Сюда относятся, например, тексты, составленные из ключевых слов, а также технические тексты, когда за единицу подсчета количества разных слов принимается лексема.

Формула (11) хорошо описывает прирост новых слов в текстах, для которых значения параметра b распределения Вейбулла находятся в пределах $0,30 \div 0,40$.

Расчеты, произведенные по опытным данным, показали, что тексты, относящиеся к одному жанру, имеют примерно одинаковые значения параметра k . Это значит, что прямые $\alpha = \alpha_0 + k \ln X$, построенные для таких текстов, параллельны. Чем богаче в лексическом отношении текст, тем ниже располагается на графике прямая, характеризующая данный текст (т. е. меньше начальная ордината α_0). Следовательно, параметр α_0 может служить характеристикой лексического разнообразия или лексического богатства для текстов одного жанра.

С другой стороны, при одинаковых значениях параметра α_0 лексически богаче тот текст, у которого параметр k меньше. Величина $\alpha = \alpha_0 + k \ln X$ является обобщенным показателем лексического богатства текста.

Величина параметра k зависит от выбора единицы подсчета количества разных слов (словоформа, лексема), при этом $k_{\text{лекс}} > k_{\text{сл}}$. Это позволяет ввести показатель степени аналитичности языка

$$\Delta k_a = \frac{\alpha_{\text{лекс}} - \alpha_{\text{сл}}}{\ln X}, \quad (18)$$

который практически не зависит от длины текста.

Формула (18) позволяет находить значение Δk_a по трем известным величинам: X , $Y_{\text{лекс}}$, $Y_{\text{сл}}$. Чем ближе Δk_a к нулю, тем выше степень аналитичности языка. Опытная проверка показала, что коэффициент Δk_a принимает различные значения для разных функциональных стилей данного языка, т. е. он может служить показателем грамматического богатства стиля.

Для русского языка, по данным Л. Н. Засориной [98], были вычислены значения параметров α и k' . Обобщенный показатель лексического богатства для смешанных текстов на русском языке оказался равным (при $u \approx -\frac{1}{4}$) $\alpha_{\text{лекс}} = -0,0111 + 0,0105 \lg X$.

Тот же показатель для смешанных текстов на чешском языке [359] равен $\alpha_{\text{лекс}} = -0,0148 + 0,0105 \lg X$.

Таким образом, в обоих случаях $k' = 0,0105$.

Отметим, что показатели лексического богатства текста могут быть получены также на основе закона распределения разных слов, функция распределения и плотность вероятности которого определяются формулами (5) и (6). Запишем выражение для тангенса угла наклона $\gamma = \frac{d \ln p(z)}{d \ln z}$ касательной к кривой распределения $\lg p(z) = \varphi(\ln z)$, которое следует из (6):

$$\gamma = - \frac{b(1-b)e^{cz} \frac{z}{z+1} + c^2 z(z+1)^{1-b}}{be^{cz} + c(z+1)^{1-b}} - \frac{abz}{(z+1)^{1-b}} - \frac{acz}{e^{cz}}, \quad (19)$$

График функции $\gamma = \varphi_1(\ln z)$ может пересекать прямую $\gamma = -1$ в одной или трех точках, а график функции

распределения $F(z) = \varphi_2(\ln z)$ имеет соответственно одну или три точки перегиба. С этой точки зрения все тексты можно разделить на две группы: 1 — тексты, характеризующиеся одной точкой, в которой $\gamma = -1$ (это тексты, наиболее бедные в лексическом отношении); и 2 — тексты, характеризующиеся тремя точками, в которых $\gamma = -1$. Чем богаче в лексическом отношении текст, тем меньше кривизна кривой распределения $\ln p(z) = \varphi(\ln z)$, т. е. с увеличением числа разных слов, содержащихся в тексте неизменной длины, указанная кривая распрямляется.

В качестве показателя лексического богатства можно ввести еще одну величину, которую обозначим через z_A . Она находится по формуле

$$z_A = \left(\frac{\sqrt{9(1-b)^2 + 8} - (1-b)}{4ab} \right)^{\frac{1}{b}}, \quad (20)$$

где a, b — параметры распределения Вейбулла. Величина $\ln z_A$ есть абсцисса некоторой точки A , расположенной на кривой распределения $\ln p(z) = \varphi(\ln z)$ в интервале, где $1 < |\gamma| < \infty$. В точке A кривизна этой кривой достигает максимального для данного интервала значения.

Рассмотрим случай, когда кривая распределения содержит три точки, в которых $\gamma = -1$. На участке слева от точки A величина γ близка к -1 , а кривая распределения близка к прямой. Справа от точки A с ростом величины $\ln z$ значения параметра γ (а также величины $\ln p(z)$) по модулю неограниченно растут, т. е. правее точки A расположена зона низкочастотных слов. Следовательно, величина z_A определяет зону наиболее частых слов. Чем богаче в лексическом отношении текст, тем больше величина z_A . Для литературных текстов $z_A \approx 3000 \div 4000$.

Все приведенные выше формулы были получены для случайно составленной выборки, т. е. для такого условного текста, в котором разные слова появляются независимо и случайно. В таком тексте все разные слова могут сочетаться между собой без каких-либо ограничений. В реальном тексте грамматика и семантика накладывают определенные ограничения на сочетаемость между словами. Поэтому в отрезке сплошного текста содержится в среднем меньшее количество разных слов, чем в случайно составленной выборке равного объема. При постоянной

длине обследуемого текста, выступающего в роли генеральной совокупности, с увеличением длины выборки эта разница должна уменьшаться, а в предельном случае при длине выборки, равной длине обследуемого текста, она равна нулю.

Опытная проверка показала, что прирост новых слов в связанном тексте описывается теми же формулами (9) и (11), что и для случайно составленной выборки, но с другими значениями параметров α_0 и k . Запишем уравнение прямой, характеризующей связанный текст, в виде

$$\alpha_T = \alpha_{0T} + k_T \ln X \quad (13'')$$

в отличие от прямой $\alpha = \alpha_0 + k \ln X$ для случайно составленной выборки. Здесь величина X обозначает одновременно длину текста и длину выборки.

Как показывают расчеты, параметр k не зависит от величины X , а параметр α_0 с ростом X уменьшается пропорционально $\ln X$. В то же время параметры α_{0T} и k_T не зависят от длины текста. При этом $k > k_T$. Величина $\Delta k = k - k_T$ зависит от степени связности слов в тексте (будем измерять ее показателем $\eta_{св}$), а также от степени неоднородности текста по лексическому составу ($\eta_{неодн}$). Чем выше показатели $\eta_{св}$ и $\eta_{неодн}$, тем больше величина Δk . Степень связности слов в тексте и степень неоднородности того же текста можно вычислять по формуле

$$\eta_{св} + \eta_{неодн} = \frac{\Delta k}{k} = 1 - \frac{k_T}{k}.$$

Если принять, что для лексически однородных текстов величина $\eta_{неодн} = 0$, то величина $\eta_{св}$, вычисленная для таких текстов на основе опытных данных, примерно равна 0,33 (при $u \approx -\frac{1}{4}$), а отношение $k/k_T \approx 1,5$.

Из формул (9) и (11) с учетом (13'') можно найти зависимость X от Y . В случае, когда $u = -1$, имеем

$$X = Y^{\frac{2 + \alpha_{0T} \ln Y}{2 - k_T \ln^2 Y}}.$$

Из последнего уравнения следует, что величина Y достигает максимального значения при $X = \infty$, при этом

$$Y_{\max} = e^{\sqrt{\frac{2}{k_T}}}$$

В случае 2, при $u \approx -\frac{1}{4}$

$$X = Y \frac{\alpha_{0T} \ln Y + \sqrt{(\alpha_{0T} \ln Y)^2 + 4(1 - k_T \ln^2 Y)}}{2(1 - k_T \ln^2 Y)}$$

откуда

$$Y_{\max} = e^{\sqrt{\frac{1}{k_T}}} \text{ при } X = \infty.$$

Таким образом, величина Y_{\max} в обоих случаях зависит от одного параметра текста k_T . С уменьшением этого параметра значение Y_{\max} увеличивается. При $k_T = 0$ $Y_{\max} = \infty$.

Для определения параметров α_{0T} и k_T достаточно знать координаты двух точек на кривой роста новых слов. Для этого необходимо найти объем словаря Y_2 в тексте длиной X_2 словоупотреблений (например, при $X_2 = 50 \div 100$ тыс.) и среднее арифметическое значение числа разных слов Y_1 , вычисленное по нескольким отрезкам того же текста длиной $X_1 = 5 \div 10$ тыс.).

Величина k_T находится по формуле

$$k_T = \frac{\alpha_{T2} - \alpha_{T1}}{\ln X_2 - \ln X_1}.$$

Значения α_{T1} и α_{T2} вычисляются по формулам (10) или (12) при заданных значениях X_1 , Y_1 , X_2 , Y_2 .

Тогда параметр α_{0T} будет равен

$$\alpha_{0T} = \alpha_{T2} - k_T \ln X_2.$$

В заключение отметим, что параметры a и b распределения Вейбулла при $k - k_T > 0$ не являются постоянными. Расчеты показывают, что при условии, когда $k' = 2,3$ $k = 0,01$, $k'_T = 0,007$ ($u \approx -\frac{1}{4}$), при увеличении длины текста в 10 раз (от 10^5 до 10^6) параметр a уменьшается примерно на 0,014 (от 0,150 до 0,136), а параметр b значительно увеличивается (примерно на 0,0034 — от 0,347 до 0,3504).

Если положить $b = \text{const}$, то при тех же начальных условиях параметр a уменьшится на 0,0138, а параметр выборки k' — на 0,0002.

ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СЛОВА

СЛОВО В ГРАММАТИКЕ

Б. Ю. Норман

Стремясь сделать более точными наши знания о языковых объектах, в том числе и об их внутренней, идеальной стороне, языковеды прибегают к попыткам описать значения языковых элементов через их функционирование — и прежде всего через их сочетаемость с другими элементами того же уровня. Так, можно считать уже апробированной методику исследования лексической семантики через лексическую дистрибуцию; при этом постулируется, что общность синтагматических характеристик слов есть отражение их парадигматической общности, т. е. принадлежности к некоторому единому семантическому классу (полю, микросистеме и т. п.).

Методы исследования значения слова через его грамматическую (синтаксическую) сочетаемость пока что не получили такого широкого распространения, хотя это столь же правомерный и, по всей видимости, плодотворный путь формализации наших интуитивных представлений о семантике.

Однако здесь следует еще раз остановиться на природе сочетаемости. К примеру, если нам не известны значения языковых элементов А, В, С, но мы узнаем, что элемент А сочетается с элементом В и не сочетается с С, то мы, очевидно, ни на йоту не приближаемся к пониманию значения этих элементов. Такое описание «сочетаемости ради сочетаемости» для семасиологии означало бы схоластическое определение одного неизвестного через другое в уравнении с бесконечным числом неизвестных [328, 71—73]). Для того же, чтобы привести в явную семантическую систему какой-то класс лексем, необходима, по крайней мере, изначальная точка отсчета, лежащая в плане содержания; только в том случае, если нам известно значение некоторого элемента, мы можем через сочетаемость с ним описать значение каких-либо других членов системы, а через сочетаемость с теми — каких-то третьих и т. д.

Короче говоря, сочетаемость, как лексическая, так и синтаксическая, целиком лежит в плане выражения, но не в плане содержания. Сочетаемость есть лишь прояв-

ление (и соответственно в метаязыке — форма представления) значения, но не само значение. Это положение, казалось бы, самоочевидно. Однако современные лексикологи подчас, увлекаясь, объявляют сочетаемость составной частью, элементом значения, стирая тем самым границу между формой и значением, а в общефилософском аспекте — между материей и сознанием (например, [182, 138]).

Несомненно, и в том случае, когда мы читаем о «синтаксически обусловленном», или «конструктивно организованном» значении ([56, 24—28] и др.), то имеем дело с метаязыковой условностью, с термином, при всей его удобности затушевывающим для лексиколога «примат значения». В самом деле, если мы признаем, что значение слова, реализованное в речевом контексте, входит в семантическую характеристику слова и вне этого контекста — в парадигматической системе языка, то это значит, что само по себе синтаксическое окружение бессильно придать слову новое, «произвольное» значение; оно лишь сопутствует и способствует выбору одного семантического варианта из нескольких. Воспользуемся аналогией из другой области человеческой психики. По совокупности поступков человека можно судить, скажем, о его характере. Однако характер — это, разумеется, не поступки и даже не их совокупность, но нечто лежащее в ином измерении и присущее человеку до и вне поступков. Точно так же значение внутренне, по определению, присуще слову (морфеме, предложению), а потому существует у них имплицитно и автономно, реализуясь эксплицитно на синтагматической оси, в комбинаторике.

В историческом развитии слова новое значение пробивает себе дорогу через речевое употребление: под влиянием внеязыковых факторов семантические оттенки лексемы неравномерно реализуются в речи и наиболее употребительные из них склонны со временем вытеснить остальные. Это, разумеется, не проходит бесследно и для сочетаемости слова. Однако, на наш взгляд, ошибочно было бы считать в таком случае, что семантический сдвиг произошел под влиянием изменений в сочетаемости слова (а уже те, в свою очередь, вызваны внешними факторами) [217, 174—180]: между значением и обозначаемым существует непосредственная связь как в синхроническом, так и в диахроническом плане.

Если изучение лексической дистрибуции ведется на материале самых различных лексико-грамматических классов, то для исследователя синтаксической сочетаемости наиболее удобным опытным «полигоном» является глагол. Дело в том, что глагол образует вершину типовой фразы. Его синтаксические партнеры наиболее многочисленны (подлежащее, обстоятельство, дополнение), а сочетаемость — наиболее разнообразна. Хотя, заметим сразу, в разного рода семантико-синтаксических классификациях разрабатываются в первую очередь «правые» связи глагола (прежде всего объектные), носящие явно подчинительный характер.

Принцип исследования в самой общей форме нам уже знаком: особенности синтаксического поведения глаголов служат основой для разбиения их на семантические классы. В таком виде эта теория применима к фактам любого языка и часто разрабатывается на фоне смежных проблем — в частности, общесемиотических [167, 5—7] или структурно-синтаксических [83; 190].

Первый случай подразумевает преимущественно дедуктивный подход к изучаемым объектам: некоторые общие, логически выводимые семантические противопоставления проецируются на синтаксический материал данного языка; любой конкретный глагол приписывается к одному из сравнительно немногочисленных, но весьма объемных семантико-синтаксических классов (в указанной работе [167] таких классов практически восемь: глаголы длительного (непреобразующего) воздействия, перемещения, преобразующего воздействия, отношений, деятельности, длительного (неизменного) состояния, движения, изменяемого состояния).

Во втором случае методика работы по своему характеру является главным образом индуктивной. Собирая сведения о синтаксическом окружении глаголов по словарям или извлекая их непосредственно из языковых источников (например, из достаточных по своему объему художественных текстов), исследователь обобщает полученные данные и сводит их к определенным типам сочетаемости. Попутно решаются проблемы обязательных и факультативных элементов синтаксического окружения, лексико-семантических вариантов глагола и др. Выделенные типы синтаксической сочетаемости подлежат семантической интерпретации: в идеале каждому синтаксико-дистрибутивному типу должно соответство-

вать некоторое инвариантное лексическое значение. Внутреннее строение полученного лексико-семантического класса исследуется уже на чисто семантическом уровне.

На русском материале наиболее детальный опыт семантико-синтаксической классификации предпринят Ю. Д. Апресяном, в частности, в его книге [17]. Отправляясь от выбранных из текстов формально-синтаксических признаков 1410 глаголов русского языка, автор приводит последние к определенному числу иерархически упорядоченных лексико-семантических классов. Например, фразы, которым соответствует ядерная конструкция $N_n^1 V_n^2 g$, выражают «широкий комплекс достигательно-удалительных значений». Если фразы этого класса совместимы с фразами вида $N_n^1 V_n^2 g$ от $N V_g^3$, то они образуют подкласс со значением «добиваться, ждать» (с возможностью дальнейшего разбиения): *добиваться ответа (от кого-л.)*, *ждать пощады [от церкви]*, *ожидать пакости [от кого-л.]*, *не требовать ничего (от кого-л.)*, *хотеть искренности [от собеседника]*; если они совместимы с фразами вида $N_n^1 V_n^2 N_i^3$, то представляют собой другой подкласс со значением «достигательного действия, результатом которого является физический контакт с объектом»: *достать потолка (рукой)*, *касаться клавиш (пальцами)*; если же они трансформируются во фразы вида $N_n^1 V$ перед N_i^2 , то выделяются в третий подкласс со значением типа «бояться»: *стесняться незнакомых*, *трусить учителя* и т. д. [17, 172—173] (V — глагол, N — существительное или местоимение, подстрочный индекс при нем обозначает падеж: n — именительный, g — родительный, i — творительный. Подробную расшифровку символов см. в [17, 38]).

Весьма характерно, что в методике своей работы Ю. Д. Апресян не ограничивается рамками собственно дескриптивных (здесь: дистрибутивных) моделей, а прибегает и к экспериментальным. В частности, в качестве элементарных синтаксических признаков в рассматриваемой работе выступают не только обязательные синтаксические позиции, образующие ядерную конструкцию, но и синтаксические трансформации глагольных фраз (типа *стесняться незнакомых* \leftrightarrow *стесняться перед незнакомыми*, *он претендует на остроумие* \leftrightarrow *у него претензии на остроумие* и т. д.). Более того, как отмечает

автор на стр. 188—189, классы глаголов, при которых зависимые формы обычно имеют объектное значение, описываются главным образом на основании именно трансформационных признаков.

Возможность взаимной трансформируемости фраз используется Ю. Д. Апресяном и тогда, когда он разграничивает отдельные значения полисемичного глагола. В этом случае принцип трансформируемости дополняет принцип совместимости. Несколько упрощая суть дела, поясним: две фразы считаются совместимыми относительно глагола, если множество связанных с глаголом словоформ первой из них и множество связанных с глаголом словоформ второй могут быть объединены в третьей ориентированной фразе с тем же глаголом в центральной позиции. Тем самым понятие совместимости, как отмечает автор, по крайней мере частично соответствует двум понятиям дескриптивного синтаксиса: понятию субституции и понятию развертывания. Практическое применение этого принципа состоит в следующем: если две фразы с данным глаголом в центральной позиции не совместимы и не трансформируемы друг в друга, то они реализуют разные значения этого глагола, например: *складывать листы пополам* и *складывать листы в ящик стола* (невозможно: *складывать листы пополам в ящик стола*). Если же фразы совместимы (например, *он жалуется мне* и *он жалуется на сына* совместимы относительно глагола *жаловаться*: *он жалуется мне на сына*) или при несовместимости взаимно трансформируемы (например, *обходить танк* ↔ *обходить вокруг танка*), то в них, по мысли автора, реализуется одно и то же значение глагола.

Применение экспериментальных моделей, естественно, сильно усложняет лингвистическое описание — хотя бы потому, что требует гарантий семантической эквивалентности некоторого множества фраз; а такой «контроль над значением» трудноосуществим в рамках формально-языковых признаков. Другими словами, мы приходим подчас к порочному кругу, пытаюсь установить семантическую эквивалентность некоторых языковых объектов при помощи экспериментального аппарата, надежность которого требует предварительного знания семантики данных объектов. У Ю. Д. Апресяна семантическим инвариантом фразы «является обозначаемая ею конкретная ситуация» [17, 58], но определение «ситуа-

тивной общности» составляет специальную (и внеязыковую) проблему. Скажем, приводимым в книге примерам типа *капитан вернул роту* и *рота вернулась к капитану* можно приписать общность обозначаемой ситуации лишь на самом поверхностном уровне анализа. А привлечение тех или иных логико-семантических критериев угрожает обесценить все декларированные преимущества формально-объективного подхода («от формы — к значению»).

Кроме того, нельзя закрывать глаза на то, что даже на сравнительно ограниченном материале (неполные полторы тысячи глаголов русского языка) семантико-синтаксическая классификация обнаруживает не только свои достоинства, но и недостатки: в частности, семантические классы получаются порой очень дробными (вплоть до состоящих из одного глагола), а иногда и случайными в сравнении с нашими интуитивными представлениями; отдельным классам недостает строгих синтаксических показателей или, наоборот, семантической специфики.

Однако все эти частные издержки, с лихвой, впрочем, окупаемые общей идеей объективного и детального семантико-синтаксического описания, свидетельствуют, думается, не столько о несовершенности метода, сколько об объективном сопротивлении фактического материала. Дело в том, что подобные классификации по своей природе строго синхроничны, в то время как в самом языке соотношенность системы лексических значений с системой синтаксических признаков находится в непрерывном движении — одновременно с внутренним развитием самих этих систем. Это значит, что какие-то «новые» лексико-семантические различия лишь стремятся к своему синтаксическому выражению, а с другой стороны, определенные синтаксические противопоставления оказываются «пустыми», чисто формальными, утратившими под собой содержательные различия. С. Карцевский, возводя в абсолют такое «состояние неустойчивого равновесия», неоднозначного соответствия формы и значения, писал в своей ставшей уже хрестоматийной статье: «Именно благодаря этому асимметричному дуализму структуры знаков лингвистическая система может эволюционировать...» [117, 90]. В силу взаимной обусловленности этих явлений их можно поставить и в обратную зависимость: считать, что именно историческое развитие, эволюционирование языковой системы является причи-

ной того «асистемного», иррационального остатка в отношениях формы и значения, который мы получаем на любом синхронном срезе.

То же положение служит основанием для возможного иного — диахронического — подхода к изучению семантико-синтаксических связей. Напомним, что в опытах синхронно-системного описания лексической семантики на основе синтаксической дистрибуции значение выступает как автономная («первичная») субстанция, недоступная непосредственному наблюдению, а синтаксическая сочетаемость — как производное от нее формальное выражение. Тогда и в диахроническом аспекте отношения смысловой структуры слова и его синтаксического окружения могут быть уподоблены отношениям аргумента и функции в математике: изменение первого влечет за собой изменение второго. Правда, эта аналогия представляет языковые отношения в несколько упрощенном виде. Ибо, как мы увидим, изменение синтаксической сочетаемости не обязательно (не всегда) является следствием семантических преобразований опорного слова.

Разумеется, когда речь идет об историческом развитии лексической семантики и синтаксической сочетаемости, то сравниваются факты, отстоящие друг от друга достаточно далеко на временной оси и принимаемые за языковую норму в тот или иной период — с тем, чтобы исключить неотстоявшийся речевой материал (который, впрочем, сам по себе представляет особый интерес, о чем будет сказано ниже).

Методика анализа в данном случае аналогична принципам исследования семантико-синтаксических связей в синхронии: это сбор и систематизация примеров синтаксической сочетаемости с последующей семантической интерпретацией, а затем — сравнение полученных данных с соответствующей лексико-семантической системой иной языковой эпохи (при этом сам характер синтаксических отношений принимается за практически неизменяемую величину). Вся специфика сводится здесь, в сущности, к тому, что в качестве самостоятельных объектов исследования предстает материал двух или более различных синхронических срезов в истории языка, причем факты языковой ретроспективы доступны исследователю лишь в письменном виде. Кроме самих текстов, относящихся к определенному периоду в развитии языка, фактиче-

ский материал может быть извлечен и из различных толковых и исторических словарей (таких, как «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского и др.).

Целью подобной работы может быть как перспективное изучение путей семантической эволюции конкретных лексем и их групп, так и реконструкция целой лексической системы определенного исторического периода (или ее звеньев) — в этом случае мы опять-таки смыкаемся с синхронической направленностью исследования.

Диахронический подход к изучению семантико-синтаксических связей мы проиллюстрируем материалом глагольного управления. (Нами приводятся отдельные примеры, взятые из дипломных сочинений студенток отделения русского языка и литературы БГУ им. В. И. Ленина Е. С. Зиневич («Связь лексической семантики глагола с его подчинительным синтаксисом», 1972 г.) и Т. Ф. Ковалевской («Некоторые особенности глагольного управления в публицистике Н. А. Добролюбова», 1973 г.). Здесь используется также материал толковых словарей [244; 285], «Словаря языка Пушкина» и «Словаря синонимов русского языка» З. Е. Александровой.) Управление, в понимании современных синтаксистов, это «вид синтаксической связи, возникающий в сочетании господствующего слова определенной семантики с зависимой, связанной формой подчиненного слова» [107, 61] или, еще более категорично, «управление основано на том, что мена основы у главного слова вызывает мену флексий у зависимого (а меняется ли флексия у главного слова — не существенно). Разумеется, мена основ у главного слова означает замещение одной лексемы другой» [203, 72]. Однако, определяя управление как вид синтаксической связи, при котором лексическое значение главного слова (т. е. его принадлежность к некоторому лексико-семантическому классу) требует определенного грамматического значения зависимого слова, стоит подчеркнуть, что и зависимое слово также приписано к более или менее ограниченному лексическому классу. Для нас это уточнение особенно важно, так как оно наводит мосты между лексической и синтаксической дистрибуцией как двумя не только параллельными, но и тесно связанными формами манифестации значения слова.

Например, глагол *стрелять* в значении «производить выстрелы», если не считать абсолютивного употребле-

ния, чаще всего управляет существительным в винительном падеже с предлогом *в* [254, 82]. Эти слова указывают обычно на цель (объект действия) и имеют самое разнообразное предметное значение, например: *стрелять в голову, в дерево, в предателя, в чернильницу, в белый свет* и т. п. Тот же глагол в метонимическом значении «убивать» является прямо-переходным. Здесь зависимое существительное, стоящее в винительном падеже без предлога, обозначает только живых существ, человека или животных: *стрелять людей, дичь, бешеных собак* и т. п. Для того же глагола в значении «выпрашивать» также характерно управление винительным беспредложным, но в этом случае подчиненное существительное ограничено совершенно иным лексико-семантическим полем — это слова, обозначающие мелкие предметы обихода: *курево, денежную мелочь* и т. д. Таким образом, если мы признаем глагол *стрелять* единой многозначной лексемой, то в особенностях его управления отражаются не только семантические свойства его основы, но и — только в более общем и расплывчатом виде — семантика зависимого слова. Это значит, что описание синтаксической дистрибуции теоретически допускает возможность лексико-семантической классификации «в оба конца» — и в сторону главного слова, и в сторону подчиненного, хотя первый путь и более плодотворен. В целом же управление, наряду с согласованием и примыканием, — это разновидность синтагматической (синтаксической) связи между двумя парадигматическими (лексико-семантическими) рядами слов.

Диахроническое изменение глагольного подчинения издавна связывалось в научной литературе с изменениями внутренней, смысловой структуры глагола. Так, еще у Ф. И. Буслаева читаем: «один и тот же глагол, переходя от одного значения к другому, получает управление тех синонимов, с которыми приводится в связь» [47, 504]. Такое уподобление, или выравнивание по аналогии, есть яркое проявление системного характера семантико-синтаксических отношений.

К примеру, глаголу *надеяться* в русском языке XIX в. было свойственно, в частности, управление беспредложным родительным падежом: *Казни вечныя страшуся, Милосердия надеюсь...* (А. С. Пушкин); *... от него надеялись серьезного, глубоко задуманного и строго выполненного произведения из нашей городской народной*

жизни... (Н. А. Добролюбов); *Семен Семеныч! от вас я надеялся хоть приветливого слова* (И. А. Гончаров). В современном русском литературном языке *надеяться* управляет винительным падежом с предлогом *на*. Такое изменение синтаксической сочетаемости произошло не в силу какой-то беспричинной и беспорядочной конкуренции синтаксических форм; оно отражает вполне определенные изменения в плане содержания этого глагола: во всех приведенных цитатах *надеяться* близко по своему значению к глаголам типа *желать, хотеть, ждать, ожидать*, также управляющими родительным беспредложным. Ныне же *надеяться* отходит от такой «чисто модальной» семантики, выделяясь в центр самостоятельного семантического поля со значением «надеяться», общим синтаксическим признаком которого является именно управляемый винительный падеж с предлогом *на*: *рассчитывать, уповать, полагаться, питать надежду, возлагать надежды, иметь виды, делать ставку* и др.

Другой пример. Глагол *стараться* в прошлом веке свободно управлял предложным падежом с предлогом *о/об*, ср. примеры из публицистики Н. А. Добролюбова: *...буду стараться об увеличении общей суммы благ...; новое учение должно было проникать постепенно в сознание народа, и о внушении его должны были стараться те лица...; ... в мой естественный договор с обществом входит, по самой его сущности, и обязательство стараться об изыскании возможно лучших законов*. В современном языке, как известно, *стараться* может иметь при себе в качестве зависимой формы только инфинитив. Очевидно, что такое синтаксическое изменение также является выражением семантического сдвига: если ранее *стараться* входил в единый семантический ряд с глаголами, обозначающими конкретные действия в чью-то пользу: *заботиться, волноваться, беспокоиться, тревожиться, печься* (о ком-л., чем-л., ранее возможно было и кем-л., чем-л.), то ныне эти связи утрачены и заменены новыми — с глаголами сильно ослабленного лексического значения типа *стремиться, пытаться, пробовать* (все они могут подчинять себе инфинитив).

В процессе всеобщего развития словесных значений, их интеграции и дифференциации непрерывно складываются одни и распадаются другие лексико-семантические классы. Этому соответствует постоянная интеграция и дифференциация синтаксических признаков. Про-

следим это на примере формирования класса глаголов со значением «общего руководства». Глаголы *править, управлять, руководить, весть, командовать* в русском языке вплоть до XIX в. были способны управлять прямым дополнением. Некоторые иллюстрации: *Наряжены мы вместе город весть, Но, кажется, нам не за кем смотреть: Москва пуста* (А. С. Пушкин); *Общие соображения, которые в этом рассмотрении должны руководить нас, состоят в следующем...* (Н. А. Добролюбов); *Меня привлекал туда голос вахтенного, который командовал постановку какого-то паруса* (Д. В. Григорович) и т. п. Синтаксические факты позволяют предположить, что в тот период для семантики этих глаголов был характерен оттенок более или менее конкретного руководства или распоряжения, непосредственного побуждения к действию (ср. переходные глаголы с каузативной семантикой, такие, как *заставлять, учить, направлять* и т. п.). Со временем, однако, он (оттенок) перерастает в более отвлеченное значение общего руководства или правления. А поскольку это происходит не без влияния близких по семантике глаголов *владеть, обладать, повелевать, управляющих* творительным падежом без предлога, то синтаксическая сочетаемость всей группы глаголов унифицируется по данному типу. Одновременно с образованием лексико-семантического класса со значением общего руководства происходит формирование соответствующего единого синтаксического типа сочетаемости. В то же время глаголы *властвовать, начальствовать*, обозначающие еще более отвлеченную, опосредованную форму правления, наоборот, утрачивают в современном языке возможность управлять беспредложным творительным (ср. архаичное *И зимний сон, как всей природой, Пусть долго властвует тобой!* (В. Брюсов) и объединяются с глаголами *господствовать, царствовать* общим формальным признаком зависимого творительного падежа с предлогом *над*.

При диахроническом исследовании семантики глагола по данным его подчинительного синтаксиса нельзя упускать из виду, что интенсивное развитие системы предложно-падежных форм, непрекращающаяся дифференциация их функций (например, в русском языке XVIII—XIX вв.), в целом — становление типов управления, как частный случай стабилизации синтаксической нормы, выступает в качестве весьма действен-

ного стимула изменений глагольной сочетаемости; в то же время само значение глагола этим процессом не затрагивается [302]. (Выше уже отмечалось, что изменение синтаксической валентности прежде всего, но не и исключительно связано с изменениями в смысловой структуре опорного слова.) Известная автономность синтаксической системы проявляется и в обычных примерах слабого управления, когда глагол подчиняет себе форму с относительно самодостаточной обстоятельственной или объектной семантикой. При этом образуется словосочетание нетипичное, редкое для данного глагола, хотя в целом усмотреть здесь нарушение синтаксических норм трудно. Примеры: *Что буря жизни, если розы Твои цветут мне и горят!* (А. Блок); *И я устроил Мишку поудобнее на диване, чтобы мне сподручней было об него тренироваться и развивать в себе силу удара* (В. Драгунский); *Заходили мы в разные магазины, но все кучкой, и затеряться от них не получалось* (А. Сахнин).

Здесь же стоит специально отметить, что в отдельных стилистически и хронологически ограниченных совокупностях текстов активность той или иной «относительно свободной» синтаксической формы может заметно возрастать по внеязыковым причинам. Например, в речи Н. А. Добролюбова при обличении крепостнических порядков ощутимо активизируется приглагольная конструкция «над + творительный падеж», как бы концентрирующая в себе отражаемые языком отношения социального неравенства, ср.: ... *он над нею, бывало, буйствовал, пьяный...*; ... *невозможны будут тунеядцы, подобные Худовоспитаннику, который выходит в отставку, чтобы в деревне безобразничать над крестьянами*; ... *он над другими озорничает...*; *С первого же дня свадьбы Ефим начал чудить над женою...*; *они не столько подличают, или не столько вольничают над другими, сколько могли бы по своему положению и т. д.* Другой пример. В языке публицистики первых лет Советской власти чаще привычного употребляются глагольные словосочетания с предлогом *против*, в конечном счете инспирированные, видимо, самой внутри- и внешнеполитической обстановкой тех лет. Ср. примеры из газеты «Известия» за 1918—1920 гг.: *Марии Спиридоновой и ее партии сейчас нужно накалить некоторые слои деревни... против партии пролетариата* (7.VII.1918); *Часть британской прессы*

предостерегает Польшу против вторжения во внутреннюю Россию (2.VI. 1920); Шпененгорст направился туда, чтобы натравить нюрнбергский гарнизон против Советской власти... (27.VI. 1920); Ллойд Джордж обращается против левой группы либералов... (16.IV. 1920); Никто не будет спорить против системы единоличия на высших ступенях... (1.IV. 1920) и т. п.

Два описанных пути изучения семантики слова через его синтаксическое окружение — синхронический и диахронический — методологически противопоставлены друг другу. Есть, однако, область исследования лексического значения, расположенная как бы на пересечении этих двух осей; это своего рода модель диахронического процесса, выделяемая на синхронном срезе. Имеется в виду окказионально-речевая сочетаемость слов. Вообще-то отклонения от языковых норм, в том числе от норм синтаксических, составляют практическую проблему, относящуюся к сфере культуры речи. Однако и в подобных случаях мы сталкиваемся со своеобразным и ярким проявлением системности лексических значений и синтаксических форм.

Некоторые из таких синтаксических окказионализмов со временем узакониваются литературной нормой — естественно, главным образом те, которые отражают «изменения в смысловой структуре слова» [325, 64—65]; другие же инновации, не отражающие содержательных различий, а лишь пополняющие собой ряды формальных дублетов, чаще всего так и остаются в разряде речевых неправильностей. Приведем некоторые примеры из советской литературы: *Словно жаль кому-то и кого-то, Словно кто-то к родине отвык...* (С. Есенин) — вместо *от родины отвык*, по аналогии с *привыкнуть к чему-л.*, или *остынуть к чему-л.*; *Работали так, как будто изголодались о труде...* (М. Горький) — вместо *изголодались по труду*, по аналогии с *мечтать о чем-л.*; *Его холодные ярко-голубые глаза контрастировали манерам...* (Вал. Зорин) — вместо *контрастировали с манерами*, по аналогии с *(не) подходить, соответствовать чему-л.* Во всех приведенных примерах нарушение правил глагольной сочетаемости происходит под влиянием парадигматических ассоциаций с другими членами того же лексико-семантического ряда (синонимами или антонимами). Изучение речевых отклонений в синтаксической сочетаемости, таким образом, может быть полезно для выявления

«продуктивности» и цельности лексико-семантического класса.

Наконец, в качестве самостоятельного объекта семантико-синтаксических исследований могут выступать примеры синтагматического выравнивания по аналогии. Эти конструкции тоже располагаются за пределами кодифицированной языковой нормы, среди специфически-речевых явлений. Если два глагола с разной синтаксической валентностью, объединенные в предложении сочинительной связью, имеют общий, не дублированный местоименной формой объект, то один из глаголов (дальнестоящий) неизбежно вступает в непривычное для себя сочетание. Примеры: *Вырастет он, и так же его будут гнать все от себя, не понимать и смеяться над ним* (А. Аверченко); *Это был новый воспитатель, ... и теперь он пришел посмотреть и познакомиться с детьми, среди которых должен был работать* (Г. Белых, Л. Пантелеев); *Все, все предавали, отрецивались от Бонапарта, еще раньше, чем он был побежден* (А. З. Манфред); *Заранее известные требования помогают учащимся готовиться и своевременно сдавать зачеты* («Учительская газета», 29. I. 1972). Как явствует из примеров, семантика самих глаголов в подобных случаях никаких изменений не претерпевает, их синтаксическая соотнесенность (параллелизм управляемых конструкций) возникает «на один раз», в данном контексте. Однако сам этот параллелизм, необходимый для стяжения двух подчиненных форм в одну, предполагает в качестве предварительного условия определенную семантическую близость сочиненных глаголов. Таким образом, и описанные конструкции (как и в целом сочинительные ряды, остающиеся пока вне поля зрения лексикологов) могут быть использованы в практике анализа лексических значений слов.

В заключение подытожим: лексическую семантику принято противопоставлять семантике грамматической; система лексических и система грамматических значений существуют автономно и соответственно могут исследоваться независимо друг от друга. Однако в слове эти разнотипные значения перекрещиваются, фокусируются и между ними образуется устойчивая связь. Поэтому-то мы можем описывать лексическое значение слова на основании того, какие грамматические формы принимает это слово в речевом контексте или каких грамматических форм требует оно от других слов. Но в каком бы

аспекте ни изучали мы лексическую семантику на основе синтаксической дистрибуции — в плане языка или в плане речи, в синтагматике или в парадигматике, на оси диахронии или на синхронном срезе, — во всех случаях применение этой методики необходимо требует системного подхода к данным языка.

ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ

П. П. Шуба

Лексикографическое описание неполнозначных слов имеет давнюю традицию. Однако методика такого описания специальному изучению почти не подвергалась.

Неполнозначные слова по ряду особенностей, свойственных им, четко разделяются на две группы: в первую попадают предлоги, союзы и связки, объединяемые общностью синтаксической функции — служить средством связи двух синтаксических единиц; во второй остаются модификаторы модального и лексического плана — частицы. Учитывая некоторую общность в синтагматическом плане, существующую между предлогами, союзами и связками, остановимся в основном на проблемах описания предлогов.

Споры о том, считать ли предлог отдельным словом, как будто окончились. А. И. Смирницкий остроумно заметил, что если в сочетании *на суд* элемент *на* не считать словом, то ведь тогда и элемент *суд* тоже необходимо будет рассматривать как часть слова [248]. Следовательно, предлог — также слово. Однако построение словарной статьи, посвященной предлогу, имеет свои специфические особенности. Лексическое значение у большинства первообразных предлогов ослаблено и часто с трудом поддается определению; на первый план выступает установление значения отношений, для передачи которых предлог используется как связующее звено между главным и зависимым компонентами словосочетания: именно между этими компонентами и возникают те или иные отношения. Тот факт, что эти отношения выражаются не только с помощью предлога, а зависят и от семантики компонентов, и от грамматической формы подчиненного компонента, значительно усложняет выявление, классификацию и описание упомянутых отношений. Всегда возникает соблазн приписать предлогу то, что он

на самом деле не выражает и что передается другими грамматическими средствами или же семантикой компонентов словосочетания. Поэтому перечень этих отношений, порядок их фиксации в словарной статье — все это вопросы, требующие обсуждения.

Нерешенным также является важный вопрос — составление словника, т. е. реестра неполнозначных слов. Вопрос этот в современной лингвистике продолжает оставаться остро дискуссионным уже не одно десятилетие. Лексикографическая практика, как это отмечал В. В. Веселитский [52; 53], Ю. И. Леденев [147] и другие, часто не учитывает большого количества слов и сочетаний, фактически функционирующих в роли служебных единиц языка. Такие служебные единицы, как составные предлоги или союзы, в существующих словарях подаются по-разному. В одних случаях они подаются как устойчивые сочетания (в той части словарной статьи, которая традиционно отводится фразеологическим единицам и помещается за каким-либо условным знаком — ромбом, тильдой и др.). Так сделано в Словаре под ред. Д. Н. Ушакова, в Словаре С. И. Ожегова, в 17-томном академическом Словаре современного русского литературного языка. В этих словарях предлоги *по отношению, в отношении, невзирая на, по линии* и т. д. можно найти как фразеологизмы, помещенные, естественно, под «главным» словом: *отношение, взирать, линия* и т. д. Однако, как уже справедливо утверждал В. В. Веселитский [52], далеко не всегда легко определить, где же то слово, которое можно выделить в качестве главного. Ср. составные союзы *а то, как будто, чуть лишь* и другие, где вполне обоснованными могут быть разные мнения относительно того, который из компонентов является главным. Все это затрудняет отыскание таких служебных единиц в словарях, осложняет работу лексикографа, описывающего систему служебных единиц языка.

В других случаях составные предлоги или союзы разбиваются на составные компоненты и в словаре подается лишь один из компонентов под видом знаменательного слова, «управляющего» посредством предлога другим словом или «связывающего» посредством союза какие-либо синтаксические единицы. Так, предлог *в зависимости от* трактуется как сочетание *в зависимости* (дается под словом *зависимость*), управляющее последующим существительным посредством предлога *от*; предлог,

глядя по — как деепричастие *глядя*, управляющее последующим существительным с помощью предлога *по* (а все сочетание *глядя по* трактуется «в значении наречия»); предлог *вблизи от* — как наречие *вблизи*, управляющее при помощи предлога *от*, и т. д. Но несомненно, что все такие сочетания, как *в зависимости от*, *глядя по*, *вблизи от*, *несмотря на* и другие, выполняют в языке в каждом случае функцию единого синтаксического средства. Несомненно, что при конструировании словосочетания в качестве господствующего, стержневого компонента будут выступать не *в зависимости*, *глядя*, *вблизи* или *несмотря*, а совершенно иные полнозначные слова, ср. например: *поступать в зависимости от обстоятельств*, *уйти несмотря на настойчивое приглашение остаться* и т. д. Эти же стержневые глаголы (*поступать*, *уйти*) управляют посредством служебных средств языка зависимыми компонентами словосочетания (формой родительного падежа существительного *обстоятельства*, формой винительного падежа существительного *приглашение*). Слова же *в зависимости*, *несмотря* здесь будут выступать лишь как части, как компоненты служебных единиц, в данном случае — составных предлогов.

То же касается составных союзов, таких, как *разве только*, *словно как* и под. Их также нельзя рассматривать отдельно и подавать в словаре как, допустим, «союз *словно* в сочетании с *как*», «союз *разве* в сочетании с *только*» и др. Составные союзы *разве только*, *словно как* и под. — грамматические средства, выполняющие свою функцию не каждым компонентом по отдельности, а лишь целиком, как цельная единица.

Напрашивается вывод, к которому приходит в своей статье В. В. Веселитский [52, 83]: «Одной из задач словаря является возможно более полная подача служебных слов и сочетаний». Иными словами, рекомендуется включать в словарь все составные предлоги и союзы. Однако здесь мы сталкиваемся с затруднением принципиального характера.

Словарь регистрирует лексические единицы языка, это лексикон языка. Чем же являются составные предлоги или союзы? Можно ли все их считать словами, подлежащими регистрации в словарях?

Попробуем исследовать эту проблему на примере предлогов. В существующей лингвистической литературе предлог определяется как «часть речи, характеризую-

ющаяся категориальным значением отношения предмета к предмету, явлению, ситуации; это значение выражается не исконным лексическим значением слов этого класса, а особенностями функционирования их в качестве связующих служебных слов» [21]. То, что в этом определении предлог считается частью речи, свидетельствует прежде всего о признании предлогов словами. Ведь на части речи мы делим слова, части речи — это разряды слов.

Но признать отдельными словами едва ли можно все те единицы, которые традиционно подводятся под категорию предлога. Если можно считать отдельными словами все первообразные предлоги, то вызывают сомнение в этом отношении такие предлоги, как *за счет*, *с целью*, *вместе с*, *по пути к*, *в отличие от*, *в связи с*, *несмотря на*, и ряд других. Вряд ли удастся доказать с помощью критериев, обычно применяемых для определения слова, что любая из приведенных здесь единиц — одно слово. Нельзя доказать и то, что это какие-то своеобразные «аналитические» слова или фраземы. Этому препятствует явная «отдельность» компонентов таких слов: компонент *вместе* в предлоге *вместе с* полностью сохраняет и свою форму, и свою семантику; изменилась лишь его синтаксическая характеристика. То же самое можно сказать и о втором компоненте этого предлога — *о с*. Каждый компонент таких предлогов, как *в отличие от*, *в связи с*, *по отношению к*, и многих других — это не что иное, как отдельное слово. Есть все основания согласиться с критическими замечаниями Д. Н. Шмелева [327] и Е. П. Кржижковой [137], направленными в адрес тех, кто считает подобные конструкции словами и относит их к какой бы то ни было части речи. Ни употребление всего комплекса в роли одной синтаксической единицы, ни наличие единого ударения в ряде таких комплексов пока еще не сделали своего дела — не превратили эти конструкции в слова. Конечно, в процессе развития языка это может произойти. В ряде случаев такой процесс происходит на наших глазах. Специализация конструкции в предложной функции способствует застыванию одного из ее компонентов и постепенной его изоляции. Так как слова свободного употребления легче поддаются изменениям, чем слова синтаксически изолированные, то параллелизм в развитии компонента предложной конструкции и соответствующей свободной лексической еди-

ницы может быть легко нарушен. Это можно наблюдать на примере белорусских конструкций *на манер, на працягу, на чале*. Данные конструкции стоят на пути превращения в слова, однако полностью этот процесс еще не завершился, и поэтому каждая из таких конструкций остается сочетанием слов, выполняющих одну синтаксическую функцию. Таким образом, перед нами — конструкции, лексически членимые, но грамматически неделимые. Отдельные компоненты таких конструкций могут утрачивать некоторые грамматические признаки (ср. утрату склоняемости у второго компонента предложной конструкции бел. *з цягам*, утрату способности иметь при себе определение у вторых компонентов предложных конструкций бел. *на шляху да, у адрозненне ад* и под.). Тем не менее большинство таких компонентов еще не утратило лексической отдельности. Поэтому есть полный резон описывать их как отдельные слова. А это значит, что такое, к примеру, сочетание, функционирующее в современном языке в значении предлога, как *в связи с*, должно быть в словаре зарегистрировано в трех словарных статьях: «в», «связь» и «с», причем, естественно, наиболее удобно будет дать его толкование в статье «связь», а в остальных двух — сделать отсылку на эту статью. Выбор того компонента, под которым будет даваться толкование функционального значения всего предложного сочетания, в принципе не должен связываться с нахождением стержневого слова (хотя всегда выбирается слово, обладающее наибольшей знаменательностью). Так, сочетания, выполняющие функцию союзов, *разве лишь, лишь только, а то* и под., где затруднителен выбор такого «основного» компонента, могут быть рассмотрены под любым словом. Исключение могут составить такие предложные комплексы, как бел. *з цягам, на чале*, которые могут быть поданы аналогично фраземам (*цяг*: только в выражении *з цягам*).

Разумеется, все эти проблемы возникают перед лексикографом только тогда, когда он ставит перед собой задачу полной регистрации всех таких сочетаний. Но правомерно поставить вопрос: в каких типах словарей может возникнуть такая необходимость? На мой взгляд, логично и целесообразно было бы создание особых словарей — по возможности полных перечней-справочников, где нашли бы отражение все грамматические средства языка: формо- и словообразующие аффиксы, частицы, союзы,

предлоги, связки, вспомогательные глаголы. В таком словаре-справочнике найдут место все те грамматические единицы, которые, выходя за пределы слова, употребляются в функции служебных средств языка. Естественно, наряду с такими грамматическими единицами, в словаре данного типа будут зафиксированы и все первообразные служебные слова, составляющие грамматическое ядро предлогов, союзов, связок, частиц и т. д.

Что же касается обычных толковых или переводных словарей, то полная регистрация всех грамматических единиц языка в них далеко не обязательна. Помещая в такие словари в виде отдельных словарных статей, допустим, префиксы или предложные комплексы, мы нарушаем единство словаря, так как наряду со словами ставим и не-слова.

Серьезную трудность вызывает описание в словаре таких предлогов, которые считаются в грамматике отнаречными. Ряд исследователей (Ю. Г. Скиба, Ю. И. Леде-нев, Е. Т. Черкасова и др.) считает отнаречный предлог и соответствующее наречие словами-омонимами. Однако лексикографическая практика не признает таких омонимов: в словарях и наречие, и предлог подаются в одной словарной статье.

В. В. Виноградов [58] был склонен допустить совмещение двух функций — наречия и предлога — в одном слове. Но признание бифункциональности наречия или потребовало бы изменить определение самого наречия как лексико-грамматической категории, или же заставило бы отказаться характеризовать по валентности все части речи (а ведь в существующей грамматике характеристика части речи по ее сочетаемости с другими является одной из необходимых). И первый, и второй путь не кажутся бесспорными и непротиворечивыми.

Выход может быть найден в признании отнаречных предлогов явлением грамматического (функционального) порядка: наречие в определенных условиях может служить грамматическим средством связи главного и зависимого компонентов словосочетания. Новая синтаксическая роль не изменяет лексического значения слова, разрыва в системе значений слова не происходит, омонимы, как правило, не образуются. Вместе с тем отпадает необходимость признавать бифункциональность наречия.

Конечно, семантическое тождество еще не позволяет считать такие пары «наречие-предлог» одинаковыми во

всем, кроме функции. Нередко употребление слова в иной функции сопровождается резкими изменениями его частотной характеристики. Так, в академической картотеке Толкового словаря белорусского языка слово *воддаль* как наречие зарегистрировано 93 раза, а как предлог — только один раз. Такие же слова, как *абапал, паабапал, наабапал, акрай, міма*, чаще встречаются как предлоги; при употреблении их в наречной функции даже чувствуется эллипсис. Неодинаковая частотность наречного и предложного употребления может служить в каждом конкретном случае показателем того, в какой мере в слове закрепляется предложная функция.

Идентичность в значениях у таких пар может и отсутствовать. Наблюдается, например, при употреблении наречия в предложной функции либо уменьшение количества значений, либо их увеличение, либо даже разрыв значений. Наречия бел. *вакол (вокала), навакол (навокал)* имеют два значения: 1. 'вокруг, везде, на всем пространстве', ср.: *а вакол ляжыць травяністы луг* (Колас); 2. 'по всей окружности', ср.: *зрокам водзіць вакол* (Колас), в предложном же употреблении сохраняется только последнее значение, ср.: *сосны і вязы, дубы і асіны вокала возера вартай пасталі* (Колас); *навокал поплаву чарнейся лес* (Чорный). Такое же сужение значений наблюдается и в предложном употреблении наречия *кругом*. Наречие бел. *наперад* имеет и пространственное, и (реже) временное значение; в предложной же функции временное значение почти полностью исчезает. Наоборот, в наречии бел. *блізка* при употреблении в роли предлога количество значений возрастает. Основное адвербиальное значение — 'недалеко, на близком расстоянии', ср.: *сядзелі яны вельмі блізка* (Чорный). На этой почве развивается переносное значение, ср.: *важных дакументаў і блізка няма* (Самуїленок); *блізка было да таго, што яна яго зараз пазнае* (Чорный). Временное значение также непосредственно связано с пространственным: *ночка блізка, змрок гусцея*. Препозициональное *блізка* сохраняет все эти наречные значения; кроме того, в предложном употреблении слово *блізка* приобретает значение 'приблизительно', указывая на неточное количество: *прайшоў ён блізка кіламетра* (Самуїленок). Это значение отсутствует в наречии. Появление его в предложном употреблении можно объяснить влиянием частицы *блізка* ('почти'), несомненно связанной своим происхождением с наречием, ср.: *экзамены цяг-*

нуліся *блізка тыдзень* (Колас); *блізка не дваццаць параконных плугоў пачалі рваць зямлю* (Чорный); *а вось хамут дык жарабячы блізка* (Крапива). Наконец, несовпадение значений наблюдается в паре бел. *скрозь* (наречие) — *скрозь* (предлог). Наречие *скрозь* имеет два основных значения: 1. 'везде, на всем окружающем пространстве, на всем протяжении'; 2. 'все время, на протяжении всего отрезка времени'. Например, *бязлюдна скрозь* (Бровка); *скрозь ты мне падабалася* (Крапива). Предлог *скрозь* имеет лишь одно значение: 'проникая сквозь [что-н.], проходя навывлет через [что-н.]', ср.: *скрозь шыбы акна ночцы ў вочы глядзець* (Колас).

Однако такие случаи расхождения или разрыва значений в парах «наречие — предлог» единичны. Поэтому может быть полностью оправдана существующая лексикографическая практика, не признающая в этих парах слов-омонимов. Конечно, в принципе и здесь надо было бы предложное значение наречия как значение чисто функциональное, грамматическое фиксировать в особых словарях — перечнях грамматических средств языка. Но это уже иной аспект данной проблемы.

Пара «наречие — предлог» в лексикографической практике порождает еще одно затруднение. Встречаются случаи, когда предлог может употребляться в функции наречия. Здесь имеется в виду не окказиональное употребление предлога в эллиптических конструкциях типа *И слышит шепот гордый вода и под и над: «Через четыре года здесь будет город-сад!»* (Маяковский), а закрепившееся в речевой практике наречное значение, например: *выступать за, голосовать за, голосовать против*. В таких случаях наречное употребление выносится в качестве особого значения с пометой «в значении наречия» и фиксируется после рассмотрения функциональных значений предлога.

По-видимому, целесообразно подобным образом подавать и такие случаи, когда употребление слова в предложной функции явно преобладает над его наречным употреблением. И хотя генетически здесь наречие является основным, для современного состояния языка функция предлога должна быть показана на первом месте. Примерами случаев такого рода будут слова бел. *наабпал, паабпал, паверх*.

Порядок расположения функциональных значений при описании каждого предлога, группировка этих значений

в разных словарях также не сведены к единству. В последнее время лексикографы склоняются к тому, чтобы сохранять порядок значений, в известной мере отвечающий линии развития этих значений в естественных языках. Отдельные значения объединяются в группы, именуемые по характеру синтаксических отношений (пространственные, временные, причинные, целевые и т. д. отношения). Количество этих отношений, порядок их размещения при описании разных предлогов, способ описания однозначных предлогов, вопрос о правомерности подачи фразеологии в словарной статье, посвященной предлогу, о наличии или отсутствии так называемого переносного употребления предлогов — все это может составить тему самостоятельной статьи. Требуется специального рассмотрения и вопрос о лексикографической фиксации вариантов предлогов и о типологии этих вариантов.

СЛОВО В СЛОВСОЧЕТАНИИ И В ФРАЗЕОЛОГИЗМЕ

А. И. Наркевич

Слово в зависимости от того, в составе какого сочетания оно употреблено, значительно варьируется по своим семантическим и другим свойствам. Поэтому при анализе семантики слова существенно учитывать вхождение его в состав тех или иных свободных и устойчивых сочетаний. Свободные (синтаксические) словосочетания образуют расчлененные семантические единства, каждое слово в которых сохраняет свою смысловую самостоятельность, может свободно вступать в грамматические отношения с другими словами и выполнять определенные синтаксические функции. Несвободные (фразеологические) сочетания выступают как целостные лексикализованные образования, в которых в большей или меньшей степени утрачены живые смысловые и грамматические связи между сочетающимися словами. Они употребляются для обозначения единых нерасчлененных понятий. Составные элементы таких сочетаний имеют, как правило, семантически обусловленные значения и не могут свободно вступать в лексические связи с любыми другими словами тех или иных семантических разрядов. Поэтому устойчивые образования могут быть предметом синтаксического изучения только со стороны их структуры. В на-

уже в настоящее время разрабатываются особые приемы анализа семантической и формальной стороны несвободных сочетаний (см. библиографию [65; 230]).

Вместе с тем следует отметить, что между фразеологическими оборотами и свободными синтаксическими словосочетаниями существует тесная связь и взаимозависимость. Свободные синтаксические словосочетания служат основой для образования разных типов фразеологизмов и фактически определяют их структурные модели. Многие свободные словосочетания находятся на пути перехода в устойчивые, и нередко на практике возникают трудности в отнесении того или иного сочетания к числу свободных, синтаксических, или фразеологически связанных.

Лексикализованные сочетания структурно и семантически не однородны. В. В. Виноградов выделяет: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания и фразеологизированные терминологические наименования [58]. Все они различаются между собой, как и соответствующие типы свободных синтаксических конструкций, степенью слитности компонентов и зависимостью семантической структуры от конкретных значений входящих в их состав слов.

Аналогичные классификации с некоторыми изменениями приняты и рядом других ученых [315; 230а; 336а]. Несколько иное понимание фразеологии у М. М. Копыленко [133; 134].

Словосочетания и фразеологические сращения. В сравнении со свободными синтаксическими словосочетаниями, общее содержание и значение которых мотивируются значениями сочетающихся слов, фразеологические сращения, или идиомы, образуют такие неделимые лексикализованные единства, семантика которых в целом не зависит от лексических значений, их непосредственно составляющих. Элементы идиом настолько тесно срастаются в одно целое, что значения этих элементов ни в отдельности, ни в своей сумме не обуславливают значения всего оборота. Фразеологические сращения возникают обычно в результате переносного употребления сочетающихся слов, далеко отошедших от своих первоначальных значений и приобретших качественно новый смысл, например: *попасть впросак, зарубить на носу, гнать в три шеи, задать жару, задать перцу, делать из мухи слона, не лыком шит; даць чапаласу, даць дыхту,*

даць пытлю, як піць даць, даць дуба. Семантическая слитность структуры сращений обуславливается тем, что в их состав входят или устаревшие слова, которые в наше время вне языкового контекста уже не употребляются (*бить баклуши, точить балясы, лезть на рожон, попасть впросак, на злобу дня* и др.), или включаются архаические грамматические формы и выражения (*иду на вы, притча во языцех*), или же вводятся слова, которые в современном языке хотя и употребляются и являются понятными для его носителей, однако смысл целого сочетания не вытекает со значений его частей и остается немотивированным (*на скорую руку, на равную ногу, без задних ног, проглотить язык, съесть собаку, прокатить на воронных, козел отпущения; не чуць ног, прыкусиць язык, адкладваць у доўгую скрынку* и др.). Семантическая нерасчлененность и спаянность фразеологических сращений может возникать и в результате структурной неделимости их компонентов, отсутствия живой синтаксической связи между сочетающимися словами (*во что бы то ни стало, себе на уме; была не была, так і быць, ні тое ні сёе, хоць куды, як на грэх, ні свет ні зара, рука ў руку, даўным-даўно* и др.). Таким образом, во всех отмеченных случаях фразеологические сращения в отличие от свободных словосочетаний характеризуются тем, что у них утрачена связь между первообразным, начальным значением конструкции и ее позднейшим, метафорически усложненным осмыслением, которое фактически уже не обуславливается содержанием самих сочетающихся слов и не выводится непосредственно из их общего значения.

Словосочетания и фразеологические единства. Фразеологические единства, подобно сращениям, характеризуются семантической слитностью своих компонентов, но их общий смысл, как и в свободных синтаксических словосочетаниях, мотивирован значениями входящих в эти обороты слов, например: *погладить по голове, тянуть за язык, стать на мозоль, намять бока, намылить шею (голову), взять в свои руки, взять за бока, плясать под чужую дудку; з боку прыпёку, падмазаць пяткі.* Такие обороты и выражения поддерживают связь с первоначальными значениями слов, из которых состоят, а тем самым сохраняют и свою внутреннюю форму, что, в свою очередь, сближает их с обычными словосочетаниями. Именно поэтому они характеризуются образностью в выражении семантических отношений между

понятиями и экспрессивностью значений, например: *показать пятки, ходить на голове, повесить нос, погреть руки, набить руку, пускать пыль в глаза, держать камень за пазухой, наклеивать ярлыки; замазаць вочы, не зводзіць вачэй* и др. Таким образом, фразеологические единства, хотя и включают в свою семантику значения слов, из которых образуются, но их смысл не складывается непосредственно с простой суммы значений составляющих частей. Смысл любого фразеологического единства понимается не буквально, а переносно, метафорически, расширенно. Словосочетание, в силу определенных причин перешедшее в устойчивый фразеологический оборот, всегда приобретает более абстрактное, более широкое и глубокое по своей идее значение, которое фактически уже не равно сумме значений конкретных сочетающихся слов в свободном синтаксическом словосочетании, как и семантике его в целом.

Словосочетания и фразеологические сочетания. Фразеологические сочетания — это такие устойчивые лексикализованные обороты речи, в которых возможности соединения компонентов ограничены семантикой одного или нескольких определенных слов. Они включают в себя лексемы со связанными значениями, которые реализуются в сочетаниях с исключительно ограниченным количеством слов, имеющих свободное (относительно свободное) значение. В сравнении с предыдущими группами лексикализованных оборотов фразеологические сочетания ближе стоят к обычным синтаксическим словосочетаниям, ибо семантически они более мотивированны, а компоненты их не сливаются так тесно в единое смысловое целое. Во многих из них еще не стерлось окончательно первоначальное значение отдельных слов, хотя и усложнено в значительной степени оттенками метафоричности. Степень семантической целостности фразеологических сочетаний не одинакова. Одни фразеологические сочетания содержат в своем составе такие слова со связанными значениями, которые могут вступать в связь только с одним определенным словом, например: *скалить зубы, нахмурить брови, обвести вокруг пальца, пропустить мимо ушей, затаить зло, отвлечь внимание, пороть горячку, кривить душой, падать духом, злые языки, открытая душа; вылезці бокам, адчуваць нутром, мянціць языком, залівацца смехам, паставіць рубам, дацца ў знакі, узяцца за розум*. Другие сочетания допускают

возможность подмены компонентов, и слова со связанными значениями могут дополнительно сочетаться у них с двумя и более синонимическими или однотипными по семантике словами других лексических рядов в их прямом или, чаще, переносном употреблении, ср., например: *сбить с толку — сбить с панталыку, выбиться из сил — выбиться в люди, поднять на смех — поднять на щит, одержать верх — одержать победу; налажыць рукі — налажыць галавою*. В отдельных фразеологических сочетаниях то или иное слово со связанным значением может сочетаться с целым рядом однородных или близких по смыслу слов, например: *оказать содействие — оказать помощь (услугу, сопротивление, доверие), принять участие — принять решение (меры, присягу), затронуть за живое — затронуть самолюбие (достоинство, чувства, струны души), повести глазами — повести носом (бровями); даць веры — даць знаць (рады, маху, храпака), узяць сваё — узяць верх (курс, прыцэл, слова, за живое, за жабры, за сэрца, за правіла, быка за рогі, у работу, у пераплёт), браць адказнасць — браць прыклад (удзел, у свае рукі, да сэрца, за душу, за шкірку, на мушку)*. Полисемантичностью связей обладают также и некоторые зависимые слова в составе тех или иных устойчивых сочетаний, ср., например, в белорусском языке: *апусціць вочы — ускінуць вочы, не зводзіць вачэй, не спускаць з вачэй, павесці (акінуць) вокам, кінуць позірк* и др. Фразеологические сочетания характеризуются и такой существенной для их семантической структуры особенностью, в силу которой они легко заменяются свободными синтаксическими словосочетаниями с прямыми значениями слов одного и того же лексического ряда, ср.: *найти выход — отыскать выход, отдать долг — вернуть долг, вороной конь — черный конь, золотая осень — солнечная осень*.

Словосочетания и фразеологизированные терминологические наименования. Отдельное место в группе устойчивых лексикализованных сочетаний занимают так называемые терминологические наименования, которые складываются из двух и более взаимосвязанных слов из той или иной сферы специальной лексики, образующих единое структурно-семантическое целое. Отличительной чертой их является то, что все они мотивированы в своих основных значениях и не употребляются в не прямом, или образно-переносном (метафорическом) смысле. Этой своей особенностью фразеологи-

ческие термины в большей мере и степени, нежели перечисленные выше типы лексикализованных образований, приближаются к словосочетаниям, хотя и не совпадают целиком с ними по причине семантической связанности их компонентов и неделимости словосочетательных связей.

Составные фразеологические термины наиболее часто выступают в форме субстантивных или субстантивно-адъективных образований с именами существительными в роли главного слова и относительными или качественно-относительными прилагательными в роли зависимого компонента. Зависимые словоформы в составных терминологических наименованиях поясняют, уточняют или ограничивают содержание понятий, называемых главным словом, например: *продуктивность труда, социалистическое соревнование, производственные отношения, выборная кампания, атомная энергия, космическое тело, (не) органическая химия, пишущая машинка, белый гриб, бабье лето, ботанический сад; пярэдни край, агнявы вал, спускавы кручок*. Такие сочетания функционально приближаются к сложным словам или аббревиатурным образованиям и в ряде случаев заменяются ими (*соцсоревнование, ботсад, БГУ* и др.).

Таким образом, между словосочетаниями, с одной стороны, и устойчивыми лексикализованными образованиями, с другой — существует принципиальное различие, обусловленное неидентичностью структуры и функций их в языке. Это различие в общих чертах может быть сведено к следующему:

1) фразеологические обороты выступают в языке как нечленимые единства на лексико-семантическом, структурно-грамматическом и синтаксическом уровнях, а синтаксические словосочетания — как свободно разложимые семантико-синтаксические образования;

2) устойчивые фразеологически связанные обороты употребляются в языке в сложившемся, готовом виде и служат для обозначения тех или иных понятий; синтаксические же словосочетания, наоборот, возникают в процессе речи и являются результатом свободного выбора словоформ. Они также быстро распадаются в языке, как и появились, если только выполнили свою коммуникативную задачу и необходимость в их дальнейшем функционировании отпала. В таких случаях составные части (компоненты) их могут вступать в новые связи, сочетаться с

другими словами и образовывать соответствующие типы сочетаний;

3) общий смысл фразеологических оборотов не зависит непосредственно от значений входящих в них слов; в свободных же словосочетаниях общее значение тесно связывается со значением слов, на базе которых такие словосочетания возникают;

4) устойчивые фразеологические обороты выполняют в языке одну определенную синтаксическую функцию, словосочетания же как синтаксически членимые единства в функции одного члена предложения обычно не выступают. Они членятся структурно и семантически, и в зависимости от конкретных условий употребления и роли в предложении каждый отдельный их компонент может выступать в своей самостоятельной синтаксической функции;

5) фразеологически связанные устойчивые выражения характеризуются постоянством и неизменяемостью порядка слов, в то время как в словосочетаниях хотя исторически и закрепилось более-менее последовательное словорасположение компонентов, однако при необходимости оно может быть легко нарушено или видоизменено в соответствии с задачами и целями коммуникации при безусловном сохранении самой этой конструкции, ее структурной целостности и семантического единства.

Обобщая вышеотмеченное о соотношениях словосочетаний со смежными категориями на уровне слов, семасиологических образований, лексикализованных оборотов, можно сделать общий вывод о том, что словосочетания не относятся к области номинативных средств языка, средств обозначения предметов и явлений действительности. Словосочетания — это не номинативные, раз и навсегда образованные, постоянные словосочетательные единицы, равные сложным словам, терминологическим обозначениям, разным устойчивым сочетаниям типа *соц-обязательства*, *коммунистический субботник*, *принять участие*, *играть роль*, а конструктивные, свободные, структурообразовательные синтаксические единицы, всякий раз заново возникающие, преобразующиеся в языке по свойственным ему законам сочетаемости слов в соответствии с коммуникативными задачами и целями сообщения.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И МОРФЕМНЫЙ АНАЛИЗ СЛОВА

МЕТОДЫ ПОСТРОЕНИЯ МОРФЕМНОГО СЛОВАРЯ

Л. М. Шакун

Морфемный словарь как справочник о морфемном составе слов не может не служить важным пособием также и при изучении лексики, поскольку в нем морфологическое строение слова определяется на основании учета его смысловых и формальных связей с другими словами данного языка. Необходимость такого словаря для разных нужд исследовательской работы и практики привела в русском языкознании к попыткам создать его исходя из тех или иных принципов морфемного (морфологического) анализа слова. Наиболее известными морфемными словарями русского языка, вышедшими в последнее десятилетие, являются «Школьный словообразовательный словарь» З. А. Потихи (первое издание — Волгоград, 1961, второе — М., «Просвещение», 1964) и «Russian Derivational Dictionary» Д. Ворга, А. Козака и Д. Джонсона (Нью-Йорк, 1970). Сравнение этих словарей, а также и других, менее известных, в которых предпринималась попытка определить морфемный состав слов русского языка, приводит к выводу, что авторы их не руководствовались каким-то единым принципом членения слов на морфемы. Словари отличаются не только своим объемом и принятыми в них способами отражения в словарных статьях морфологического строения слов, но и в результатах вычленения морфем в отдельных словах [284, 50—127].

То, что существующие морфемные словари русского языка — разнотипные, вполне закономерное явление, так как их составители предусматривали разные цели. Что же касается фактов неодинакового определения морфемного состава отдельных слов, то эти факты приходится объяснять в первую очередь нерешенностью проблемы идентификации морфем.

Из-за нерешенности в современном языкознании этой сложной и многоаспектной проблемы некоторые исследователи считают, что вообще еще не наступило время для создания такого словаря, в котором было бы представлено членение слова на морфемы [8, в. 2, 137].

Все же современное языкознание накопило определенный опыт в создании морфемных словарей разных типов и выработало некоторые общие предпосылки научно обоснованного членения слов. В результате углубленной разработки различных проблем теории словообразования утвердилось положение о необходимости при членении слов разграничивать два аспекта анализа — морфемный (морфологический) и словообразовательный. Морфемный анализ и есть деление слова на минимальные значимые части — морфемы; он обнаруживает прежде всего морфологический способ организации слова, т. е. устанавливает, из каких морфем оно состоит. Словообразовательный анализ имеет целью раскрыть конкретный способ образования слова: устанавливается, является ли данное слово непроизводным или производным, в производном слове определяется производящая основа и то словообразовательное средство (аффикс), которое вместе с производящей основой и образовало производное слово. И хотя морфемное и словообразовательное членение слова отличается по существу, и в том и в другом случае приходится иметь дело с сегментацией слова на морфемы, с определением морфемного статуса вычленяемых в составе слова частей, т. е. с идентификацией морфем.

Такая тесная взаимосвязь морфемного и словообразовательного анализа обусловила сложность их разграничения. Принципы морфемного анализа и анализа словообразовательного не совсем четко формулируются современными исследователями. Поэтому и встречаются случаи неодинакового членения слова как на уровне морфемного, так и на уровне словообразовательного анализа, и то, что одни вычленяют на уровне морфемного анализа, другие вычленяют на уровне словообразовательного анализа. Можно привести здесь для примера кочующие из работы в работу по словообразованию слова типа *малина*, *смородина*. Одни отказываются вообще членить их на словообразовательные морфемы [312, 54—62]. Другие вычленяют в этих словах суффикс *-ин(а)* на уровне морфемного анализа, считая при этом, что на уровне словообразовательного анализа они являются неразложимыми, простыми единицами [284, 10]. Третьи, наоборот, членят эти слова прежде всего на уровне словообразовательного анализа, и уже данные морфемного анализа взаимообуславливают таким членением [138, 32].

Все это, естественно, является серьезной помехой на

пути создания словаря, в котором морфемное членение лексического состава удовлетворило бы представителей разных точек зрения на задачи и методы морфемного и словообразовательного анализа. Между тем морфемные словари, несмотря на нерешенность некоторых принципиально важных проблем теории словообразования, создаются — и не только на материале русского языка, наиболее исследованного в отечественном языкознании в отношении словообразования, но и других языков Советского Союза, в частности украинского и белорусского, структурная близость которых к русскому языку создает особенно благоприятные условия для использования в изучении их опыта научной разработки русского языка. Насущные задачи лексикографической практики, таким образом, требуют уточнения способов членения слов на морфемы.

В советском языкознании стало общепризнанным морфемное членение основывать на сопоставлении слов, имеющих общие элементы формы и значения с точки зрения современного языкового состояния. Однако само сопоставление слов разными исследователями понимается по-разному.

Обычно сопоставляются слова (основы) однокорневые. Но и в таком случае не выдерживается единый принцип. Некоторые исследователи морфемное членение (морфемный анализ) слов основывают на принципе «двойного сравнения», когда анализируемое слово соотносится с двумя рядами слов: 1) содержащих общую корневую часть (*рез-чик, резь-ба, рез-ать*), 2) включающих те же аффиксы или тот же аффикс): *рез-чик, рассказ-чик, развед-чик* [8, в. 1, 97]. При таком сопоставлении в первом ряде слов, помимо общей корневой части, обнаруживается какой-то звуковой остаток, а сравнение слов второго сопоставляемого ряда слов дает основания квалифицировать его как минимальную значимую часть слова — морфему. В данном случае исследователи рассматривают морфему как явление повторяющееся.

Так называемый принцип «двойного сравнения» идентифицирует морфемы всесторонне, особенно учитывая их значимую сторону, но при этом неясным оказывается статус «необычных», неповторяющихся, единичных в своем роде частей, которые могут вычленяться в некоторых словах, если их сравнивать с другими однокорневыми словами (типа *-амт* в слове *почтамт* или *-арус* в слове

стеклярус). Определение таких отрезков слов, как морфем особого типа — унификсов [138, 32], если и спасает положение, то все же нарушает единство исходных позиций в членении слов, поскольку здесь уже приходится ориентироваться только на один соотносительный ряд слов — содержащих общую корневую часть (ср. *почта* — *почтовый* — *почтальон* — *почтамт* и т. д., *стекло* — *стеклянный* — *стекольщик* — *стеклярус* и т. д.).

Так или иначе оказывается, что морфемное членение слов будет наиболее последовательным именно при сопоставлении слов в одном соотносительном ряду — содержащих общую корневую часть, т. е. имеющих общие элементы формы и значения с точки зрения современного состояния языка. Всякий звуковой остаток, полученный путем сопоставления однокорневых слов, независимо от того, повторяется или не повторяется он в других словах, может квалифицироваться как морфема, ибо он в данном слове представляет какое-то определенное звено в общей цепи его морфологической организации. Следовательно, словарь, построенный по принципу сопоставления однокорневых слов и выделения в каждом из них звукового остатка, как повторяющегося, так и не повторяющегося в других словах, обеспечивает возможность достаточно убедительно отразить морфемный состав слова, вычленив в нем такие части, функциональная значимость которых явственно обнаруживается на фоне других сопоставляемых слов.

Этот принцип, который некоторыми называется принципом производности, несмотря на кажущееся доминирование в нем формальных критериев, приводит к однозначному членению производного слова в каждом конкретном случае, — так же и тогда, когда производное слово соотносится не с одной какой-нибудь производящей основой, а с двумя и даже более основами (имеется в виду так называемая омонимия словообразовательной формы, или, иначе, множественность словообразовательной структуры слова). Независимо от того, с какой производящей основой — *мод(а)* или *модн(ый)* связывать образование слова *модник*, оно получит одинаковое морфемное членение: *мод-н-ик*. Отсюда и глагол *модничать* расчленился на морфемы *мод-н-ич-а-ть*. В слове *чайник* будут выделяться суффиксы *-н-* и *-к-* (ср. *чай* — *чай-н-ый*) и т. д.

Если пользоваться этим принципом, то слово *подводник* необходимо будет расчленивть на морфемы *под-вод-*

-н-ик, так как оно соотносится со словами *вод(а)*, *вод-н(ый)*, *под-вод-н(ый)*, но в слове *проводник* выделить морфемы *про-вод-ник*, поскольку в соотносительном ряде не обнаруживается однокорневое слово с самостоятельным суффиксом -н-. По-иному, чем слово *модничать*, расчленился слово *лодырничать* (сравни. *мод-н-ич-а-ть* — *лодыр-ни-ча-ть*); в слове *коптилка* вычленился суффикс -лк-, а в слове *горелка* — два суффикса: -л-, и -к-; в слове *американец* как одна значимая единица выделится суффикс -анец (его сложный состав можно каким-то образом обозначить, но это не меняет существа дела) и т. д. Придется членить заимствованные слова на несколько необычные, а иногда и уникальные морфемы (типа *почтамт*, *флегм-атизм*, *им-порт* и т. п.), но в словах типа *малина*, *смородина* или заимствованных *аспирин*, *кодеин* и т. п. невозможно будет вычленить суффикс -ин-, как это делают те исследователи, которые проводят мысль о возможности членения слова путем постановки его в ряд слов (не обязательно однокорневых) с любой отождествляемой частью и выделения некоторого звукового остатка (речь идет о так называемом принципе членимости, предложенном А. И. Смирницким [250, в. I, 23] и получившем поддержку во многих работах по словообразованию в последнее время).

При разработке методов и принципов составления морфемного словаря, как и всякого другого пособия, адресованного широкому кругу заинтересованных лиц, должно учитываться не только то, насколько эти методы и принципы отвечают общетеоретическим установкам данной отрасли науки, но, вероятно, не в последнюю очередь и то, насколько доступными и эффективными окажутся они на практике, насколько удобно будет пользоваться ими для анализа конкретного материала. С этой точки зрения и обращают на себя внимание некоторые преимущества морфемного анализа путем сопоставления слов, содержащих общую корневую часть, и выделения некоторого звукового остатка как служебной морфемы. Лексикографическая практика последних лет и базируется, собственно, на этом принципе морфемного членения слов, с большей или меньшей последовательностью проводя его в каждом конкретном случае. Дальнейшие поиски оптимальных способов отражения морфологического строения слов в специальном — морфемном словаре не могут пройти мимо этого факта.

О НЕКОТОРЫХ МЕТОДАХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Н. А. Павленко

Словообразование, традиционно понимаемое как учение о путях и способах образования новых слов, тех средствах, которые участвуют в словообразовательном процессе, выделилось в относительно самостоятельную отрасль лингвистических знаний сравнительно недавно. Этому способствовали все возрастающий за последние два десятилетия интерес к вопросам словообразования, связанное с ним появление большого количества работ по словообразованию, стремление исследователей к обобщению достигнутых результатов [128; 347; 232; 106; 138; 80 и др.], пересмотр и уточнение старых взглядов по некоторым вопросам дериватологии, постановка новых теоретических проблем словообразования в соответствии с общим процессом углубления теоретического уровня современного языкознания [106, 3—4].

В связи с этим словообразование становится наукой, главной задачей которой является не только описание словообразовательной системы на основе уже устоявшихся, традиционных методов, но и разработка новых приемов такого описания, изучение закономерностей и особенностей словообразовательного моделирования [319; 323; 316; 75], представляющего собой системно организованную совокупность приемов и средств, связанных с построением производных единиц [198, 350].

Производные единицы (слова), как известно, являются основными объектами изучения дериватологии.

Учение о словообразовании имеет длительную историю и богатые традиции. Вопросы словообразования рассматривались в грамматиках М. Смотрицкого, М. В. Ломоносова, Н. И. Греча, А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева, К. С. Аксакова, Г. Павского. Много интересного и ценного по словообразованию представлено в работах И. А. Бодуэна де Куртенэ, Н. В. Крушевского, В. А. Богородицкого, Ф. Ф. Фортунатова, где делаются первые попытки определить объект словообразовательного анализа и поставить проблемы научного изучения словообразовательной структуры слов. Ощутимый вклад в разработку вопросов словообразования внесли А. А. Потебня, В. К. Поржезинский, А. И. Соболевский, М. М. Покровский, А. М. Пешковский, Л. В. Щерба, Л. А. Булаховский,

В. В. Виноградов, А. И. Смирницкий и др. [284, 3—4].

Несмотря на это, теоретические вопросы словообразовательного анализа производных слов, пожалуй, впервые были систематизированы и обобщены только Г. О. Винокуром [162, 20; 284, 4].

Основные положения его концепции [61] сводятся к следующему. Необходимо разграничивать диахронический и синхронический аспекты словообразовательного анализа. Строение слова должно анализироваться с учетом тех соотношений, которые раскрываются между словообразовательными морфемами в пределах данной языковой системы независимо от их генезиса. Иначе говоря, при словообразовательном анализе необходимо различать разные эпохи в истории языка и не смешивать живые словообразовательные отношения с мертвыми [61, 420]. Эти принципиальные положения явились для Г. О. Винокура исходными в разработке его учения об основах производных, непроизводных, производящих, связанных, словообразовательных аффиксах, их продуктивности/непродуктивности, вариантности основ и аффиксов, словообразовательной омонимии, словообразовательной регулярности/нерегулярности и др. [284, 4—5]).

Среди названных вопросов учение об основах, в частности проблема смысловой и структурной соотносительности производящих и производных основ, занимает центральное место.

Чтобы ответить на вопрос: «что от чего образовано?», необходимо установить, говорил Г. О. Винокур, отношение данного слова к предмету или явлению действительности, им называемому. А отношение между словом, как «обозначающим», и тем, что данное слово обозначает, «может быть двояким: слово может обозначать известный предмет действительности или непосредственно, или через установление той или иной связи между данным предметом действительности и другими. В первом случае слово служит таким обозначением соответствующей идеи, в структуре которого остается ничем не выраженной самая сущность этой идеи, как она обнаруживается в ее реальных связях. *Стол, коса, алый, нести* обозначает нечто, независимо от того, какие отношения существуют у каждого такого нечто с другими явлениями действительности. Все это нерасчлененные названия соответствующих предметов мысли, и вопрос о том, почему данные предметы мысли названы именно так, а не как-нибудь

иначе,... ни в малой степени не определяет функционирования языка как наличного орудия общения...

В отличие от этого, отношения между словом и обозначаемым им предметом мысли в случаях вроде *настольтый, косить, алеть, поднести* обнаруживают такое обозначение идеи, в котором данная идея раскрывается в известной хотя бы части своих связей, формирующих ее в живой действительности. *Настольный* — значит «находящийся на столе, предназначенный для этого», *косить* — «работать косой», *алеть* — «быть или становиться алым», *поднести* — «совершить действие, обозначаемое словом *нести* в направлении полного приближения к чему-нибудь», и т. д. Иными словами, в этих случаях известная сторона отношений, существующих у данного предмета мысли, находит себе выражение в тех отношениях, которые существуют внутри самого слова» [61, 420—421].

Таким образом, те слова, значение которых как бы заложено в них самих, и есть слова с производной основой. Слова же, значение которых с точки зрения данной системы языка представляется как бы сложным из значений частей этих слов, относятся к образованиям с производной основой. Производная и производная основы в этом отношении четко противопоставляются друг другу.

Слова с производной основой характеризуются со стороны семантической немотивированностью обозначением фактов действительности и нечленимостью основы на морфемы, тогда как словам с производной основой свойственна мотивированность обозначения предметов действительности, выражающаяся в отношениях между значимыми частями основы, членимость основы на морфемы. Но членимость производной основы всегда и необходимо зависит от соответствующей ее образующей производной основы, с которой она соотносится с семантико-грамматической точки зрения и, соотносясь, противостоит ей. «О производной основе можно говорить лишь тогда и лишь до тех пор, пока есть соотношенная с ней основа производная» [61, 425]. И как только почему-либо исчезает из языка соответствующая производная основа или теряет семантическую соотносительность с данной производной основой, последняя перестает члениваться на морфемы и переходит в разряд производных основ (см. более детальное рассмотрение этого вопроса: [71, 177]).

Методика словообразовательного анализа, установленная Г. О. Винокуром, в дальнейшем подверглась достаточно широкой научной апробации. Она нашла воплощение в исследовательской практике многих ученых, особенно в многочисленных работах по словообразованию Н. М. Шанского. Основные положения этой методики стали хрестоматийными. Не утратила она своей научной ценности и сейчас.

Выработанные Г. О. Винокуром, уточненные и детализированные другими исследователями приемы словообразовательного анализа представляют в совокупности, по сути дела, описательный (дескриптивный) подход к словообразовательным явлениям, имеющий дело с синтагматическим аспектом словообразования [223, 4].

Суть такого подхода, как мы видели, состоит в том, что исследователь в качестве исходного материала для анализа имеет дело с множеством производных имен, иначе говоря, «с нерасчлененным текстом». Поэтому задача исследователя состоит в выработке приемов и правил единообразного и экономного членения и описания как всего корпуса производных слов, так и каждого производного в отдельности, установления отношений между производящей и производной основами и т. д. [223, 3—4].

Синтагматическому подходу к явлениям словообразования в последнее время противопоставляется так называемый парадигматический подход. Суть его в том, что некое множество производных единиц — «нерасчлененный текст» признается уже расчлененным. Считается также, что установлены правила деления производных единиц на словообразовательные морфемы и выработаны приемы определения производных и непроизводных основ и т. д. Отсюда главная задача состоит только в том, чтобы установить свойства суффиксов, их способность сочетаться с тем или иным типом основ, выявить число и виды словообразовательных значений, формируемых теми или иными суффиксами. В связи с этим в центре внимания исследователя оказываются в первую очередь отношения суффиксов в системе данного языка, их способность к сцеплению с разными типами основ. Здесь «каждое свойство суффикса — будь то способность присоединяться к определенному типу основ или продуктивность — оценивается в рамках его противопоставленности другим суффиксам, т. е. в парадигматическом плане» [223, 4].

Как отмечает О. Г. Ревзина, парадигматический подход в отличие от синтагматического, базирующегося на тексте, «имеет дело со способом организации словообразовательных элементов непосредственно в тексте не данным. Отсюда необходимость построения гипотез при парадигматическом подходе, которые, конечно, также опираются на формальные показатели, но непосредственно из них не следуют» [223, 5].

Вопросы парадигматического подхода к изучению словообразовательных явлений затрагивались многими учеными. Они обсуждались в лингвистических изысканиях М. М. Покровского [209], в работах ряда польских языковедов [339], особенно в исследованиях Б. И. Дорошевского [349; 350; 351]. Нашли они достаточное освещение в трудах В. В. Виноградова [58], М. Докулина [347], Г. Марчанда [369] и др. Но систематизированное изложение применительно к большому фактическому материалу эта методика получила в монографии О. Г. Ревзиной [223]. Здесь сделана попытка провести исследование суффиксальной системы славянских существительных в парадигматическом плане как в синхронном, так и в диахронном отношении.

Как мы видели выше, отношения словообразовательной производности предполагают наличие двойкой зависимости — структурной и семантической — между производной и производящей основой. Отсутствие же структурной связи между этими однокорневыми образованиями или нарушение семантической зависимости производной основы от производящей исключает отнесение данного образования к числу производных слов. Но, как было установлено некоторыми исследователями [393; 173; 175; 174; 102; 80], конкретное направление структурной зависимости и зависимости смысловой между производной и производящей основами может не совпадать. Так, например, производные основы в словах *партийность*, *гордость*, *вежливость* сложнее по структуре, чем их производящие основы *партийн-ый*, *горд-ый*, *вежлив-ый*. А по смыслу пары слов *партийный* — *партийность*, *гордый* — *гордость*, *вежливый* — *вежливость*, относясь к разным частям речи, имеют равную сложность «признак — отвлеченный признак по прилагательному». И наоборот, производные основы слов типа *агитатор*, *яровизатор* и соотносительные с ними производящие основы *агитир-ова(ть)*, *яровизирова(ть)* имеют равную по сложности словообразователь-

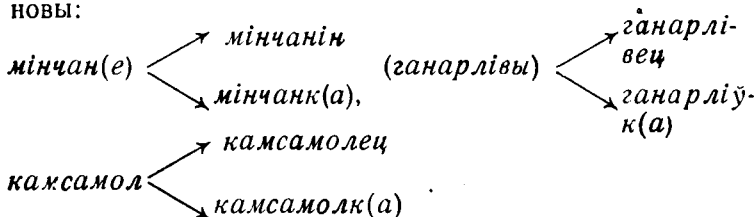
ную структуру, но неодинаковую по сложности смысловую соотношенность. Производные основы здесь семантически сложнее, нежели производящие основы. Сравни: *агитир-ова(ть)*, *яровизир-ова(ть)* — «производить агитацию, яровизацию» и *агитатор*, *яровизатор* — «лицо, которое агитирует кого-то; яровизирует семена».

И. А. Мельчуком были выявлены все возможные формальные (структурные) и смысловые расхождения между производной и производящей основой и установлены в свете этого возможные типы соотношений указанных основ [175]. В соответствии с этим предлагается и несколько иная методика словообразовательного анализа, предполагающая учет большей/меньшей сложности производных и производящих основ по форме (структуре) и по смыслу [173; 174; 198; 374].

Указанная методика нашла свое применение в описании словообразовательной системы современного русского литературного языка [80]. Применена она некоторыми исследователями и при изучении словообразовательных процессов, связанных с формированием отдельных лексических пластов [103]. Например, применяемая к изучению словообразовательной соотносительности однокоренных мужских и женских личных образований эта методика дает возможность выявить следующие типы структурно-смысловых отношений между основами указанных номинаций: а) основы женских личных образований при равной смысловой сложности с основами мужских личных номинаций являются более сложными по структуре (*масквічк(а)* — *масквіч*, *славачк(а)* — *словак*, *грузінк(а)* — *грузін*, *паляшучк(а)* — *паляшук* (жительница, житель Полесья); б) основы женских и мужских личных номинаций имеют одинаковую семантическую и структурную сложность (*мінчанк(а)* — *мінчанін*, *аршанк(а)* — *аршанец*, *ганарлійк(а)* — *ганарлівец*, *камсамолк(а)* — *камсамалец*, *ашуканк(а)* — *ашуканец*); в) основы существительных со значением лица женского пола сложнее по смыслу и структуре, нежели основы соотносительных мужских личных образований (*выхавацельк(а)* — *выхавацель*, *доктарк(а)* — *доктар*, *майстрых(а)* (*Ніна Ананіч і Марыя Палішчук — лепшыя майстрыхі прадзільнага цэха Мінскага тонкасуконнага камбіната, «Звязда», 30.IV.72*) — *майстар*, *льнаводк(а)* — *льнавод*, *касірк(а)* — *касір*, *мастачк(а)* — *мастак*); г) основы женских и мужских личных номинаций при их равной структурной слож-

ности различаются семантически: основы женских личных образований сложнее по смыслу (*упакоўшчыц(а)*—*упакоўшчык*, *летчыц(а)*—*летчык*, *чыгуначніц(а)*—*чыгуначнік*, *штампоўшчыц(а)*—*штампоўшчык*).

В соответствии с анализом отношений между однокоренными основами в духе означенной методики «производной является та, которая в формальном и/или смысловом отношении сложнее» [103, 8]. Таким образом, отношения производности для женских личных образований устанавливаются в группах *а*, *в*, *г*, тогда как в группе *б* между однокоренными основами женских и мужских номинаций выявляется равная структурно-смысловая сложность. Это дает основание некоторым лингвистам [175, 435] толковать отношения такого рода, как кодеривацию, т. е. считать однокоренные женские и мужские личные образования производными от общей производящей основы:



и т. д. (Правда, правомерность такого толкования Е. А. Земской оспаривается [103].)

Надо сказать, отдельные дериватологи, например Р. И. Лихтман [158], не соглашаются с таким подходом и интерпретацией словообразовательных процессов. Признавая понятие производности одним из основных понятий теории словообразования, Р. И. Лихтман решительно возражает против установления двух видов производности: по смыслу (семантической) и структуре (формальной), считая это совершенно неоправданным.

По мнению этого ученого, подход к определению производности слова должен быть единым. Нельзя, на взгляд Р. И. Лихтман, при определении производности руководствоваться в одном случае учетом большей/меньшей семантической сложности, в другом — признавать только большую/меньшую структурную сложность, как это делается, например, в Грамматике современного русского литературного языка [80].

Единственно обязательной сложностью в слове, говорящей о его производности, по мнению Р. И. Лихтман,

должна признаваться сложность семантическая как перво-степенный и основной признак определения производности данного слова по отношению к производящему. «Производность — одна. И если слово производно «по смыслу», значит оно вообще производно, то есть производно и «формально» [158, 138] независимо от того, будет ли оно по своей структуре сложнее производящего (*читатель, писатель* сложнее, чем *читать, писать*) или его структура останется по сложности такой же, как и у производящего (*сушь, глушь* от *сухой, глухой*), или она будет даже проще структуры производящего (*высь, даль* от *высокий, далекий*). «Иными словами, для производного слова обязательна лишь большая семантическая сложность по сравнению с производящим, но не формальная» [158, 138].

Такой подход к анализу словообразовательных отношений между производным и производящим, возможно, облегчил бы решение ряда спорных вопросов дериватологии (например, выяснение хотя бы того, являются ли женские личные номинации производными от соответствующих мужских или образование тех и других идет параллельно), если бы тут исследователя не подстерегали трудности, связанные с определением «смысла» слов. Это, видимо, понимает и Р. И. Лихтман, когда говорит: «Само собой разумеется, что для определения того, является ли слово производным в данной паре соотносительных слов или производящим (а может быть, не тем и не другим), нужен очень точный и тонкий анализ семантики слов, точные и объективные толкования их значений» [158, 136].

Несколько иной подход к изучению словообразовательных процессов предложил в свое время Г. С. Зенков [106]. Признавая порочным ныне существующее положение, когда «словообразовательные явления, вопреки их природе, насильственно втискиваются в рамки сугубо грамматических категорий — частей речи» [106, 23], т. е. когда отдельно рассматривается словообразование существительных, прилагательных, глаголов и т. д., Г. С. Зенков считает, что словообразовательные процессы должны изучаться на фоне целостности словообразовательных явлений. Это значит, что изучение словообразовательных явлений должно носить системный характер.

Системный подход в данном случае заключается в том, что в пределах одного и того же способа словообра-

зования (суффиксального, префиксального, суффиксально-префиксального) производные слова разной значимости, но мотивированные основами одной определенной части речи, должны рассматриваться одновременно, все вместе, независимо от их принадлежности к разным частям речи. В связи с этим, например, слова в цепочке типа *носильщик — носильный — ношение, паяльщик — паяльный — паяние, дымовой — дымить — дымный, бетонщик — бетонный — бетонировать*, не будучи друг с другом в отношениях производности, должны рассматриваться не порознь, а вместе, поскольку они связаны соответственно с общей производящей основой, представленной в словах *носить, паять, дым, бетон*, т. е. находятся в отношениях противопоставления по линии производящих основ, являющихся в одном случае глагольными, а в другом — субстантивными [106, 22, 113].

Иными словами говоря, в основу словообразовательной классификации, согласно Г. С. Зенкову, должен быть положен критерий общности исходных производящих основ в рамках единого способа словообразования (суффиксального, префиксального, суффиксально-префиксального и т. д.). Это обусловило бы в пределах словообразовательной системы того или иного языка появление ряда микросистем, например, отглагольной суффиксальной, отсубстантивной суффиксальной, отатрибутивной суффиксальной или отглагольной префиксальной, отглагольной суффиксально-префиксальной микросистем и т. д. Каждая из этих микросистем должна включать в себя производные различных частей речи. Например, отглагольная суффиксальная микросистема будет охватывать не только имена существительные различной значимости, но и отглагольные прилагательные, причастия и т. д. Отсубстантивная суффиксальная микросистема будет включать в себя, например, как отсубстантивные глаголы, прилагательные, так и существительные, т. е. все производные, восходящие к субстантивным производящим основам [106, 24].

В соответствии с изложенной концепцией Г. С. Зенковым разработаны оригинальные принципы организации словообразовательных элементов в систему (членение словообразовательной структуры языка на подструктуры, а подструктур на микросистемы; типология парадигматических отношений (внутрипарадигматических и межпарадигматических) [106, 104—157].

Надо сказать, что приемы изучения словообразовательной структуры, предложенные Г. С. Зенковым, представляют не только теоретический интерес. Многие моменты его словообразовательной методики могут быть учтены и использованы в практических целях, например, при составлении гнездовых словообразовательных словарей, необходимость в которых особенно заметно стала ощущаться в последнее время [284, 11—13].

Как известно, основными единицами таких словарей являются целые семьи слов, так называемые словообразовательные гнезда. (Единого определения словообразовательного гнезда не существует [284, 25—31].)

Размещение слов в пределах словообразовательного гнезда должно отражать словообразовательные связи и отношения входящих в них слов, что связано с разработкой особых приемов словообразовательного анализа, предполагающего учет всей совокупности «структурно-семантических отношений производящих и производных основ (слов) не только звена, непосредственно участвовавшего в образовании этого слова, но и всех остальных звеньев, предшествовавших ему» [284, 21]. Такая методика успешно разрабатывается сейчас А. Н. Тихоновым [284].

Но если А. Н. Тихонов стремится выработать приемы и подходы к изучению словообразовательных явлений, ориентируясь преимущественно на инвентаризацию словообразовательных гнезд, имеющих, например, в современном русском языке, поиски смысловых связей слов, группирующихся в гнезда, семантические границы гнезда и т. д., то целью исследований других ученых является исчерпывающее описание словообразовательных гнезд в области их моделирования.

Эти ученые исходят при рассмотрении словообразовательных процессов из понятия аппликативной модели порождающей грамматики, которая представляет собой некое логическое устройство, необходимое для порождения абстрактного языка-эталона, называемого генотипическим языком [251; 321].

Исходными элементами в генотипическом языке служат абстрактные корни, символически обозначаемые через O , и абстрактные аффиксы, называемые реляторами, которые обозначаются символами: для глаголов R_1 , существительных R_2 , прилагательных R_3 , наречий R_4 и R_5 . Путем присоединения (аппликации) этих реляторов к аб-

страктному корню порождаются абстрактные слова разной степени производности. Например, слова, входящие в словообразовательное гнездо с исходным словом *бинт*, выглядят в символах генотипического языка так: *бинт* — R_2O , *бинтик* — R_2R_2O , *бинтовать* — R_1R_2O , *забинтовать* — $R_1R_1R_2O$, *забинтоваться* — $R_1R_1R_1R_2O$, *забинтованный* — $R_3R_1R_1R_2O$ и т. д.

Из абстрактных слов образуются абстрактные фразы разной степени сложности. Абстрактные фразы комбинируются в системы, называемые фразовыми трансформационными полями.

Такой подход к описанию словообразовательных гнезд не только выявляет то, что есть в языке, но и дает возможность обнаружить то, что должно быть в нем, т. е. увидеть словообразовательные потенции языка, которые, может быть, в языке пока не реализуются лишь только потому, что противоречат установившейся языковой практике говорящих. Например, так называемые окказиональные образования того или иного языка, вероятно, и есть не что иное, как своеобразная реализация словообразовательных потенций данного языка.

В нашей статье рассмотрены лишь некоторые приемы и подходы к изучению словообразовательной структуры слова. Выбор того или иного приема зависит от целей и задач исследования, а действенность его устанавливается в ходе научно-исследовательской практики.

СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ

А. Е. Супрун

Сравнение лексических систем двух или большего числа языков может производиться в различных планах. Одним из таких планов является исторический, в ходе которого устанавливаются те или иные закономерности в историческом развитии лексических групп или отдельных слов (см., например, [290; 291; 292; 168; 288]). Другой возможный план — установление отношений между лексическими системами без обязательности диахронической перспективы, с целью выявления типологического сходства или различия лексических систем, которое может получить практическое применение в преподавании языков, но важно и с точки зрения выявления различных

способов отражения действительности в фактах языка, выявления черт близости в таком отражении и установлении особенностей языкового членения мира. По сути дела, подобного рода работы лежат в основе каждого двуязычного словаря [32; 332], что, однако, не освобождает лингвистов от необходимости более систематического сопоставительного анализа лексики [69]. Особый интерес представляет в этом плане сопоставительная типология лексики родственных языков, где близость плана выражения позволяет выявить некоторые дополнительные особенности собственно лексического характера.

Наиболее важно при этом, конечно, сравнение семантических подсистем различного объема в анализируемых языках. Для такого сравнения были предложены оригинальные приемы Н. И. Толстым [286, 287], которого интересовали не столько общетипологические, сколько исторические и ареальные аспекты этой проблемы. После этих работ Н. И. Толстого стала ясной плодотворность и для сопоставительного анализа лексики того системного подхода, который выработался в ходе развития лексического анализа в рамках одного языка. Но вместе с тем, если мы хотим предпринять сплошной сопоставительный анализ лексики, а не только анализ отдельных подсистем (микросистем, семантических групп и т. д.), важно также выявить типовые характеристики взаимоотношений между отдельными словами. Ведь анализ семантических групп в той или иной мере должен строиться с учетом сравнения отдельных элементов этих групп.

Рассмотрим на примере русского и белорусского языков некоторые начальные этапы в сопоставлении отдельных слов, предполагая при этом, что вслед за такого рода первичными сопоставлениями обязательно последуют другие сопоставления, основанные на применении компонентных, дистрибутивных, психолингвистических и иных методик семантического анализа лексики. Принимая терминологию первого раздела данной книги, будем считать семантическими соответствиями пары слов сопоставляемых языков, обладающие общей или же в значительной мере сходной семемой. Будем считать формальными соответствиями пары слов, обладающие общей или в достаточной мере сходной лексемой. Те пары, которые одновременно характеризуются общностью (сходством) семем и лексем, назовем лексическими соответствиями; при полной общности, (при наличии регулярных фонети-

ческих или графических соответствий) будем говорить о точном соответствии, а при сходстве семем и лексем будем говорить о приблизительном соответствии слов (лексем, семем). Основой для установления формальных соответствий является система графических соответствий. Примерами таких соответствий можно считать: бел. *б*, *г* соответствует русск. *б*, *г*; бел. *а* соответствует русск. *а*, после *р* также *я*, в безударной позиции также *о*, а в безударной позиции после *ж*, *ч*, *ш*, *р*, *ц* также *е*; русск. *в* соответствует бел. *в*, после гласных не перед гласным—бел. *ў*. Наряду с графическими надо учитывать и морфологические соответствия, например, соответствие русск. окончания прилагательных *-ый*, *-ой*, *-ий* белорусск. окончаниям *-ы*, *-і*. Нерегулярные соответствия целесообразно рассматривать в словарном порядке.

Принятие указанных соображений позволяет выделить следующие типы соответствий: точное лексическое соответствие; приблизительные лексические соответствия: неточное формально, неточное семантически, неточное формально и семантически; точное семантическое соответствие; приблизительное семантическое соответствие; точное формальное соответствие; приблизительное формальное соответствие; отсутствие лексического (однословного) соответствия. Качественный анализ в сопоставительной семантике может в какой-то мере базироваться на установлении весьма общих семантических соотношений между языковыми единицами, например, такими, какие были предложены И. А. Мельчуком [175]: значение *a* включает значение *b* ($a \supset b$), значение *b* входит в значение *a* ($b \subset a$), значения *a* и *b* пересекаются ($a \cap b$); при этом имеется в виду, что пересечение или включение происходит по существенному компоненту значения (пересечение всех слов данной части речи по некоторому компоненту значения, видимо, имеет место, но едва ли такое пересечение содержит значительную информацию для лексикологического исследования). Слово может войти в несколько соответствий. Так, например, бел. *жыр* точно семантически соответствует русск. *кормежка* и точно формально соответствует русск. *жир* (которое приблизительно семантически соответствует бел. *тлушч*). Имеется ряд трудностей в решении вопроса о типе соответствий, связанных с наложением на семантические отношения различного рода прагматических явлений, в частности, связанных со стилистической или географиче-

ской дифференциацией слов. Так, бел. *жупіць* в чисто семантическом отношении довольно точно соответствует русск. *беседовать, разговаривать*, но оно имеет характер несколько сниженного диалектизма, что мешает отождествлению этих слов в семантическом отношении; бел. *жыгучы* и русск. *стрекательный* различаются в том смысле, что русское слово — довольно узкий термин, в то время как белорусское может использоваться шире. Сложны отношения бел. *жак* с русскими словами, обозначающими рыболовные снаряды *сак, мережа, вентерь, жак*, обладающими не только различным географическим распространением, но при этом еще и в зависимости от географического распространения варьирующими в сигматике (соотнесении с предметом действительности).

Случаи с отсутствием лексического (однословного) соответствия могут быть представлены такими, например, случаями, как бел. *жвірысты* «богатый гравием», *жабурынне* «лягушачья икра», *жадоба* «сильное желание», *жур* «жидкий овсяный кисель определенного приготовления», *жычка* «ленточка красного цвета».

Точные лексические соответствия представлены некоторым числом пар слов, тождественных полностью (*жабо, жакт, жанр, жнец, жук, жакет, жупан, жупел*), либо пар с наличием некоторых регулярных, легко поддающихся учету соответствий различных элементов, начиная от фонетики (ср. *жаргон, жвачка* с различными *г* и *ч*), от графики (*жалюзи — жалюзі* — различными *и — і*) и до более сложных формальных соответствий (*жаванне — жевание, жакей — жокей, жакерыя — жакерия, жрэц — жрец, жыўчык — живчик, жалезны — железный, жаць — жать 2* (но *жать 1 — ціснуць*) и т. п.).

Лексические соответствия с приблизительностью формального плана (и точным семантическим соответствием) представлены фактами, несколько различающимися по типу расхождений. Так, в ряде случаев речь идет об отсутствии в одном из языков какого-то звука, имеющегося в другом языке (ср. *жалезавугляродзісты — железозуглеродистый*); *жандар — жандарм; жылплошча — жилплощадь; жаўранак — жаворонок; жарон — жернов; жавала — жвало; журавель — журавль*). В некоторых соответствиях имеет место нерегулярная замена звуков или букв (*жмякнуць — шмякнуть, збан — жбан, джала — жало, жолуд — жёлудь, жытні — житный, жывародзячыя — живородящие*) или перестановка (*жайлак — жел-*

вак). Особо следует, вероятно, отметить случаи, когда речь идет о различной грамматической квалификации слов в русском и белорусском языках: *жырафа* — *жираф*, *жазла* — *жезл*, *жэрдзе* — *жерди*. Довольно часто различие имеется в словообразовательном оформлении. Так, отмечаются случаи отсутствия словообразовательной морфемы в одном из языков: *жыжка* — *жижа*, *жарэбная* — *жеребая*, *ждаць* — *ожидать*. В ряде случаев фиксируется использование различных образующих основ: *жончын* — *женин*, *жованка* — *жвачка*, *жаночасць* — *женственность*, *жаноцкасць* — *женственность*. В других случаях совпадают основы, но используются различные словообразовательные аффиксы: *жужаль* — *жужелица*, *жэтонавы* — *жетонный*, *жняя* — *жница*, *жэстыкуляваць* — *жестикулировать*, *жанглёрка* — *жонглёрша*, *жураўляня* — *журавлёнок*, *жавальны* — *жевательный*, *жарабок* — *жеребчик*. В значительной части случаев перечисленные виды различий совпадают: *жняярка* — *жнейка*, *жрэцтва* — *жречество*, *жыллёвы* — *жилищный*, *жыццёвы* — *жизненный*, *жоўкнуць* — *желтеть*.

Среди слов с двумя корневыми морфемами можно выделить такие пары соответствий, в которых совпадают обе корневые морфемы, но не совпадают словообразовательные элементы: *жыццёпіс* — *жизнеописание*, *жанчынаненавісніцікі* — *женоненавистнический*, *жыццесцвярд-жальны* — *жизнеутверждающий*, *жыватворны* — *животворящий*, *жоўцевыдзяленне* — *желчеотделение*. В ряде случаев различаются корневые элементы, в том числе первый: *жывёлападобны* — *скотоподобный*, *макухадрабілка* — *жмыходробилка*, *цвёрдакалоснік* — *жесткоколосница*, *гарачайстойлівы* — *жароустойчивый*. В других — различается второй корневой элемент: *жыразагад* — *жироприказ*, *жайтаскуры* — *желтокожий*, *жалезазмяшчальны* — *железосодержащий*, *жылападобны* — *жилообразный*, *жыццеразуменне* — *жизнепонимание*. Иногда двукорневому слову в одном из языков соответствует в другом однокорневое (причем корень его совпадает с одним из корней двукорневого): *жарнасек* — *жерновщик*, *жывасілам* — *насільна*.

Лексические соответствия с приблизительностью семантического плана представлены различными случаями соответствий объемов значения: бел. *жаба* несколько шире русск. *жаба*, поскольку соответствует и русск. *лягушка*, *жыёіца* ⊃ *живица*, *жаваць* ⊃ *жевать*, *жолаб* ⊃ *же-*

лоб, жыццё \supset *житье, жалосна* \supset *жалостно, жаласлівы* \supset *жалостливый, жылісты* \supset *жилистый, жылаваты* \supset *жиловатый*. В ряде случаев шире значение русского соответствия: *жывапісны* \subset *живописный* (белорусское слово касается только художественной техники, в то время как русское обладает и переносным значением, которому соответствует бел. *маляўнічы*), *жывадзёр* \subset *живодер* (переносное значение имеется в русском и не зафиксировано в белорусском), *жарыць* \subset *жарить* (основному значению русского слова соответствуют суммарно белорусские слова *смажыць, пячы, скварыць, прэжчы*; *жарыць* же используется лишь в переносном значении «делать что-либо с азартом»), *журнал* \subset *журнал* (русскому обозначению периодического издания соответствует бел. *часопіс*), *журнальны* \subset *журнальный*, *жар* \subset *жар* (белорусское слово обозначает лишь горящие уголья, но состояние больного обозначается словом *гарачка*). В случае *жывы* \cap *живой* имеет место пересечение значений (русскому слову *живой* соответствует в белорусском языке также *жвавы*, бел. *жывы* соответствует в русской грамматической терминологии также *одушевленный*).

Одна из групп лексических соответствий характеризуется приблизительностью как формального, так и семантического плана соответствий. Их можно характеризовать как с точки зрения различий в оформлении, так и с точки зрения различий семантического плана. В семантическом плане отмечаются случаи с большим объемом значения белорусского соответствия: *жыццё* \supset *жизнь, жаночы* \supset *женский, жаль* \supset *жалость/сожаление, жабін* \supset *жабий, жылаваты* \supset *жилистый, жывёльны* \supset *животный* и под. Отмечаются и обратные случаи, когда шире объем значения у русского соответствия: *жуда/жудасць* \subset *жуть, жойць* \subset *жёлчь, жэрабя* \subset *жеребий*. В отдельных случаях имеется пересечение значений русского и белорусского приблизительных соответствий: *жалко* \cap *жалосна, ажыўлена* \cap *живо, жывакоць* \cap *живокость*. Как классификация семантических расхождений повторяет в этом случае характеристику семантических расхождений при формальном соответствии, так и расхождения формальные могут быть охарактеризованы таким же способом, как и формальные различия при семантическом тождестве.

Значительное место в словарях белорусского и русского языков принадлежит семантическим соответствиям, не имеющим, однако, соответствия формального. Назо-

вем для примера несколько полных семантических соответствий: жалобны — траурный, шкада — жаль, жартам — шутя, жабнік — лягушатник, калматка — жабник, жмінда — скареда/сквалыга, жлукчаны — бученый, жвір — гравий, жах 2 — ужас, жах 3 — бах/бац, жыр — кормежка, скарга — жалоба, язмін — жасмін, ахвяра — жертва, страўнік — желудок, бляхар — жестящик, скуралупня — живодерня, камізэлька — жилет(ка), бужмель — жимолость, жэўжык — пострел, макуха — жмыхи. Но чаще встречаются приблизительные семантические соответствия. В них нередко белорусское слово обладает более широким объемом значения: жаба \supset лягушка, жабраваць \supset побираться/просить подаяние/попрошайничать, жадаць \supset желать/хотеть, жадліва \supset алчно, жаліцца \supset роптать, жаночы \supset дамский, жарт \supset шутка, жменя \supset горсть, жмурыцца \supset щуриться, жонка \supset супруга, жорсткі \supset шершавый, жывёла \supset скот, жывіца \supset заусеница, бляха \supset жесьць, гусці \supset жужжать. Есть и случаи с большим объемом значения русского слова: смага \subset жажда, скнара \subset жадина, прага \subset жажда, скаргавы \subset жалобный, спёка \subset жара, запал \subset жар, гарачка \subset жар, скуралуп \subset живодер, вадкі \subset жидкий, тлушч \subset жир, тлуста \subset жирно, часопіс \subset журнал, блякнуць \subset жухнуть. Но наиболее значительна среди таких соответствий группа соответствий с пересечением значений: злосць \cap жёлчь, жлукціць \cap хлестать, дараваць \cap жаловать, узнагароджваць \cap жаловать, скварыць \cap жарить, прэгы \cap жарить, пякучы \cap жгучий, маляваць \cap живописать, лёс \cap жребий, прэс \cap жом, жвавы \cap живой, жвавы \cap резвый, жаль \cap скорбь, пячы \cap жечь, буяць \cap жировать, тоўсты \cap жирный и под.

Чисто формальный характер имеют соответствия жыр — жир; жабнік — жабник; семантика этих слов совершенно различна в белорусском и русском языках в аспекте смысловом.

Сплошной просмотр материала на букву ж в белорусском и русском языках показывает, что на лексические соответствия (т. е. соответствия формальные и семантические) падает примерно половина образуемых пар. Из них половина — это точные лексические соответствия (т. е. тождества), составляющие, таким образом, около четверти просмотренного материала. Другая четверть — это приблизительные лексические соответствия с различиями в форме, семантике или том и другом. Половина материала — это семантические соответствия, из которых

лишь треть представлена точными соответствиями, в то время как остальные семантические соответствия приближительны. На отсутствие однословных соответствий падает, видимо, около 2% случаев. Незначительность выборки (всего около семисот соответствий) не позволяет распространить эти цифры на словарь в целом. Но и эти данные показывают исключительную важность сопоставительного изучения словаря, так как лишь не очень большая часть его представлена полными лексическими соответствиями. Вероятно, более половины словаря характеризуется теми или иными отличиями между словами даже в близкородственных языках. Почти половина семантических соответствий, включая соответствия лексические, имеет приближительный характер. Это заставляет внимательно подойти к разработке основ типологического сопоставления лексических систем языков. Такое сопоставление не может иметь простого списочного характера, где элементу *a* из множества слов языка *A* точно соответствует элемент *c* из множества слов языка *C*. Сопоставление необходимо должно включать содержательный анализ расхождений и схождений, который должен выявить сходство семантики как основу для сопоставления и показать различия, связанные со спецификой каждого из языков мира.

Содержательное сопоставление слов двух языков может осуществляться лишь на базе предварительного внешнего анализа, возможно такого, который описан в этом разделе. Но оно обязательно должно включить в себя кроме очерченных здесь формальных или количественно-семантических отношений также характеристику соотношения тех или иных элементов содержания сопоставляемых слов. Представляется, что такой содержательный анализ может базироваться только на идее системности лексики, так как только сопоставление систем или хотя бы их фрагментов дает возможность выявить особенно сти лексики языка в семантическом плане.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕКСИКИ

ИСТОРИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЛЕКСИКИ

В. В. Макаров

Тезис о системном характере лексики, почти не вызывающий ныне сомнений относительно синхронического плана, заслуживает внимания и с точки зрения диахрони-

лишь треть представлена точными соответствиями, в то время как остальные семантические соответствия приближительны. На отсутствие однословных соответствий падает, видимо, около 2% случаев. Незначительность выборки (всего около семисот соответствий) не позволяет распространить эти цифры на словарь в целом. Но и эти данные показывают исключительную важность сопоставительного изучения словаря, так как лишь не очень большая часть его представлена полными лексическими соответствиями. Вероятно, более половины словаря характеризуется теми или иными отличиями между словами даже в близкородственных языках. Почти половина семантических соответствий, включая соответствия лексические, имеет приблизительный характер. Это заставляет внимательно подойти к разработке основ типологического сопоставления лексических систем языков. Такое сопоставление не может иметь простого списочного характера, где элементу *a* из множества слов языка *A* точно соответствует элемент *c* из множества слов языка *C*. Сопоставление необходимо должно включать содержательный анализ расхождений и схождений, который должен выявить сходство семантики как основу для сопоставления и показать различия, связанные со спецификой каждого из языков мира.

Содержательное сопоставление слов двух языков может осуществляться лишь на базе предварительного внешнего анализа, возможно такого, который описан в этом разделе. Но оно обязательно должно включить в себя кроме очерченных здесь формальных или количественно-семантических отношений также характеристику соотношения тех или иных элементов содержания сопоставляемых слов. Представляется, что такой содержательный анализ может базироваться только на идее системности лексики, так как только сопоставление систем или хотя бы их фрагментов дает возможность выявить особенности лексики языка в семантическом плане.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕКСИКИ

ИСТОРИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЛЕКСИКИ

В. В. Макаров

Тезис о системном характере лексики, почти не вызывающий ныне сомнений относительно синхронического плана, заслуживает внимания и с точки зрения диахрони-

ческого движения словаря. В пользу такого подхода можно привести некоторые доводы.

Прежде всего необходимо со всей определенностью подчеркнуть мысль о неправомерности отождествления «синхронии» и «статики». Если синхроническое описание допускает такие понятия, как давление системы и ее стремление к равновесию, центральные и периферийные части системы, слабые («размытые») точки системы и т. д., то логическим следствием из этого является признание того, что система языка либо ее отдельные фрагменты, взятые в данный момент, являют собой не статическую, а динамическую картину.

Принимая во внимание то обстоятельство, что подобный динамизм имеет место в условиях системной организации, можно допустить, что его проявления носят не стихийный характер, а, напротив, показывают тенденцию к некоторой упорядоченности и осуществляются в определенных границах. Следующий гипотетический шаг приводит к предположению о том, что эта упорядоченность динамических импульсов должна быть связана с характером структурных связей, определяющих строение данной системы (или ее фрагментов). Можно допустить, следовательно, что, располагая сведениями о структуре отношений между элементами системы, мы не только получаем в наше распоряжение динамическую схему этой системы, но и ключ к пониманию возможных диахронических изменений внутри ее.

Сформулированная таким образом гипотеза может быть проверена на историческом материале какого-либо языка. Расширив объект исследования за счет ряда языков — близкого или отдаленного родства — и опираясь на принципы сопоставительного анализа, мы можем рассмотреть эту проблему в свете типологических задач. С этой точки зрения весьма удобными являются романские языки, исходная база которых — латынь — довольно хорошо известна.

В качестве иллюстрации возьмем одну из представительных групп словаря — глаголы, связанные с выражением разнообразных актов чувственного восприятия (зрения, слуха, осязания, вкуса и обоняния). Эта группа мыслится как лексико-семантическое объединение «полевого» типа («лексико-семантическое поле»), организованное на основе парадигматической зависимости между составляющими его компонентами [344, 8—9].

Взятое в элементарном выражении, лексико-семантическое поле может быть представлено в виде структуры одномерного масштаба. В этом случае поле позволяет выделить один организующий стержень, одну парадигматическую ось. Примером может служить лексико-семантическая группа, описанная Ф. П. Филиным (*город, поселок, село, деревня* и т. д. [301], или группа, рассмотренная Б. Потье (*canapé «канapé», fauteuil «кресло», chaise «стул», tabouret «табурет»* [378, 33—39].

Отдельные элементарные поля, находясь во взаимодействии, могут образовать более сложные парадигматические структуры. В этом случае имеет место не простое сложение лексических компонентов и признаков, присущих каждому элементарному полю в отдельности, а кристаллизация связей более высокого и отвлеченного порядка [344, 9]. Комплексный характер таких образований хорошо просматривается, например, в лексике, связанной с выражением отношений родства.

Исследования по системной организации словаря показали, что для лексико-семантических объединений полевого типа характерно наличие особого члена, семантическая структура которого достаточно полно отражает смысловые признаки всего поля (назовем его ведущим членом поля). В аксиоматике Б. Потье или Э. Косериу этому понятию соответствует термин архилексема (ср. слово-доминанту В. А. Звегинцева [100, 269]). Следует подчеркнуть, что ведущее слово, как иерархически возвышающийся член, может подчинять себе не только гипонимы одномерного плана, т. е. низшие члены элементарного поля. Многообразие и многоплановость структурных отношений в лексике объясняют тот факт, что функционально-семантическая сила ведущего члена нередко распространяется на целые комплексы лексико-семантических полей.

Исходя из очерченных выше предпосылок, латинское лексико-семантическое поле чувственных восприятий можно представить в виде довольно сложного комплекса, структура которого связана в первую очередь с противопоставлением субъектных и объектных признаков восприятия. Это значит, что в семантике изучаемых глаголов либо подчеркивается идея активности субъекта, осуществляющего восприятие, либо на первый план выступает представление об объекте, воздействующем на органы восприятия. Это фундаментальное свойство глаголов,

связанных с выражением перцепционных действий, отмечается рядом исследователей [377, 157; 208, 165]. В лексическом отношении оно характеризуется наличием корреляций типа «нюхать»—«пахнуть», «слушать»—«звучать» и т. д. В свою очередь организационное основание субъектной и объектной частей поля предполагает несколько дополнительных линий, усложняющих структуру поля.

Так, в субъектной части выделяется смысловой аспект применения субъектной чувствительной способности, раскрываемой благодаря противопоставлению признаков пассивности и активности восприятия (типа «видеть»—«смотреть»).

В объектной части поля важное место принадлежит аспекту обладания способностью воздействовать на органы восприятия («звучать», «пахнуть»). Кроме того, здесь выделяется еще один парадигматический ряд, стержнем которого является мысль о наделении объекта свойствами, способными воздействовать на органы чувств («делать видимым», т. е. «показывать»; «делать пахучим»).

Общую схему поля и его материальное воплощение можно представить следующим образом:

Субъектный план		Объектный план		
Зрение	videre „видеть“	aspicere „смотреть“	videri „быть видимым“	monstrare „делать видимым“
Обоняние	olfacere „обонять“	odorari „нюхать“	olere „пахнуть“	olfacere „делать пахучим“
Вкус	sapere „ощущать на вкус“	gustare „пробовать“	sapere „иметь вкус“	saporare „делать вкусным“
Слух	audire „слышать“	auscultare „слушать“	sonare „звучать“	
Осязание	tangere „осязать“	temptare „ощупывать“		

На схеме учитываются лишь основные моменты, связанные со строением поля и распределением по его площади материальных средств воплощения. Подробнее о структурном членении поля и о критериях идентификации

составляющих его лексико-семантических элементов см. в работе автора [165, 55—156].

Мы получили, таким образом, лексико-семантическое построение, в котором обнаруживаются два своеобразных измерения: по вертикали — на основе различий между видами восприятия [зрительного, слухового и т. д.] и по горизонтали — на основе различий в характере восприятия одного и того же вида.

Ведущим членом изучаемой лексической группы является глагол *sentire*. Это слово охватывает ее наиболее характерные признаки, как бы концентрируя в своей семантике те возможности, которые в расчлененном виде представлены в семантике *videre*, *audire* и т. д. Смысловые потенции *sentire* показывают высокую степень подобия со всем полем не только в плане общей ориентации, но и с точки зрения структурного профиля, т. е. способа организации семантики: в семантике ведущего члена прослеживается дифференциация элементов по признакам субъектного и объектного порядка (ср.: *odores sentire* «обонять запахи» и *herba cariem sentit* «трава пахнет гнилью»).

Обратимся теперь к анализу соответствующего романского материала. Оценивая структурный аспект романских словарных групп в их отношении друг к другу, во-первых, и к латинской исходной базе, во-вторых, следует подчеркнуть, что в этой оценке определяющую роль играют моменты сходства. Организационная сторона изучаемой лексики лишь в малой степени оказалась затронутой процессами дифференциации. Зато довольно резкие отличия обнаруживаются в способах их лексического воплощения. Именно в этой области центробежные силы развития привели к наиболее значительным результатам. Во всех романских языках лишь продолжатели трех глаголов (*videre* «видеть», *sonare* «звучать» и ведущее слово *sentire*) сохранили за собой исконное место в лексико-семантическом поле чувственных восприятий. Что же касается других участков поля, то их материальное воплощение оказалось глубоко преобразованным.

Подобные факты свидетельствуют, казалось бы, о хаотическом характере материальных преобразований поля в процессе его движения от языка-основы к языкам-преемникам. Но было бы неправильно видеть в этом отклонении лишь утрату исконных материальных элементов. Существенной представляется и другая сторона про-

блемы, связанная с изучением источников, откуда романские языки черпали средства для восполнения лексических потерь. Стоит перенести вопрос в эту плоскость и хотя бы бегло взглянуть на осуществленные романскими языками замены, как вместо хаотической картины из разрозненных и, казалось бы, случайных фактов возникает представление об известной упорядоченности происшедших перемен. Оказывается, наиболее важные изменения носили направленный характер и осуществлялись не хаотически, а в рамках достаточно четких тенденций. Приведем несколько примеров.

Ни в одном романском языке не сохранилось *olfasere* «обонять». Его место оказалось занятым глаголами, продолжающими разные лексические типы. Ср., например, тождественные в функционально-семантическом отношении слова: ит. *odogare*, исп. *oler*, порт. *cheirar* и фр. *sentir*. При очевидных материальных различиях между собой и в отношении латинского прототипа эти слова обладают вместе с тем одной общей для них особенностью. Все они генетически связаны с лексико-семантическим полем чувственных восприятий. Каждый из указанных языков по-своему решил проблему компенсации исчезнувшего *olfasere*, но во всех случаях восполнение пробела осуществлялось на основе внутренних возможностей того же поля, путем передвижения некоторых его членов с исторически первичной позиции на позицию глагола *olfasere*. Важно подчеркнуть, что эти компенсационные сдвиги как бы следовали тем линиям, которые определены структурной организацией поля. Действительно, ит. *odogare* восходит к лат. *odogari*. Сопоставляя латинский прототип, с одной стороны, и его продолжение в итальянском языке, с другой, мы обнаруживаем важное различие с точки зрения занимаемого ими положения в структуре поля восприятий. Если в семантике лат. *odogari* подчеркивается активный аспект восприятия («нюхать»), то в итальянском (добавим — и каталанском; см. *olagar*) за этим лексическим типом закреплено значение, связанное с пассивным восприятием («обонять»). Итальянский язык, следовательно, ответил на утрату исконного *olfasere* тем, что «передвинул» на его место лексический элемент, исторически принадлежащий другому участку поля. Любопытно, что этот процесс захватил и другой, объектный участок на той же горизонтальной линии поля: ит. *odogare* оказалось способным

взять на себя семантическую функцию не только *olfasere*, но и другого исчезнувшего в этом языке глагола — *olege*. Вот почему среди его смысловых возможностей обнаруживается и значение «пахнуть».

Сходный компенсационный акт, хотя и в ином материальном оформлении, наблюдается в семантике исп. *oler* (<лат. *olege*). У этого слова, при исконном значении «пахнуть», обнаруживаются исторически вторичные, неизвестные латинскому прототипу значения «обонять» и «нюхать». Но это расширение семантического потенциала слова не случайно. Оно объясняется необходимостью компенсировать не только *olfasere*, но и *odorari*, также утраченное, в отличие от итальянского и каталанского языков, в испанском ареале. И здесь, таким образом, мы снова имеем дело с восполнением лексических потерь за счет внутренних возможностей поля.

В португальском языке лексическое равновесие поля, нарушенное вследствие утраты *olfasere* и *odorari*, было восстановлено, в сущности, тем же способом, но в более сложных компенсационных условиях. Сложность эта вызвана тем, что в португальском языке не удержался и глагол *olege*. На помощь пришел глагол *fragrara*, регистрируемый в рамках латинского поля в качестве одного из дополнительных средств материального воплощения участка «пахнуть» («хорошо пахнуть»). Ср. также фр. *flaïger* «нюхать» (<*fragrara*).

Особый тип компенсационных сдвигов внутри поля связан со взаимодействием разных звеньев на одной и той же вертикальной линии. На этой основе, в конечном счете, можно объяснить тот факт, что, если во французском языке *tâter* (<*tastare*) используется как главное средство выражения участка «ощупывать», то в каталанском языке его материальное соответствие — *tastar* выполняет иную функцию — за ним закреплено значение «пробовать на вкус».

Можно отметить отчетливое смысловое движение от слуха к зрению, прослеживаемое у глагола *sonare* в некоторых диалектах итальянского языка. В. Мейер-Любке, например, указывает для него значение «светить» (миланский диалект) [370]. В некоторых диалектах тот же глагол демонстрирует еще одну возможность. «звучать» → «пахнуть» [389, 100]. Очевидно, что в этих случаях речь идет о таком преобразовании, которое, не выходя за рамки единого смыслового инварианта, опирается на суб-

ституцию одного частного смыслового признака другим. Сохраняя общую основу («обладать способностью воздействовать на органы чувств»), глаголы, продолжающие лат. *sonare*, могут отойти от своего исторического образца и, вместо слухового воздействия, переориентироваться на зрительное («светить») или обонятельное («пахнуть»).

На фоне компенсационной способности поля можно объяснить и тот факт, что во французском языке утрата *olfacere* «обонять», а также *olere* «пахнуть» была восполнена за счет ведущего члена поля. Необходимо учитывать то, что его назначение состоит не только в том, чтобы служить неким выразителем обобщенных свойств поля. Есть основание полагать, что ведущий член участвует в распределении функционально-семантической нагрузки поля вместе с гипонимами, но, будучи семантически более емким и функционально более мощным, чем любой другой член в отдельности, он ориентируется прежде всего на функции «контроля». Это значит, что ведущий член может осуществлять регулирующее действие, если на каком-либо участке гипонимы в силу тех или иных причин не в состоянии удовлетворить потребность поля. Именно это произошло во французском языке на тех участках поля, которые в условиях латыни были представлены глаголами *olfacere* и *olere*. Сходную роль играет итальянский глагол *sentire*. В этом языке компенсационная функция ведущего члена проявилась на участке «слышать» в связи с функциональным ослаблением *udire* (<*audire*).

Рассмотренный выше тезис о компенсационной способности лексико-семантического поля чувственных восприятий получает подтверждение, как нам кажется, на фактах других языков, например, славянских. Примечательно, что и в этом материале формы и направления компенсационных сдвигов принципиально соответствуют тем условиям, которые наблюдались в романской лексике. К такому заключению побуждают, в частности, наблюдения В. Махека [367]. Можно констатировать, что эти явления осуществляются нередко при аналогичных «участниках», по одной и той же схеме и приходят в силу этого к тождественным или близким результатам. Так, например, в некоторых ареалах глагол *voňati* (нормально „*émettre une agréable odeur*“) используется в значении «обонять», („*sentir par l'odorat*“) [367, 30—31]. Нетрудно заметить, что в данном случае функционально-семантическое движение славянского глагола словно повторяет путь, прой-

денный португальским продолжателем лат. *fragrare* («хорошо пахнуть» → «обонять», «нюхать»).

Привлекает к себе внимание и типологическое сходство, обнаруживаемое в характере смыслового соотношения между отдельными элементами поля на его вертикальных линиях. Так, *matati*, связываемое в чешском и словацком языках с глаголами осязания (*tâter*; *tâtonner*) [367, 32], в русском языке находит отражение в глаголе зрительного восприятия — *смотреть* [367, 32] (ср. диалектное *мотреть*) [299, 692]. Хотя в романских языках подобное взаимодействие, как показано выше, проходило в несколько иной форме («осязание» ← → «вкус»), в типологическом плане эти разноязычные явления имеют много общего. Очевидно, что в обоих случаях мы имеем дело с результатами процесса, границы и возможные направления которого в некотором роде были очерчены структурой данной лексико-семантической группы.

Еще один пример. В. Махек отмечает, что в некоторых славянских ареалах глагол *slyšati* может использоваться со значением «обонять» [367, 31]. См. также русск. *слышать* [244, 1307]. Романские языки не дают прямого соответствия этому факту, но в структурном отношении его можно сопоставить с семантическим движением «звучать» → «пахнуть», которое мы наблюдали у глагола *sonage*. Здесь, очевидно, мы имеем дело с единым компенсационным актом, направление которого ограничено субъектными признаками в славянских языках и объектными — в романских.

Любопытную параллель мы обнаруживаем и в отношении динамических возможностей ведущего члена. Если с исторической точки зрения для славянских языков таковым признать *čiti* [367, 30], то в современной лексике можно обнаружить следы его участия в компенсационных процессах изучаемого поля. Так, в восточных и южных ареалах продолжатели этого глагола нередко выступают в качестве основного средства лексического воплощения значения «слышать»: ср., например, сербскохорв. *čiti* [342, 1035], укр. *чути* [295]. Несколько иначе сложилась судьба того же глагола в чешском языке, где его семантическая специализация оказалась связанной с обонятельным восприятием. См. цитированный словарь Бакка, где чешск. *čiti* функционально-семантически отождествляется с лат. *olfacere*, *odorari*; фр. *sentir*, *flairer*; исп. *oler*, русск. *нюхать* и т. д. [342, 1022].

Легко заметить, что эти особенности славянского глагола показывают принципиальное сходство с тем, как в ходе исторического развития романского словаря семантическая структура *sentire* реагировала на компенсационные потребности поля чувственных восприятий.

Итак, анализ показал, что романская лексика испытала значительные преобразования в своем движении от латыни до современного состояния. В то же время мы видели, что дифференциация этой лексики носила не случайный, а в известном смысле регулярный характер. Результаты тождественных либо сходных процессов наблюдаются также в соответствующем славянском и, можно добавить, германском словарном материале. Важно подчеркнуть, что условия, рамки и направления изученных диахронических сдвигов находятся в очевидной зависимости от характера структурной организации данной лексической подсистемы. В настоящей работе соотносительность структурных основ и диахронических изменений в словаре рассматривалась и з н у т р и лексико-семантической группы. Этот вопрос, однако, может быть поставлен в более широком плане при учете и ее внешних организационных условий. Тот факт, что данная группа не изолирована от общей системы лексики, а, наоборот, связана с ней определенными структурными отношениями, объясняет возможность компенсационных процессов, охватывающих несколько соседних лексико-семантических сфер. Подробнее об этом см. в публикации автора [165].

Все это позволяет заключить, что изучение закономерностей исторического движения лексики разных языков представляет собой актуальную задачу типологического языкознания.

К РЕКОНСТРУКЦИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ПОДСИСТЕМЫ

Н. В. Ивашина

Реконструкция праславянской лексики — одна из важнейших задач сравнительной лексикологии славянских языков. Этимологические исследования в этом направлении предполагают восстановление утраченных фонетических, словообразовательных и семантических связей с праславянскими этимонами. Правила фонологических, морфологических и семантических соответствий О. Семе-

ренъи называл в числе основных принципов индоевропейской этимологической науки [237].

Традиционная лексикология занималась, как правило, описанием отдельных слов вне их лексического окружения. В этом же русле проводился и этимологический анализ. Атомарное изучение слов без учета сложных связей и отношений между ними было следствием господствовавшего мнения о несистемном характере лексики. С уточнением понятия языковой системы и признанием системности словаря все чаще объектом исследований в синхронии и в диахронии становятся группировки лексем. Изолированное изучение отдельных слов уступает место анализу лексических подсистем.

Многие лингвисты обращаются к исследованию тематических групп. Так, например, ряд работ О. Н. Трубачева посвящен групповой реконструкции некоторых славянских терминологий [290, 291, 292]. Дискуссионным остается вопрос о соотношении лексико-семантических и тематических групп. Часто бывает довольно трудно отграничить семантическую группу от тематической, как трудно провести границу между интенционалом и экстенционалом слова, между собственно словом и понятием, которое оно выражает. Группировка по теме есть классификация отчасти логическая, отчасти культурно-историческая, следовательно, не отражающая собственно-языковой структуры. Лексическая же система развивается не по законам логики, а подчиняется специфическим языковым закономерностям. Разумеется, экстралингвистические факторы — этнические, культурные, экономические — также играют определенную роль при формировании лексических групп.

Поскольку отношения и связи внутри словаря имеют системный характер, изучение семантики не может обойтись без исследования группировок слов. Правда, в лингвистической литературе не существует единой трактовки не только таких понятий, как лексико-семантическая группа и семантическая микросистема, но и таких основополагающих, как система и структура. Трудности связаны и с терминологическими различиями. Ф. П. Филин, например, видит в лексико-семантической группе «объединение с однородными сопоставимыми значениями» [301, 537]. Пользуясь компонентным методом, В. В. Мартынов определяет семантическую микросистему как «элементарную семантическую подсистему, состоящую из

одной немаркированной и минимум одной маркированной лексем» [168, 12]. Но существуют и иные подходы к дефиниции семантических групп и микросистем. Лексико-семантические группы, взаимодействуя и пересекаясь, объединяются в более обширные семантические микросистемы. Семантическую группу можно представить как ряд, находящийся в одной плоскости, в то время как микросистема лежит в нескольких плоскостях и занимает многомерное лексическое пространство.

Анализ структуры микросистемы, изучение отношений между словами и группировками слов вовсе не означает, что остаются без внимания отдельные слова, так как только на основе их рассмотрения можно верно понять системные отношения, сложившиеся между словами и лексическими группами. С другой стороны, без исследования процессов, происходящих в микросистеме, невозможно и тщательное изучение отдельных слов, решение этимологических проблем. Слово не существует изолированно, вне лексического окружения; оно занимает определенное место в системе как ее компонент. Это определенное положение слова в лексическом пространстве, и его функция — причина определенного окружения и в то же время следствие его. Иными словами, система реагирует на поведение слова, а слово в свою очередь подчиняется законам, которые диктует ему лексическая структура.

Групповая реконструкция дает возможность лучше понять современную структуру лексической подсистемы, закономерности ее становления, характер связей и отношений между компонентами микросистемы, механизм их действия. Кроме того, реконструкция целой подсистемы гарантирует и большую надежность результатов при этимологизации отдельных слов. Эта зависимость слишком очевидна. Коль скоро лексика имеет системный характер, изменение значения одного слова неизбежно влечет некоторый семантический сдвиг в близких лексемах, образующих единый семантический ряд. История микросистемы от ее возникновения до конечного состава и состояния на синхронном срезе позволяет определить, как лексическая подсистема пришла именно к данной структуре, по какому принципу происходил качественный и количественный отбор лексики, какие процессы привели к данному значению и положению слова в микросистеме, к взаимосвязям и отношениям между компонентами системы.

В лингвистической литературе предпринимались попытки исследования слов с временным значением в славянских языках. К темпоральным лексемам обращались И. Зубатый, М. М. Покровский, А. Ветухов, в последнее время Г. Якобссон. Результаты этимологических изысканий многих ученых отражены в словаре М. Фасмера [299]. Интерес к временным словам естествен. История этих лексем — это в то же время история человеческого мышления и миропонимания. Система обозначений времени в современных славянских языках — результат абстрагирующей и классифицирующей деятельности человеческого сознания. Полторы-две тысячи лет назад человеку не было свойственно теперешнее концептуальное мышление, предполагающее развитую способность отвлечения и обобщения.

Реконструкция слов, выражающих абстрактные понятия, имеет свои специфические особенности и свои трудности. Дело прежде всего в том, что связь такого рода лексем с элементами действительности в значительной степени ослаблена. Поэтому этимологизация слов с абстрактным значением направлена к той конкретной основе, от которой это понятие образовалось. В поисках первоначальной конкретной семы для обозначения понятия «время» в славянских языках Г. Якобссон выходит за пределы одной группы языков, расширяет исследование, обращаясь ко всем индоевропейским языкам, приводит общую схему происхождения и развития этого понятия, тем самым решая вопрос в универсальном плане [336]. Такая постановка вопроса наиболее продуктивна: широкие семантические параллели, привлечение данных этнографии, сведений примитивных культур. Трудности возникают в связи с тем, что речь идет о понятии как общечеловеческой категории, а анализировать приходится значения слов — категории различных языков.

В микросистеме обозначений времени (как, впрочем, и во всей лексике) отразился уровень человеческого знания о мире, поэтому естественно, что структура микросистемы в праславянскую эпоху существенно отличалась от современной. Микросистема времени сложилась на основе конкретных наблюдений над природными явлениями, на основе опыта повседневной жизни. Более доступной языческому мышлению была, видимо, не вереница последовательных изменений, а регулярность повторения одних и тех же явлений. Так, древний славянин наблюдал

смену времен года, дня и ночи, т. е. наиболее очевидные циклические изменения времени. Поэтому основой микро-системы в праславянском языке были две замкнутые семантические группы: 1) названия времен года и 2) названия частей суток.

Как видно на схеме, **dьнь* и **lěto*, **noctь* и **zima*, **jutro* и **vesna*, **vecerь*, **jesenь* оказываются на одном полюсе. Отсюда становится понятной древняя фольклорная традиция отождествления зимы с ночью, весны с утром и т. д. В чешской мифологии, например, Марана — богиня смерти, зимы и ночи.

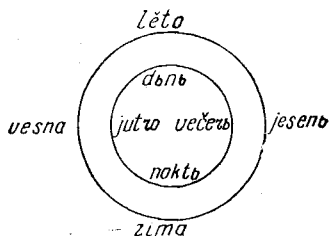
Праславянский год делился на две половины: теплое время (весна и лето) и холодное (осень и зима). Весна и осень были нечеткими, переходными понятиями у древних славян. Поскольку ясного понятия года еще не сформировалось, его качественным показателем был сезон. Чаще всего вместо «годов» считали летние периоды.

Слово «сутки» отсутствует в древнейших памятниках славянской письменности. Видимо, сама идея суток появилась позже. **Дьнь* первоначально означал только светлую часть суток.

Древние славяне делили день в зависимости от движения солнца на **jutro*, **poľdнь* и **vecerь*. В ночи отмечалась лишь **poľnoctь*.

Современные славянские названия дней недели появились сравнительно поздно. Слова эти прожили немногим более тысячи лет. Возникновение их связано с распространением христианства на славянских землях. Особенно интересна в этом отношении история слов *суббота*, *неделя* и *вторник*.

В состоянии становления находилась в праславянский период и семантическая группа названий месяцев. Древний человек не связывал с названиями месяцев строго определенных границ. Одно имя могло служить названием для нескольких соседних месяцев. Мы не знаем точное количество дохристианских месяцев, колеблется их размещение в году. Основным было понятие не месяцев, а сезонов, деливших год на части. В сущности, и месяцы



были как бы малыми временами года, правда, связанными с лунным счетом времени. Древние славяне пытались соотнести месяцы с порами года, но определенной замкнутой семантической парадигмы названий месяцев в праславянском языке еще не было.

Стержень современной микросистемы времени — семантическая группа разных по продолжительности отрезков времени находилась в зачаточном состоянии в праславянскую эпоху. Слова **днь* и **lęto* выделились из семантических групп частей суток и времен года как обобщающие значения слов этих групп. К ним примкнули слова **męgъ* и **mesęсь*, образуя группу разных по продолжительности промежутков времени. Причем временное значение лексем **męgъ* и **mesęсь* не было исконным. Сема времени в славянском **męgъ* развилась на основе первичной «моргать, закрывать глаза» и изначально носила отпечаток явно короткого промежутка времени. **Mesęсь* получил имя от небесного светила, которое за это время совершает цикл от новолуния до новолуния.

Слова **днь* и **lęto* располагались одновременно в двух плоскостях лексического пространства. Так, слово **днь* входило не только в лексико-семантическую группу частей суток, но, выражая обобщающее значение слов этой парадигмы, было членом семантической группы разных по продолжительности промежутков времени. Аналогично этому **lęto* выделилось из группы времен года как слово с общим значением и вошло в лексико-семантическую парадигму обозначений разных по продолжительности отрезков времени.

Между словами **днь* и **lęto* и лексическими группами частей суток и времен года установились родо-видовые отношения. Видимо, к концу праславянского периода и названия месяцев выступали как частные, видовые понятия по отношению к слову **mesęсь*.

Группа разных по продолжительности промежутков времени оказалась связующим звеном между семантическими группами частей суток и времен года (через слова **днь* и **lęto*), но, поскольку само понятие продолжительности только начинало складываться, эта лексико-се-

мантическая парадигма сможет быть стержнем микро-системы обозначений времени лишь позже. Ритмичность повторения одних и тех же явлений, смена временных отрезков была более очевидна для древнего человека.

Значение слов *гокъ и *векъ не было чисто темпоральным в праславянском языке. *Рокъ, видимо, сначала означал соглашение о сроке, а затем и сам срок. Основ-

ной семой слова *векъ в праславянскую эпоху была «жизнь». Путь семантического развития славянского *векъ от «жизни» к временным значениям прошел, скорее всего, через стадию «продолжительность жизни человека, возраст», так как человеческая жизнь имеет определенные временные границы.

Слова *časъ, *godъ, *doba, *pora, *verme обозначали неопределенные отрезки времени в праславянском языке. Эти слова имели относительное значение. Древний славянин не проводил в языке строгой границы между длиной промежутков времени, так как само понятие времени было еще очень неопределенно и расплывчато. В сущности, лексико-семантическая группа неопределенных отрезков времени представляла собой синонимический ряд из взаимозаменяемых величин.

В развитии значений слов, входивших в семантическую парадигму неопределенных промежутков времени, можно вычленишь ступень со значением «удачное, счастливое, благоприятное, удобное время». Темпоральные слова могли использоваться для обозначения доли, счастья, рока, что связано было с самим существованием человека во времени. Некоторые слова с временным значением сохранили эту сему и в современных славянских языках.

Не только слова, но и семантические микросистемы не существуют индивидуально, вне лексического коллектива; они пересекаются и взаимодействуют друг с другом. Так, современная микросистема обозначений времени связана с микросистемой погоды. В древности эта связь была более очевидной. Восприятие времени не только ассоциировалось с восприятием природы, но и базировалось на наблюдениях над природными явлениями. Отсюда сопоставление времени и погоды, известное многим индоевропейским языкам.

Итак, в микросистему существительных времени в

праславянском языке входили четыре семантические группы: 1) частей суток, 2) времен года, 3) разных по продолжительности отрезков времени, 4) неопределенных промежутков времени. Структура этой микросистемы

		jutro		vesna	
			∨		∨
miǵъ	dънь	mesěcъ		leto	
			∨		
	veserъ			jesenъ	
	nokъ			zima	
			∨		
casъ	godъ	doba		pora	verme

строилась по схеме $(4 \pm 2 \text{ семантических групп}) \times (4 \pm 2 \text{ слов в группе})$ [268, 106].

В результате развития микросистемы — обогащения словаря, дальнейшей дифференциации временных понятий по величине, появления сформировавшихся групп названий дней недели и месяцев — изменилась и структура системы, которая в современном русском языке строится по схеме $(7 \pm 2 \text{ семантических групп}) \times (7 \pm 2 \text{ слов в группе})$ [123, 85].

АНАЛИЗ ТЕРМИНОЛОГИИ

О СПЕЦИФИКЕ И АНАЛИЗЕ ТЕРМИНА

В. П. Красней

Изучение истории формирования лексико-семантических средств языка вообще и терминологической лексики в частности имеет в настоящее время исключительную научно-теоретическую и практическую значимость. В век колоссального потока информации, в связи с интенсивным развитием всех областей современного знания, взаимодействием, объединением и вместе с тем дальнейшим дроблением и расщеплением наук проблема всестороннего исследования номинативно-терминологических систем становится все более актуальной. Важность значения этой проблемы предопределяется тем, что «коммуникативная функция лексики терминологии — этой обширной части словарного состава литературного языка — призвана обеспечивать взаимопонимание между специалистами в рамках соответствующих разделов знаний и родственных дисциплин» [157, 11]. Между тем, как отметил Р. А. Буда-

гов на симпозиуме по семиотическим проблемам языков науки, терминологии и информатики, «новые термины, число которых растет буквально не по дням, а по часам, не всегда строго мотивированы, понятны всем представителям данной науки, и если сознательно не заниматься терминами, ученые в конце концов перестанут понимать друг друга» [41, 43]. Поэтому вполне понятно и оправданно то пристальное внимание, которое проявляют в последнее время лингвисты не только к вопросам дальнейшего пополнения и совершенствования терминологических средств языка, но и к вопросам стандартизации существующих терминологических систем, чтобы не только упорядочить научные и технические терминологии, но и «подчинить создание новых терминов организующему воздействию определенных норм...» [253, 122].

Опыт советской терминологической школы показывает, что терминологическая лексика сравнительно легко поддается сознательному регулированию. Однако, как отметил Б. Н. Головин, «наука о языке все еще не имеет вполне обоснованной и непротиворечивой теории терминов и потому не может предложить практике строгой методики лексикографического описания терминов, их информационного анализа, а также не может дать убедительных и четких рекомендаций в области терминостроительства и терминоиспользования» [78, 49].

Недостаточно разработана теория термина и в белорусском языкознании. И хотя решается задача составления в том или ином объеме национальных терминологических словарей, ведется определенная работа по созданию и упорядочению терминологической лексики, в языке различных областей знаний функционируют такие единицы номинативно-терминологического характера, которые по природе своей являются описательными или метафорическими выражениями, в отдельных случаях не соблюдается требование преемственности, последовательности, системности в терминологической практике и т. д. В связи со сказанным мы, не претендуя на подробное и всестороннее изложение, рассмотрим в данной статье на материале белорусской терминологической лексики некоторые вопросы, связанные с исследованием термина как особой языковой единицы.

В принципе не вызывает сомнения тот факт, что задачи упорядочения и стандартизации терминологии той или иной области знаний требуют глубокого и всесторон-

него анализа на уровне синхронии и диахронии каждого отдельно взятого термина: изучения становления и развития терминологического значения, самых характерных случаев употребления термина в языке, его структуры, положительных и отрицательных характеристик. Однако, поскольку терминологическая система должна соответствовать современному уровню развития той области науки и техники, орудием познания и выражения которой она является, постольку терминология должна рассматриваться прежде всего синхронно [206, 103]. При этом всякая терминологическая система может быть исследована в плане выражения и содержания, так как «в создании и определении термина есть две стороны, две точки зрения: структурно-языковая и понятийная, семантическая, обусловленная развитием системы понятий той или иной науки, того или иного производства, ремесла» [63, 7].

Как отмечалось выше, в языкознании еще не выработано единого, общепринятого определения термина. Недостаточно разработаны вопросы становления специального значения, ретерминизации и деспециализации, нормативности и ненормативности терминологических единиц и т. п. Однако в процессе терминотворчества уже выработаны определенные критерии, требования, которым должны отвечать термины как особые лексические единицы языка.

Прежде всего термины должны быть системными и точно соотноситься с теми научными понятиями, для номинации и дефиниции которых они служат. Точность — суровая необходимость для любой области знаний, потому что, как отмечал немецкий лингвист Шухардт, «терминологическая неясность для науки все равно, что туман для мореплавания: она тем более опасна, что обычно в ней вовсе не отдают себе отчета» (цитируется по [163, 19]). Точность зависит от того, насколько термин фиксирует существенные признаки понятия на определенной ступени развития той области знаний, в которой он функционирует. «Существенными признаками» называются такие признаки предмета (понятия), каждый из которых необходим, а все в совокупности достаточны, чтобы отличить данный предмет (данное понятие) от остальных предметов (понятий)» [127, 59]. Именно потому, что термин соотносится с понятием, «нельзя говорить о лексическом значении термина в общепринятом смысле этого слова. Значение термина — это определение поня-

тия, дефиниция, которая ему приписывается» [115, 78]. Однако, как отмечал В. И. Ленин, «человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливаются одно в другое, без этого они не отражают живой жизни. Анализ понятий, изучение их, «искусство оперировать с ними» (Энгельс) требуют всегда изучения движения понятий, их связи, их взаимопереходов» [1, 249]. Несмотря на это, термины безразличны к диахронии, так как «значение терминов не имеет природной для обычных слов потенции развития. В термине развивается не значение слова, а понятие, которое обозначается словом» [100, 151—152]. Как известно, «всякая наука оперирует определенными понятиями, которые составляют самое существенное орудие познания» [87, 36]. Познание основывается на научном анализе — одном из видов мышления. В процессе мышления познается тот или иной объект путем выявления не только характерных для его признаков, но и признаков, общих с другими объектами. Изучаемый объект, как правило, соотносится с исследованными ранее объектами, которые находятся в том же понятийном ряду логической схемы науки, т. е. в одной и той же системе. В результате новое понятие окажется обусловленным определенной системой, которая уже существовала до этого. Поэтому существенно, как подчеркивал А. А. Реформатский, чтобы термин был «парадигматичен семантически, т. е. в каждой терминологии соотнесен (и обязательно соотнесен, если он термин) с теми или иными понятиями» [227, 51]. Система понятий в каждой области науки, техники и культуры имеет соответствующую систему лексических обозначений, которая достаточно точно, без упрощения и осложнения, отображает все те объекты, которые являются предметом изучения данной науки. Объекты эти взаимосвязаны между собой, представляют относительно замкнутую (но не ограниченную количественно) систему, поэтому и термины образуют такое единое целое, в котором каждая единица, фиксируя и выражая существенные признаки отдельного понятия, должна не только отражать объективные связи между понятиями той или иной области знаний, но и указывать на место каждого понятия в системе. Поэтому и значение каждого отдельно взятого термина координировано со значением других терминов той же системы.

Следовательно, термин как знак, выступающий в функции логического определения понятия в логической

схеме науки, должен, с одной стороны, точно ориентировать на объект в системе, а с другой — как языковая единица конкретной терминологии он должен характеризоваться лексической системностью и рассматриваться в его отношении к другим терминам. Из сказанного вытекает, что требование системности термина должно быть реализовано в двух планах: в плане содержания и в плане выражения.

В плане содержания термин должен выражать сущность понятия, которая обусловлена местом последнего среди других понятий, и, как уже отмечалось выше, не заключать в себе избыточной информации. Поэтому при анализе содержательной стороны термина на это следует обращать внимание и учитывать как при общей оценке термина, так и при определении его дальнейшей судьбы. К примеру, в белорусских дооктябрьских изданиях начала XX в. для номинации и дефиниции согласных звуков использовались слова *гучны, сагалосны (сугалосны)*. Очевидно, что первое из них, не обладая строгой внутренней мотивировкой, несло избыточную информацию и не могло точно ориентировать на соответствующее лингвистическое понятие, так как «гучать» и гласные, и согласные. Поэтому слово *гучны* не закрепилось в сфере специальной коммуникации в качестве термина. Образованное под влиянием русского языка по типу славянизма *согласный* слово *са(у)галосны* оставалось на протяжении некоторого периода средством выражения соответствующего лингвистического понятия и достаточно успешно выполняло функции термина. Почему же тогда оно окончательно не утвердилось и не закрепилось в языковой практике? Это можно объяснить следующим. Для выражения минимального членораздельного элемента произносимой речи, образуемой с помощью речевых органов, использовалось слово *зык*. В послеоктябрьский период семантика его в металингвистической сфере сузилась и оно стало использоваться иногда для обозначения согласного звука. Параллельно с ним уже функционировал и термин *зычны*. И хотя в белорусских словарях 20-х годов (в том числе и терминологических) слова *зычны, са(у)галосны, зык* приводились как термины-синонимы, в практике шире использовался термин *зычны*. В грамматиках послеоктябрьского периода термин *са(у)галосны* вообще не встречается. Б. Тарашкевич так объяснял это явление: «Согласные

употребляются только вместе с гласными. Поэтому согласные звуки называют еще *сугалосными*. Это название неудобно тем, что можно было бы подумать, будто согласные звуки произносятся с голосом» [275, 6]. Объяснение, как видим, недостаточное, потому что согласные по акустической характеристике — шумы или сочетание шума и голоса. Другое дело, что общая классификация звуков в случае использования термина *са(у)галосны* была бы не вполне логичной. Термин галосныя, имея ярко выраженную внутреннюю мотивировку, фиксируя и отражая наиболее существенные акустические признаки всех гласных звуков, объединяет эти звуки в одну классификационную группу. Термин же *са(у)галосныя* ориентирует на акустические признаки только звонких согласных звуков, а следовательно, не может объединить в одну группу все согласные звуки. Поэтому названный термин и функционировал до тех пор, пока не была создана научно обоснованная классификация звуков белорусского языка. Тогда функция термина окончательно закрепилась за словом *зычны*, а синонимичное ему слово *са(у)галосны* вышло из сферы специальной коммуникации.

Говоря о системности термина в плане выражения, нужно иметь в виду следующее: «Системность терминов достигается их классификацией. Классификация создается путем выделения необходимых и достаточных для раскрытия содержания понятия признаков, которые затем должны найти отражение в единообразном оформлении терминологических рядов» [85, 58]. Это достигается путем специализации тех или иных слово- и формообразовательных средств, характерных для данного языка, когда в структуре и форме терминов выражается классификация понятий и таким образом устанавливается определенное соответствие между предметно-логическими отношениями, существующими в понятийной системе науки, и способами их языкового выражения. Если отмеченная особенность является весьма существенной, то при анализе отдельных терминов вопрос о лексической системности необходимо рассматривать в связи с другими терминами данного терминологического ряда. Например, в белорусских дооктябрьских изданиях начала XX в. для номинации и дефиниции лексических единиц, образованных путем объединения в одно составное целое нескольких слов при помощи соединительных морфем или непосред-

ственно, употреблялся термин *зложенне слова*. Он довольно точно выражал сущность соответствующего лингвистического понятия, тем не менее был вытеснен из сферы специальной коммуникации термином *складанае слова*, образованным по той же словообразовательной модели. При этом характерно, что термины-элементы *зложаны* и *складаны* соотносятся с глаголами-синонимами *злажыць* и *скласці*. Чем же объяснить, что функции термина закрепились за лексикализованным сочетанием *складанае слова*? Преимущество термина *складанае слова* заключается в том, что он является лексически системным. Это и предопределило его дальнейшую судьбу.

К сожалению, приходится констатировать, что требование лексической системности не всегда учитывается в терминологической практике. Так, на страницах современных белорусских изданий (в том числе и в БелСЭ) можно встретить термины *акісленне — аднайленне, акісляльнік — аднавіцель, акісляльныя працэсы — аднайленчыя працэсы, акісляльна-аднайленчыя працэсы* и другие, которые обозначают определенные понятия, связанные с химическими реакциями, сущность которых выражается в изменении электровалентности взаимодействующих атомов. С точки зрения электронной теории химической связи и химических процессов реакции окисления и восстановления являются взаимообусловленными и протекают одновременно: при окислении какого-либо вещества один или несколько входящих в его состав атомов обедняются электронами, при восстановлении — обогащаются ими. Соответственно — два ряда терминов: *акісленне, акісляльнік, акісляльныя працэсы* и *аднайленне, аднавіцель, аднайленчыя працэсы*. Если исходить из логической схемы науки, учитывать классификационную систему понятий, то очевидно, что данные термины должны быть системными в плане содержания и в плане языкового выражения. Однако последнее требование нарушено, так как однотипные предметно-логические отношения в этих случаях в структуре и форме соответствующих терминов выражаются по-разному. И хотя суффиксы в терминах *акісляльнік* и *аднавіцель, акісляльны* и *аднайленчы* являются синонимичными, для терминологии, где закономерна специализация слово- и формообразовательных средств, существенно и чисто формальное языковое тождество, чтобы термины не создавали неверного представления о

содержании выражаемых ими понятий (ср., кстати, русск. *окисление, окислитель, окислительные процессы, окисленное вещество; восстановление, восстановитель, восстановительные процессы, восстановленное вещество; болг. окисляване, окислител, окислителен; възстановяване, възстановител, възстановителен*).

С проблемой точности термина теснейшим образом связано требование однозначности и каноничности, когда, с одной стороны, одно понятие выражается одним термином в рамках соответствующей терминологической системы, а с другой — один термин выражает только одно понятие в рамках соответствующей системы понятий [5, 162]. Это основное условие строгой соотнесенности каждого отдельно взятого термина с тем понятием, которое им выражается. Требование однозначности всегда считалось одним из важнейших, так как только при этом условии термин может выполнить свои функции в сфере специальной коммуникации. Обращая на это внимание, Н. С. Дмитриева замечает: «Терминология должна отличаться устойчивостью. И не беда, если диахронически термины оказываются переосмысленными. Гораздо важнее другое: синхронно, в составе функционирующей терминологической системы, термин должен быть строго однозначным» [89, 72]. При этом некоторые исследователи считают, что термин однозначен [38, 33; 70, 117; 157, 125], другие полагают, что он стремится или имеет тенденцию к однозначности [143, 267; 146, 199; 227, 151], третьи доказывают, что значение термина только более определено и устойчиво по сравнению со словом-нетермином [220, 19], четвертые утверждают, что «языковой знак в функции термина принципиально однозначен (но сохраняет тенденцию к полисемии)» [157, 63]. На практике, однако, термины зачастую являются многозначными даже в пределах одной терминологической системы, например: *абзац, акцэнт, скланенне, верш, драма, балада, блок, блок-схема, бульдозер, вальцоўка, металізацыя, мікраліт, мнагаграннік, метамарфоза, мечанне жывёл* и др.

В чем же причина, что на практике многозначные термины — довольно частое явление? На наш взгляд, это объясняется двоякой обусловленностью термина. С одной стороны, каждый термин входит в состав всей лексической системы языка, всего словаря, где «с лингвистической точки зрения многозначность слов является естественным семантическим процессом, отражающим движе-

ние человеческой мысли в слове» [88, 12]. Поэтому и в терминологии действует та же общезыковая закономерность, когда «одна знаковая форма (звуковая или грамматическая последовательность) способна вместить в себя целый ряд содержаний» [298, 64]. При этом следует учесть, что многие термины образованы на основе общепотребительной лексики, а это также зачастую ведет к полисемии. С другой стороны, термин, как член соответствующей терминологической системы, должен стремиться к однозначности, иметь строго определенные семантические границы, обусловленные логической системой понятий, хотя это и может быть реализовано лишь при том условии, если его «звуковой знак соотносится (связан) только с одним понятием, занимающим определенное место в системе понятий данной области и родственных с ней областей знаний» [127, 35]. Эти две тенденции регулярно проявляются в терминологии, вследствие чего требование однозначности термина является довольно сложной и трудной для успешного решения проблемой. Как бы то ни было, проблема упорядочения и стандартизации терминологических систем требует, чтобы в данной области лексики многозначность как семантический процесс была если не устранена, то введена в строго определенные, узкие границы, чтобы термины были по возможности абсолютно (в пределах всего словаря данного языка) или относительно однозначными (синхронно, в пределах данной терминологии и родственных с ней, где «термины обладают общей смысловой основой и вместе с тем они дифференцированы по своему значению сообразно с теми отраслями, в которых применяются» [228, 4]). Например, в современном белорусском литературном языке многозначным является термин *дыялектызм*, когда под определение диалектизмов подводятся слова, обороты речи, звуковые особенности, грамматические черты, характерные как для отдельного местного говора, так и для отдельного диалекта. Кроме того, иногда диалектизмом называют слово или оборот речи из какого-либо диалекта, введенное в язык художественной литературы как средство характеристики, стилизации и т. п. Однако многозначности можно избежать, если соблюдать требование системности и однозначности.

В первом случае, как видно из определения термина, отождествляются языковые явления, свойственные разным языковым системам: говору и диалекту. Между тем

эти явления следует строго разграничивать и определять разными терминами. Не случайно иногда в лингвистической литературе при анализе языковых фактов какого-либо говора используется составной термин *вузкі дьялектызм*, а при рассмотрении того или иного факта диалектного характера — термин *шырокі дьялектызм*. На наш взгляд, целесообразнее в таких случаях использовать термины *лакалізм* и *дьялектызм*: при этом условии и тот и другой будут отвечать требованию системности (родовые понятия будут определяться в каждом классификационном ряду терминами *лакалізм* и *дьялектызм*, а видовые — терминами *лексічны лакалізм* и *лексічны дьялектызм*, *фанетычны лакалізм* и *фанетычны дьялектызм* и т. п.). Кроме того, эти термины отвечают принципу экономии и минимальных расхождений между терминологиями родственных языков.

Что касается определения термина *дьялектызм* как слова или оборота речи, взятого из какого-нибудь диалекта и введенного в текст художественного произведения, то, по существу, оно является плеонастичным, тавтологичным. Всякое слово (равно как и оборот речи, грамматическая черта и др.), взятое из диалекта, это и есть диалектизм независимо от того, употребляется оно в устной речи или письменной, в художественном произведении или в языковедческой работе. Другое дело, что лингвиста интересуют прежде всего языковые характеристики данного слова (оборота речи, грамматической черты), а литературоведа — те эстетические функции, которые оно выполняет в художественном тексте. Но и в том, и в другом случае это диалектизм. Иначе естественна постановка такого вопроса: как назвать данное слово вне художественного текста, если диалектизмом называть только в том случае, когда налицо факт его использования в художественном произведении? Значит, вышеуказанную дефиницию (как тавтологическую) приписывать термину *дьялектызм* не следует. Этим самым устраняется многозначность названного термина.

Что касается терминов, которые характеризуются категориальной многозначностью, то, как показывает опыт советской терминологической школы, для них фиксируется значение в нескольких категориях. Многозначность таких терминов практически очень трудно устранить, так как «содержание понятия складывается из признаков, принадлежащих одновременно нескольким категориям.

Чаще всего это отмечается, когда между собой связаны свойство и величина («твердость», «стойкость»), процесс и величина («давление»), явление и величина («электрический ток»), процесс и явление («излучение») и т. д.» [112, 40].

Требование каноничности (один термин — одно понятие) также является весьма существенным для термина, ибо «синонимия, — как отмечает П. В. Веселов, — может ввести в заблуждение даже специалиста, затрудняет перевод с одного языка на другой и совершенно недопустима для машинного перевода» [54, 31]. Трудно не согласиться с этим утверждением, хотя и приходится констатировать, что до настоящего времени во всех терминологических системах продолжают функционировать термины-синонимы, например: *асімілляця* — *прыпадабненне*, *трыванне* — *від*, *флексія* — *канчатак*, *медуніца* — *шчамяліца*, *мацыёла* — *ляўканія*, *андрамеда* — *імшарніца*, *барбітал натрыю* — *веранал* — *медынал*, *міякардыясклероз* — *кардыясклероз*, *альдастэрон* — *электракарцін*, *метратан* — *андаксін*, *прыпейўка* — *частушка*, *альдзіны* — *альды*, *часцінка* — *частачка* — *частка* и др. Явление это настолько распространено, что его необходимо рассматривать как естественный процесс, по которому шло развитие терминологической лексики и который обусловил избыточность реальных терминологий. Не случайно некоторые исследователи считают, что «отношения синонимии характерны для научных терминологий, как и для лексико-семантической системы языка в целом» [5, 183]. Однако в общелитературном языке слова-синонимы «называют ту же вещь, но соотносят ее с разными понятиями и тем самым через называние вскрывают р а з н ы е с в о й с т в а данной вещи» [226, 91], отличаясь друг от друга оттенками значения. В терминологии же синонимы соотносятся с одним и тем понятием, а потому являются абсолютно равнозначными, «не имеют чисто знаковых дифференциальных признаков, какими отмечены общеязыковые синонимы», и не оказывают влияния «на понятийную природу системной организации терминологий, обусловленную замкнутостью логических связей между понятиями в пределах одной отрасли знания...» [157, 62]. Они могут, говоря словами П. С. Александрова, «заменять друг друга в каких-либо контекстах без ущерба для предметно-логического содержания высказывания» [10, 41]. Поэтому при исследовании терминологической

лексики необходимо в каждом конкретном случае проанализировать причину появления терминологических синонимов, дать им всестороннюю характеристику и наметить пути устранения синонимии терминов как осознанной знаковой избыточности, т. е. из всех существующих терминов-синонимов необходимо правильно выбрать те, которым должна быть придана сила государственного стандарта [28, 6]. В одном случае это будет более системный термин (*утваральная аснова* из синонимического ряда *утваральная аснова* — *утвараючая аснова*, так как первый лексически системен в ряду *утваральны, словаўтваральны, формаўтваральны*); в другом — более точный в плане содержания (*сэрцавідны* из *сэрцавісты* — *сэрцаваты* — *сэрцавідны*; *апыленне* из *запылкаванне* — *апыленне*); в третьем — более совершенный структурно (*складанне* из *складанне* — *лік просты*); в четвертом — термин, образованный на лексической основе родного языка (*дзеяслоў* из *глагол* — *часоўнік* — *дзеяслоў*); в пятом — заимствованный термин (*сінтаксіс* из *склад слова* — *складня* — *сінтаксіс*; *вена* из *вена* — *сіняжыла*) и т. д.

Одним из характерных признаков терминологической лексики является синтагматическая независимость, которая обусловлена тем, что любой термин должен иметь строго определенную дефиницию. Поскольку термин отражает наиболее специфические признаки данного понятия и не выражает никаких свойств других понятий того же классификационного ряда или смежных с ним, он не зависит от контекста. Следовательно, термины, которые на линии сочетания слов семантически соотносятся с другими словами и только через это приобретают семантическую значимость, являются несовершенными и не вполне пригодными для использования в научном стиле изложения. Например, слова, которые вошли в лексику белорусского языка из других языков, обозначались на страницах дооктябрьских белорусских изданий начала XX в. лексикализированным сочетанием *чужыя словы*. Однако функцию номинации и дефиниции соответствующего понятия оно могло выполнять только в контексте, так как вне контекста вызывало нежелательные ассоциации, ориентируя на чужое высказывание. Поэтому названное сочетание вышло из употребления.

Требование синтагматической независимости тесно связано с однозначностью. Если термин однозначен в пре-

делах всего словаря, то ему характерна абсолютная синтагматическая независимость, а если его однозначность относительна, то и синтагматическая независимость такого термина также относительна. В тех случаях, когда термину присуща категориальная многозначность, его содержание «полностью раскрывается только через его реальное функционирование, через данный «метасинтаксис»... [21, 8]. Поэтому при анализе терминов типа *асіміляцыя* (ср.: *асіміляцыя гукаў, асіміляцыя ў працэсе фотасінтэзу, асіміляцыя народаў і нацый*), *марфалогія* (ср.: *марфалогія беларускай мовы, марфалогія жывёл, марфалогія раслін*), *змазка* (ср.: *змазка механічным спосабам, газанадобная змазка*) и под. контекст следует учитывать обязательно, так как только в этом случае можно точно установить их содержание.

Целесообразно, чтобы термины были по возможности краткими, лаконичными, образованными в соответствии с нормами языка. Например, в начале XX в. в белорусском литературном языке для номинации и дефиниции знака препинания в виде трех рядом поставленных точек, употребляющегося для обозначения прерванности речи, использовался термин *недаказ*. Свою функцию он выполнял довольно успешно, так как соответствующий знак препинания ставился, по определению Б. Тарашкевича, в тех случаях, «если мысль не высказана до конца» [275, 76]. Однако когда потребовалось упорядочить лингвистическую терминологию, то выяснилось, что названный термин не отличается регулярностью образования и как бы выбивается из системы. В результате в состав терминологии было введено слово *шматкроп'е* (ср.: *двухкроп'е, шматкроп'е, двукоссе* и под.).

Требование лаконичности, краткости термина, как отмечают некоторые исследователи, должно осуществляться в пределах допустимого, т. е. когда краткость не противоречит семантической точности. Дело в том, что иногда объект «относится к сложной классификационной системе», когда «оказывается необходимым отражение в термине многих признаков, выделяющих данный объект из ряда близких ему, находящихся в одном с ним классификационном ряду» [192, 24]. Все же и в таких случаях поликомпонентные термины нежелательны, так как они не обладают деривационной продуктивностью. К тому же в некоторых случаях «бывает трудно провести границу между термином и толкованием, так как здесь сближают-

ся такие понятия, как описательный термин, с одной стороны, и отрывок (сегмент) метаречи,— с другой» [21, 10]. Сравним для примера термины *сінтаксіс*, *складня*, *склад мовы*, которые в белорусском литературном языке начала XX в. обозначали одно и то же понятие. Термин-полонизм *складня* не противоречит в принципе словообразовательной структуре белорусского языка, но в системе лингвистической терминологии не отличался регулярностью образования и вышел из употребления. Вполне мотивированным являлся термин *склад мовы*, однако словообразовательные возможности его были ограничены. В то же время термин интернационального характера *сінтаксіс* обладал широкими словообразовательными возможностями и поэтому закрепился в составе лингвистической терминологии, вытеснив из сферы специальной коммуникации вышеуказанные синонимы *складня* и *склад мовы*. То же самое можно сказать о терминах-синонимах *нагалосак* и *націск*, из которых для белорусского литературного языка нормативным стал термин *націск*. При этом, как заметил Э. А. Натансон, «надо учитывать возможность образования антонима» [192, 24]. Это замечание весьма существенно, так как явление антонимии представлено в терминологической лексике шире, чем в общеупотребительной. Не случайно А. М. Деборин писал: «Понятие внутреннего одновременно рождается с понятием внешнего, понятие правого с понятием левого, понятие света с понятием тьмы, понятие покоя с понятием движения и т. д.» [87, 39]. Сравнение в этом плане терминов *склад мовы* и *сінтаксіс* также свидетельствует в пользу последнего.

В лингвистической литературе отмечается, что термины должны быть нейтральными, т. е. эмоциональность, экспрессивность и модальность в словах-терминах должны быть сведены к минимуму. Правда, относительно этого среди исследователей нет единого мнения. Так, В. В. Виноградов, А. А. Реформатский, Р. А. Будагов, Л. А. Капанадзе, С. М. Бурдин и другие считают, что экспрессивность, эмоциональность и модальность в принципе не свойственны терминам, поскольку нет необходимости искать подтекст научно-теоретической речи, в то время как в художественном произведении иногда важно не то, что сказано, а то, как сказано [46, 58—59]. В. Н. Прохорова, наоборот, доказывает, что «эмоциональная нейтральность и экспрессивная пассивность не могут быть

отнесены к числу основных признаков термина, так как присущи не всем отраслям специальной терминологии, не всем терминам» [220, 19]. Очевидно, что существование экспрессивных образований нельзя считать случайностью, однако их следует все же рассматривать как нерегулярные и при анализе и упорядочении естественно сложившихся терминологических систем это следует учитывать. Например, нежизнеспособность в белорусском литературном языке терминов *закавыка* и *лапки* была в значительной степени предопределена тем, что они не отличались «интеллектуальной чистотой», а отличались в этом плане свойством, которое сопутствует обиходному словопотреблению. Поэтому в составе лингвистической терминологии закрепились термины *коска* и *двукоссе*, не вызывающие ненужных ассоциаций. При этом характерно, что термин *коска* имеет суффикс *-к-*, который в словах общеупотребительной лексики является средством эмоциональной оценки (ср.: *каса* в значении «орудие труда» и *коска* в том же значении). Однако в сфере специальной коммуникации суффикс *-к-* десемантизировался, поэтому термин *коска* в языке науки свободен от эмоциональной окраски.

Терминологические системы «представляют собой единый организм, который имеет свой узус, сложившуюся традицию употребления и в котором нарушение одной части неизбежно влияет на другие компоненты терминологического поля» [149, 163]. Поэтому и анализировать любой отдельно взятый термин необходимо в связи с другими терминами данной терминологической системы, в свете тех требований, которые выдвигаются современной терминологической практикой.

ПРИНЦИПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ

Н. Б. Мечковская

Введение. Предметом истории научной терминологии является процесс возникновения и развития системы терминов с последовательным синхронным изучением ее прошлого и настоящего. Исследователь определенного терминологического среза устанавливает, что данной системой унаследовано от более раннего состояния, что возникло в ней самой и что изменилось впослед-

ствии. Картина того, что было «до» и что будет «после», существенным образом характеризует настоящее. Синхронное изучение предшествующих состояний терминологии подводит к их сравнению и установлению закономерностей исторических изменений, т. е. к решению задач диахронического характера.

При диахроническом изучении терминологии обнаруживаются явления, противоречащие обычным теоретическим характеристикам термина (как слова специального, однозначного и не имеющего синонимов). Начальный этап становления терминологии отличается именно недостаточной терминологичностью. Ранние термины — это обычные, еще не специализированные слова, с присущей им многозначностью и синонимическими связями. Это утверждение справедливо для терминологий, которые складывались десятилетиями и даже веками — исходной физической, математической, географической, языковедческой. Терминологии новейших отраслей наук (тепло- и массообмена, термодинамики, лазерной техники, глоссематики и пр.), возникающие в несколько лет, а иногда и под пером одного автора, в сущности, не знают истории и с самого начала отличаются высокой степенью терминологичности.

Однако, несмотря на близость ранних терминов к обычным словам, история научной терминологии не превращается в историю группы слов, объединенных темой, как, например, названия предметов утвари. Существуют особенности в самом возникновении терминов, определяющие специфику их дальнейшего исторического развития. Возникновение термина характеризуется известной искусственностью и особой рациональностью. В сравнении с терминологией естественный процесс появления обычных слов представляется стихийным, не направляемым активно сознанием, логикой (хотя, разумеется, и не бессознательным). При создании терминов наблюдается стремление сделать их внутреннюю форму прозрачной, а затем подчеркнуть мотивированность названий в определениях. В дальнейшем по разным соображениям происходят замены одних терминов другими. Контроль логики и вмешательство человека сопровождают всю историю терминологии. Этим, кстати, объясняются такие редкие в языкознании и благоприятные условия изучения лексики, как полная документированность истории. В принципе можно установить место и время возникновения, первоначаль-

ное значение и последующие переосмысления каждого термина.

Диахроническое изучение возможно при условии, что исследователь располагает достаточно полным фактическим материалом, относящимся по меньшей мере к двум различным временным срезам. В логическом отношении диахронический анализ двухступенчат: первая ступень состоит в сравнении и установлении различий двух разновременных состояний системы; вторая ступень заключается в интерпретации изменений. В ходе сравнения последовательно устанавливаются изменения на различных уровнях терминологической системы: 1) изменения в лексике (пополнение терминологии новыми элементами; утрата некоторых терминов); 2) изменения в семантике (сужение, расширение значений; различные виды переносов значения); 3) изменения ономаσιологического характера (рост морфемной членимости терминов, с одной стороны, и деэтимологизация — с другой). Интерпретация изменений состоит в установлении факторов и основных тенденций развития.

Лексика. Для лексической истории терминологии характерны два встречных процесса: пополнение системы новыми терминами и уход некоторых старых обозначений (при общем количественном росте). Большинство новых терминов вводятся по мере развития знания для обозначения новых понятий. Утрата прежде бытовавших терминов, напротив, чаще всего объясняется не отказом от соответствующих понятий, а заменой одних терминов другими, новыми. Например, в русской грамматической терминологии термин *части речи* сменил первоначальное сочетание *части слова, глагол — речь, падеж — падение, наклонение — изложение, предложный падеж — сказительный падеж* и т. д. Следует подчеркнуть, однако, что замена одного термина другим часто представляет собой конечный результат развития системы. Сам же процесс развития сложнее: для него характерна не столько смена одного термина другим, сколько сосуществование нескольких терминов, обозначающих одно и то же понятие. Так, в грамматической терминологии XVI—XVIII вв. понятие «части речи» имело несколько выражений: *части слова, части вещания, части речи*; понятие «слово» по ряду грамматик выражалось лексемами *глагол, речь, речение, слово, пословица, глас, назвиско*; «наклонение» — *изложение, залог, чин, образ, наклонение* и т. д. Полилексия, т. е.

варианты лексического воплощения понятия, часто наблюдается в тексте одного памятника. Ср.: «Слово и речь за одно стоит и вещание. Кое хочешь, то рцы». («Донат», 1521.) Синонимия терминов отмечена в языке математики, географии, физики XVIII в. Так, в значении «плоскость» употреблялись термины *плоскость*, *площадь*, *поверхность*, *верховность*, *равность*, *равнина*, *наружность*, *наличие*, *суперфиция*, *план*; с понятием «русло» связан терминологический ряд *ток*, *проток*, *канал*, *водотеча*, *ров*, *рвина*; с понятием «давление» — *давление*, *тиснение*, *угнетение*, *жмение* [157, 85—86]. Известно, что от вариантов, синонимов не свободна и любая современная терминология. Однако в период становления терминологии полилексия наблюдается особенно широко. Это закономерность, имеющая свое объяснение.

Случай выпадения термина в результате утраты соответствующего понятия сравнительно редки. Так, в грамматической литературе до Ломоносова существовал термин *последующие* (вариант *пристоящие*, греч. *Παρεπόμενα*, лат. *accidentio*), с помощью которого объединялись грамматические категории внутри различных частей речи. Ср. у Смотрицкого: «О последующихъ глаголу. Последуютъ глаголу девять: залогъ, начертание, видъ, число, лице, наклонение, время, родъ и спряжение».

Таким образом, в лексической истории терминологии различаются явления следующего характера: 1) возникновение нового термина для обозначения нового понятия; 2) замена одного термина другим при неизменном объекте обозначения; 3) наличие терминологических вариантов для обозначения одного и того же понятия; 4) утрата термина в связи с отказом от определенного понятия.

При изучении лексических инноваций прежде всего необходимо решить, что считать новым термином. Словообразовательные производные от терминов, существовавших ранее, не вызывают сомнений в своей принадлежности к терминологии. Первое употребление таких терминов в тексте совпадает с временем их образования. Сложнее обстоит дело с терминами, возникшими в результате специализации обычных слов. В ряде случаев отдельные лексемы могли употребляться в научном тексте до их терминологизации, в своем обычном значении. Терминологизация (т. е. специализация значения) создается включением данной лексемы в существующую систему терминов. Следовательно, время терминологизации устанавливает-

ся с учетом системных связей в данном синхронном срезе.

Допустим, необходимо выяснить время появления синтаксического термина *обстоятельство*. Слово *обстоятельство* находим уже в «Российской грамматике» Ломоносова (1755) в заглавии раздела о словосочетании: «О сочинении частей слова по разным обстоятельствам». Однако значение слова *обстоятельство* здесь не терминологическое, а обычное. Под 'обстоятельством' Ломоносов понимает не только указания на место, время, условия, причины, цели действия (т. е. обстоятельство в современном терминологическом смысле), но также дополнение и некоторые виды определений (см. § 585, 591, 592 «Российской грамматики»). В таком же обычном словарном значении слово *обстоятельство* употребляется в грамматиках Н. Г. Курганова, А. А. Бареева. В «Русской грамматике» А. Х. Востокова (1831) два второстепенных члена — *определятельные* и *дополнительные слова*. В исторической грамматике Ф. И. Буслаева (1858) все возможные характеристики действия, субъекта и объекта расклассифицированы с помощью уже трех терминов: *слова определятельные, дополнительные* и *обстоятельственные*. Эти понятия объединены категорией *второстепенных членов предложения* и противопоставлены *главным членам*. В результате слово *обстоятельство* включается в определенную систему наименований, что сужает и специализирует его семантику. Системная соотнесенность и специализированность значения делают лексему термином. Следовательно, слово *обстоятельство* в специальном языковедческом смысле употребляется впервые в трудах Востокова, Буслаева.

Мы показали необходимость системного подхода к истории терминологии уже с первых шагов ее изучения — при выявлении свода терминов и словарных инноваций. Следует подчеркнуть, что системный принцип должен последовательно направлять весь ход диахронического изучения терминологии (хотя результаты могут быть представлены в виде отдельных словарных статей). Системный подход необходим в терминологии, по-видимому, в большей степени, чем при изучении обычной лексики, поскольку, в сравнении с общим словарем, системные связи термина определяют его субстанциональные свойства более непосредственно и сильно. Это согласуется с важнейшей теоретической характеристикой термина, по которой соотнесенность с системой обозначений в данной

отрасли науки — основное свойство термина, обуславливающее ряд его более частных особенностей.

Далее, установив время и обстоятельства появления нового термина, следует иметь в виду, что первое употребление нового слова или слова в новом специальном значении и окончательное его укрепление в терминологии могут быть разделены веками. Например, в восточнославянской грамматической литературе *слово* в значении 'слово, *vocabulum*' впервые употреблено в предисловии переводчика к грамматике Доната (1522). Однако это употребление имеет единичный и случайный характер, в основном тексте грамматики *слово* регулярно обозначает глагол и реже букву. В последующих важнейших грамматиках XVI—XVIII вв. («Адельфотис», грамматиках Зизания, Смотрицкого, Ломоносова) *слово* тоже имеет значение не «*vocabulum*», а более широкое — «язык, речь, дар слова». Но уже у современников и последователей Ломоносова — А. П. Сумарокова, А. А. Барсова, В. П. Светова — *слово* все чаще употребляется в современном смысле — «*vocabulum*». Окончательное укрепление лексемы *слово* в значении «*vocabulum*» происходит в последней четверти XVIII в., что подтверждается лексикографически (Словарь Академии Российской, т. V, 1794).

Семантика. Изучение семантической истории терминологии следует начинать с анализа системы значений терминов на определенном начальном этапе. Древняя система значений восстанавливается на основании, во-первых, полного текста синхронного ряда памятников научной литературы и, во-вторых, системы значений соответствующей современной терминологии. В тексте памятника значения терминов реализуются через сочетаемость, поэтому текст — это опытная основа исследования. Современная терминологическая система выступает как естественный метаязык, с помощью которого описывается прошлое значение термина. Однако исходить при этом следует из того, что две разделенные временем терминологические системы идиоматичны и не могут быть до конца описаны одна через другую. Такова классификация согласных по акустическому впечатлению в одном из анонимных трактатов XVII в.: «Б, В, Г, Д — грубые, Ж, Ч, Ш — шепетливые, З, Ц, С — сипавые, В, Ф, Θ — свибливые, Л, М, Н — немые, Ф, Х, Θ — гугнивые». Перед нами не просто непривычные термины. Здесь иной принцип си-

стематизации звуков, поэтому приведенные названия и не могут иметь соответствий в современной терминологии. Дело не только в количественном или словарном несхождении — смысловые соответствия могут отсутствовать и при лексическом тождестве. Так, в ранней грамматической литературе встречается употребление слова *залог* в значении 'наклонение', *склонение* — в значении 'спряжение', *вид* — в значении 'строение слова' и т. д. Однако именно сравнение (которое всегда содержится в описании одной системы через другую) позволит показать, в чем своеобразие, непереводаемость старинной терминологии. С другой стороны, учет сочетаемости и в целом контекста должен предохранить от подмены древнего смысла термина его современным значением. При этом иногда приходится учитывать не только языковую реальность текста, но и стоящую за текстом объективную действительность. Например, понять смысл некоторых терминов в старых грамматиках помогают не столько толкования, сколько примеры. Ср.: «Речение есть часть речи глаголемая сице бех, бих, но, убо, есть, еже, яко, аще, еще»; или «Слово есть речей сложение, двою или трех, сице Павел поет в церкви» (Анонимная грамматика XVII в.). Пример из терминологии естествознания. Термин *великость* мог означать 'объем', 'размер', 'величина'. В предложении «Сопротивление, еже телеса в движении своем страждут, от великости происходит» («Философия естественная...», 1717, цит. по [143, 91]) слово *великость*, учитывая физическую реальность, следует понимать как 'объем'.

В процессе исторического развития терминологий было возможно многозначное или омонимическое использование отдельных терминов. В период становления терминологии многозначность, как и вообще варьирование значения и формы, наблюдается особенно широко. При изучении этого явления встают два традиционных для семасиологии вопроса: во-первых, как различать семему и ее вариант (аллосему)? И, во-вторых, как разграничивать полисемию и омонимию для данной синхронной системы? Аллосема — это значение, близкое к инварианту, но не тождественное ему. По отношению к данной семантической системе аллосема выступает как значение частное, до некоторой степени случайное и факультативное. Аллосема — это явление только данного текста, в то время как семема, будучи элементом системы, присуща ряду текстов. Следовательно, значение термина можно считать

семемой, а не вариантом в том случае, если это значение обнаруживается хотя бы в двух самостоятельных памятниках научного языка определенного хронологического среза (в тождественной или различной лексической оболочке) [286, 15].

Например, при воссоздании системы значений термина *глагол* по грамматикам XVI—XVII вв. выясняется, что слово *глагол* могло употребляться в следующих значениях: 1) часть речи — глагол, 2) слово, 3) языковое явление. Эти значения, в различных лексических оболочках, встречаются по ряду грамматик XVI—XVII вв. Следовательно, эти значения релевантны для семантической системы грамматической терминологии данного времени, т. е. это — семемы. Но вот в одной из анонимных грамматик XVII в. слово *глагол* находим в таком контексте: «Глагол есть речение двосложно. Аз то есть речь, зрю то есть другая речь, и обоих совокупленом наричется глагол». Контекст позволяет вывести новое значение лексемы — сочетание двух слов (может быть, предикативное). Однако это значение не встречается больше ни в одном другом грамматическом сочинении XVI—XVII вв., что говорит о его несамостоятельности, нерелевантности. Следовательно, это значение представляет собой вариант какого-то основного значения, к которому оно наиболее близко, в частности, семемы «языковое явление».

Вопрос о разграничении многозначности и омонимии иногда считают для терминологии снятым — согласно теории, в терминологии нет многозначности, а есть омонимия, так как разным значениям соответствуют разные понятия, которые нельзя отождествить и поэтому нельзя назвать одним термином. Действительно, терминологии противопоказаны оттенки и варианты, и, решая некоторые прикладные задачи, удобно считать каждое значение самостоятельным термином, т. е. отказаться от разграничения полисемии и омонимии. Однако такие терминологические омонимы были бы весьма различны по своим языковым качествам. Во-первых, расстояние между значениями омонимов в ряде омонимических пар может быть не одинаковым и может с течением времени меняться — от максимальной близости до полной омонимической независимости; во-вторых, отношения между значениями термина (или терминов-омонимов) могут определенным образом коррелировать с нетерминологической семантикой этого слова или (и еще шире) — с семанти-

ческими закономерностями, характерными для общего словаря.

Если отношения между значениями одного термина соответствуют закономерным для всего словаря семантическим сдвигам, как бы повторяют или воспроизводят их, то можно говорить о смысловой цельности термина, т. е. о многозначности, а не омонимии. Так, в русском языке в различных терминологиях наблюдается совмещение в одном термине двух метонимически связанных между собой значений, например, названия действия и названия результата действия (ср.: *процесс изменения — существенные изменения; заболевание начинается инкубационным периодом — инфекционное заболевание* и т. д.); совмещение названия науки и названия объекта науки (ср.: *предметом физиологии является... — наблюдения над физиологией мышечного аппарата; курс исторической грамматики — для грамматики агглютинативных языков характерно...*). Как видно, при таких семантических сдвигах не затрагивается «сердцевина» понятия. Это поворот того же самого содержания в другой грамматической плоскости. Подобные переносы значения вырабатываются в языке постепенно и не приводят к омонимии.

Сложнее обстоит дело с терминами, возникшими в результате специализации обычных слов, отличающихся широтой значения. Такой термин как бы наследует многоплановость неспециального употребления. Например, в русской грамматической терминологии XVI—XVIII вв. лексема *слово* употреблялась в значениях 1) язык, речь, 2) слово, *vocabulum*, 3) буква, 4) глагол. Многозначными были также термины *глагол*, *речь*, *речение*, *буква*, *письмо*, *склад*, *глас*, *вид*, *образ* и др., причем различное применение термина иногда наблюдается в одном памятнике. В естественнаучном языке первой трети XVIII в. слово *предложение* употреблялось для обозначения научных положений самых различных видов и рангов — аксиомы, теоремы, гипотезы, закона, теории, проблемы [143, 63]. Математический термин *круг* значил «круг» и «шар», *размер* — «диаметр» и «диагональ»; были многозначны термины *число*, *образ*, *площадь*, *устье*, *руда*, *скважина* и мн. др. [157, 88]. На первых порах терминологические значения такой лексемы с широкой общей семантикой сохраняли родство и тем самым сохранялось смысловое единство слова. Однако в дальнейшем, по мере упрочения специализации значения и в связи с этим, усиливается

раздельность, обособленность данных значений, что в конечном итоге ведет к омонимическому разрыву. Впоследствии один из омонимов, как правило, заменяется другой лексемой с тем же значением. Время расщепления многозначного термина на омонимы, по-видимому, непосредственно предшествует устранению одного из омонимов.

Наконец, в терминологии наблюдаются случаи применения определенного слова в разных значениях, причем такое применение не поддержано ни общеязыковой семантической закономерностью, ни общей широкой семантикой слова до его терминологизации. В этих случаях есть основания говорить о изначальной и отчетливой омонимии. Например, в грамматике Смотрицкого есть звательный падеж и звательные глаголы (глаголы со значением речи — *зову, глаголюся*), имя существительное и существительные глаголы (глаголы со значением существования — *есмь, бываю*). Было бы неверно полагать, что здесь нет омонимии на том основании, что в качестве терминов выступают не самостоятельные прилагательные, а сочетания двух слов. Сама возможность различного применения слов *звательный, существительный* говорит о том, что сочетания *звательный падеж, имя существительное* во времена Смотрицкого были не фразеологизмами, а свободными сочетаниями. Такие термины-омонимы по-разному мотивированы и, как правило, возникли в разное время. Ср. в языковедческой терминологии: *наречие* — диалект и *наречие* — часть речи, *предложный* (падеж) и *предложная* (конструкция).

Омонимы в терминологии возникают также при заимствовании, когда один и тот же иноязычный (и, как правило, интернациональный) термин приходит в разное время, в разных значениях, иногда из разных языков. В заимствующем языке преемственность значений таких терминов нарушается и они становятся омонимами. Ср. в современной лингвистической терминологии: *апекс* — кончик языка и *апекс* — знак острого ударения в латинских надписях; *тема* — исходный пункт высказывания (с точки зрения актуального членения) и *тема* — основа; *детерминатив* — корневой определитель и *детерминатив* — ключ иероглифа.

О н о м а с и о л о г и я. Ономасиологические изменения не отражаются явно в синтагматике слова и поэтому на первый взгляд незаметны. Они захватывают смысловые отношения в самой структуре слова: изменяется так на-

зываемая внутренняя форма слова — «способ представления значения в слове» (В. В. Виноградов); утрачивается, преобразуется или становится более отчетливой мотивированность названия; изменяется морфемная членимость слова. Несмотря на внутренний характер ономаσιологических изменений, без них история терминологии была бы неполной. Во-первых, для каждой терминологии существенно важно то, как соотносятся в ней мотивированные, аналитические, и немотивированные, целиком условные обозначения. С этим связаны такие качества терминологии, как понятность, рациональность или произвольность. Во-вторых, характер внутренней формы может способствовать или, наоборот, препятствовать переосмыслению термина. Внутренняя форма и мотивированность, таким образом, влияют на семантическую историю термина. В-третьих, для оценки степени системности терминологии важно наличие устойчивых типов мотивации терминов отдельных микросистем; системность, кроме того, определяется и тем, насколько понятийные связи терминов отражаются и закрепляются лексико-морфемным материалом.

В процессе ономаσιологических изменений прежде всего выделяются две основные тенденции. С одной стороны, постепенно стирается первоначальная мотивированность терминов. В результате производные термины деэтимологизируются, семантика составных терминов приобретает черты идиоматичности и фразеологической замкнутости. Противоположная тенденция ведет не только к сохранению, но и к созданию новой рациональной мотивированности. При этом складываются устойчивые типы мотивации, отражающие системные связи терминов; в результате углубления внутренней классификации системы понятий возникают новые термины, которые могут привести к появлению системной мотивированности прежде немотивированных обозначений; использование специализированных стандартных терминоэлементов противостоит деэтимологизации терминов. В итоге удельный вес мотивированных терминов в целом по системе растет.

Различный характер ономаσιологических изменений обуславливает и объясняет разнообразие методов их изучения. При этом анализ материала ведется с учетом эволюции научных понятий. Так, чтобы констатировать деэтимологизацию термина, надо по хронологическому ряду памятников проследить, как постепенно отдаляются,

расходятся понятие, стоящее за данным термином, и общеязыковое значение данного слова, его смысловые и словообразовательные связи. При возникновении любые термины для своего времени (для данного уровня развития знания и данного состояния языковой семантики) являются мотивированными. Первичное значение термина находит определенное отражение в его внутренней форме. Однако с течением времени эта гармония нарушается. С одной стороны, развивается знание, меняется понятие, отражая переход «от явлений к сущности, от менее глубокой сущности к более глубокой сущности» (В. И. Ленин). С другой стороны, происходят изменения в семантическом строе языка. В результате этих процессов термин деэтимологизируется.

Приведем пример из истории грамматической терминологии. Внутренняя форма термина *наречие* целиком опиралась на первоначальное понимание этой части речи как слов, относящихся к глаголу (по начальной терминологии — к *речи*). Впоследствии лексема *речь* утратила значение 'глагол', в результате термин *наречие* перестал осознаваться как мотивированный, хотя понятие о наречии оставалось прежним: «Наречие есть часть слова несклоняемая, на глагол глаголемая» («Адельфотис», 1591). Стремление к мотивированному термину вызвало варианты в обозначении наречия: *присловие* («Донат», 1521), *надглаголие* (грамматика Ф. Максимова, 1723). В дальнейшем изменились и представления о наречии, в частности, было замечено, что эта часть речи может относиться не только к глаголу. В результате традиционная мотивация потеряла свой смысл. В грамматиках укрепился целиком условный, но самый употребительный термин — *наречие*. Ср. также некогда мотивированные, а теперь непрозрачные термины *причастие*, *деепричастие*, *междометие*, *предлог*, *наклонение*, *склонение*, *спряжение*, *падеж*, *заяог* и др. Перестали быть мотивированными и более поздние термины *определение*, *дополнение*, *обстоятельство*, *приложение*, хотя их первоначальный терминологический смысл строился на основе обычных значений этих слов. Различия, которые теперь вкладываются в эти термины, условны по отношению к общему языку. Разрушение мотивированности вызвано здесь развитием понятий.

Деэтимологизация терминов-словосочетаний проявляется в их постепенной фразеологизации. Так, если в современном языке термин *имя прилагательное* является

идиоматичным, то у истоков русской грамматики его значение воспринималось буквально. Ср. определение в грамматике Смотрицкого: «Прилагательное имя приложено быть может». Следовательно, вначале термин был целиком мотивирован, поскольку понимание прилагательного начиналось именно с внешней, синтаксической стороны — прежде всего через его связь с существительным. Смысл термина здесь равен этимологии. Термин имел не только свободное значение, но и разнообразную сочетаемость, соответствующую его прямому смыслу. Так, у Смотрицкого *прилагательными* назывались слова, которые могут быть «приложены» к имени, в том числе *прилагательные числительные* (соответствует современным *количественным числительным*), *прилагательные числительные (порядковые числительные)*, *прилагательные отвечающие* и *вопросительные* (некоторые виды местоимений) и даже *прилагательные глаголы*. Позже, во времена Ломоносова, представления о прилагательном выходят за рамки буквального значения, заключенного во внутренней форме термина, но еще не порывают с ним. Четко определяя прилагательные как «имена..., значащие качество», Ломоносов в то же время пишет: «Качества без вещи самой быть не могут..., имена, значащие качество, именуются прилагательные». Наконец, в современных грамматиках понятие о прилагательном совершенно свободно от этимологических представлений, связанных с термином. С другой стороны, сама лексема *прилагательное* перестала употребляться где бы то ни было, кроме термина-фразеологизма *имя прилагательное*.

Такой же путь от свободного до фразеологического сочетания прошли выражения *действительный* (и *страдательный*) *залог*, *изъявительное* (и *сослагательное*, *повелительное*) *наклонение*, *имя существительное*, *именительный* (*родительный* и т. д.) *падеж*, *нарицательное имя* и т. д., а также более поздние термины *прямая речь*, *прямое дополнение*, *литературный язык*, *внутренняя флексия*, *логическая грамматика*, *скользящий звук*, *слитные гласные*, *сильное аканье* и др.

Таким образом, наблюдения над деэтимологизацией составных терминов проводятся с учетом изменений в семантике и сочетаемости компонентов. Одновременно по текстам устанавливается, в какой мере научные определения опираются на внутреннюю форму термина или зависят от нее.

Противоположную тенденцию в терминологии, ведущую к увеличению мотивированных обозначений, можно показать на примере любой современной микросистемы. При этом учитываются следующие факторы, способствующие мотивированности терминов и рациональности всей системы: 1) наличие словообразовательных моделей внутри системы; 2) продуктивность словообразовательных моделей, отсутствие моделей-вариантов или конкурентов; 3) продуктивность и регулярность терминоэлементов; 4) частотность терминов данной микросистемы, отсутствие вариантов и дублетов терминов. Примером такой рациональной системы мотивированных обозначений может служить гнездо языковедческих терминов, называющих значащие части слова: аффикс, суффикс, префикс, постфикс, инфикс, субфикс, кофикс, трансфикс, диффикс, суффиксоид, префиксоид, аффиксоид. Системные отношения этой группы воспроизводятся в другой микросистеме: аффиксация, суффиксация, дезаффиксация, инфиксация, префиксация и т. д. Ср. также мотивированность, членимость и системную соотнесенность терминологических рядов органической химии: этан — этил — этанол — этилен — диэтил — триэтил — полиэтилен — аце(э)тилен.; метан — метил — метанол — метилен и т. д.

Интерпретация изменений. Встает вопрос: возможно ли описание изменений в истории терминов без минимального объяснения? По-видимому, невозможно, так как утверждения типа «такие-то термины были образованы для обозначения таких-то понятий» или «синонимическое употребление ряда терминов отражало первичную нерасчлененность научных понятий» уже в определенной мере объясняют факты языка. Однако в методическом отношении полезно различать констатацию факта и его объяснение. Полезно также придерживаться определенной последовательности в объяснении.

Объяснение исторических изменений состоит прежде всего в установлении факторов развития. Общепринято различать внутриязыковые и внеязыковые факторы развития. В истории лексики преобладающее большинство изменений обусловлено ввелингвистическими причинами. Еще значительнее роль ввелингвистических причин в истории научной терминологии.

Основным внешним стимулом развития терминологии следует признать развитие науки. Потребности развивающегося знания приводят к самым важным сдвигам в

словаре науки, в терминологической семантике и онома-
сиологии. Более того, научный прогресс можно считать
первопричиной ряда других внеязыковых причин разви-
тия терминологии, таких, как целенаправленное терми-
нологическое строительство и нормализаторская работа;
влияние одной научной терминологии на язык другой на-
уки; влияние определенной национальной терминологии
на терминологию другого народа; переименования в тер-
минологии по мотивам правки; поиски «адекватных» тер-
минов и т. п. На развитии терминологии сказывается и
языковая политика в разные периоды истории: пуристи-
ческие настроения ведут к отказу от заимствования, к за-
мене ранее принятых иноязычных терминов исконными;
периоды интенсивного международного общения, напро-
тив, отмечены притоком интернациональных или ино-
язычных терминов. Несмотря на разнонаправленный ха-
рактер внеязыковых факторов развития терминологии,
все же в целом они являются той силой, которая делает
терминологию более строгой системой, чем обычные груп-
пы слов, каким-то естественным образом объединенные.

Внутриязыковые факторы истории терминологии —
это начало стихийное, алогичное, противостоящее терми-
нологизму, однако далеко не случайное и не временное.
Так, общезыковыми закономерностями вызваны основ-
ные типы смыслового и формального варьирования, при-
сущего терминологии на всех этапах ее истории.

Итак, при интерпретации исторических изменений по-
лезна рабочая классификация факторов развития терми-
нологии, однако следует подчеркнуть, что в реальной
истории различные движущие силы взаимообусловлены
и действуют одновременно. Например, такая важная чер-
та истории грамматической терминологии, как античное
влияние на ранние славянские грамматики, является, бе-
зусловно, внеязыковым фактором. Однако это внешнее
по отношению к языку обстоятельство привело к суще-
ственным языковым последствиям: первые русские грам-
матические термины представляют собой кальки. Это, в
свою очередь, сказалось в избыточности и вариантности
калек, в быстрой дестимологизации некоторых из них,
что побуждало к поискам новых обозначений; в резуль-
тате приводились в действие новые, лингвистические и
внелингвистические факторы развития терминологии.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е.
2. Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики. М., 1970.
3. Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов и сообщений на Всесоюзной научной конференции. Минск, 1970.
4. Актуальные проблемы лексикологии (доклады II лингвистической конференции). Новосибирск, 1969.
5. Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов лингвистической конференции (ч. 2, вып. 2). Новосибирск, 1969.
6. Актуальные проблемы лексикологии (доклады III межвузовской конференции 3—7 мая 1971 г.) Новосибирск, 1972.
7. Актуальные проблемы лексикологии. Доклады лингвистической конференции, ч. 1. Томск, 1971.
8. Актуальные проблемы русского словообразования, вып. 1—2. Самарканд, 1972.
9. Акуленко В. В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков, 1972.
10. Александров П. С. О понятии синонима.— В кн.: Лексическая синонимия. М., 1967.
11. Аминева Г. А. Вероятностная организация центральных механизмов речи. Казань, 1972.
12. Андреев Н. Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении. Л., 1967.
13. Андрущенко В. М. Некоторые приемы анализа лингвостатистических данных.—«Иностранные языки в школе», 1966, № 3.
14. Андрущенко В. М. Сущность количественного анализа при изучении лингвистического материала.—«Иностранные языки в школе», 1966, № 1.
15. Апресян Ю. Д. Современная лексическая семантика. 1. Вопросы семантического описания.—«Русский язык в национальной школе», 1972, № 2.
16. Апресян Ю. Д. Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики.— В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1963. М., 1963.
17. Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.
18. Апресян Ю. Д., Жолковский А. К., Мельчук И. А. Об одном способе изучения сочетаемости слов.—«Русский язык в национальной школе», 1969, № 6.
19. Арнольд И. В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования. Л., 1966.

20. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
21. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
22. Ахманова О. С., Глушко М. М., Гюббенет И. В., Долгополова И. М., Лысенко В. С., Медникова Э. М., Михедова Л. Г., Тимпко Л. А. Основы компонентного анализа. М., 1969.
23. Ахманова О. С., Мельчук И. А., Падучева Е. В., Фрумкина Р. М. О точных методах исследования языка. М., 1961.
24. Ашукин Н. Словарь языка Пушкина (рец.)—«Вопросы литературы», 1957, № 2.
25. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
26. Бар-Хиллел И. Будущее машинного перевода.—«Вопросы языкознания», 1969, № 4.
27. Бектаев К. Б., Пиотровский Р. Г. Математические методы в языкознании, ч. 1—2. Алма-Ата, 1973—1974.
28. Белахов Л. Ю. Проблемы стандартизации терминологии в СССР.—«Стандарты и качество», 1967, № 1.
29. Белецкий А. А. Лексикология и теория языкознания (Ономастика). Киев, 1972.
30. Белоногов Г. Г. О некоторых статистических закономерностях в русской письменной речи.—«Вопросы языкознания», 1962, № 1.
31. Беркли Э. Символическая логика и разумные машины. М., 1961.
32. Берков В. П. Вопросы двуязычной лексикографии. Л., 1973.
33. Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972.
34. Бірыла М. В. Беларуская антрапанімія, т. 1—2. Мінск, 1966—1969.
35. Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию, т. 1—2. М., 1963.
36. Боровой Л. Путь слова. М., 1963.
37. Брудный А. А. Семантика языка и психология человека. Фрунзе, 1972.
38. Будагов Р. А. Введение в науку о языке. М., 1965.
39. Будагов Р. А. История слов в истории общества. М., 1971.
40. Будагов Р. А. Сравнительно-семасиологические исследования (Романские языки). М., 1963.
41. Будагов Р. А. Терминология и семиотика.—«Вестник Московского университета. Филология», 1972, № 5.
42. Булахаў М. Г. Гісторыя прыметнікаў беларускай мовы. 3. Лексікалагічны нарыс (агульнаславянская лексіка). Мінск, 1973.
43. Булахов М. Г. Материалы для частотного словаря русского языка.— В кн.: Лексікалогія і граматыка. Мінск, 1969.
44. Булаховский Л. А. Введение в языкознание, ч. 2. М., 1953.
45. Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Лексика и общие замечания о слого. Киев, 1957.

46. Бурдин С. М. О терминологической лексике.—«Филологические науки», 1958, № 4.
47. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
48. Вардуль И. Ф. Слово как часть речи.— В кн.: Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Тезисы докладов. Л., 1965.
49. Вашенко В. С., Медведев Ф. П., Петрова П. О. Лексика «Энеиды» П. Котляревского. Харків, 1955.
50. Вероятностное прогнозирование в речи. М., 1971.
51. Веселитский В. В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII—начала XIX в. М., 1972.
52. Веселитский В. В. Подача составных предлогов и союзов в словаре.— В кн.: Лексикографический сборник, вып. 3. М., 1958.
53. Веселитский В. В. Принципы подачи предлогов в «Русско-французском словаре» под редакцией Л. В. Щербы и «Русско-английском словаре» под руководством А. И. Смирницкого.— В кн.: Лексикографический сборник, вып. 5. М., 1962.
54. Веселов П. В. Термин должен быть один. (Заметки лингвиста).—«Стандартизация», 1967, № 8.
55. Виноградов В. В. Идеалистические основы синтаксической системы проф. Пешковского, ее эклектизм и внутренние противоречия.— В кн.: Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.
56. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова.—«Вопросы языкознания», 1953, № 5.
57. Виноградов В. В. О формах слова.—«Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. 3, вып. 1, 1944.
58. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Изд. 2-е. М., 1972.
59. Виноградов В. В. Современный русский язык, вып. 1. М., 1938.
60. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
61. Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию.— В кн.: Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
62. Вопросы семантики. Тезисы докладов (дискуссия на расширенном заседании Филологической секции Ученого Совета Института востоковедения. Февраль 1971 года). М., 1971.
63. Вопросы терминологии. М., 1961.
64. Вопросы учебной лексикографии. Под ред. П. Н. Денисова и Л. А. Новикова. М., 1969.
65. Вопросы фразеологии. Ташкент, 1965.
66. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.—Л., 1934.
67. Габинский М. А. Очерки по основаниям грамматики. Кишинев, 1972.
68. Гак В. Г. К проблеме общих семантических законов.— В кн.: Общее и романское языкознание. М., 1972.
69. Гак В. Г. Опыт применения сопоставительного анализа к изучению структуры значения слова.—«Вопросы языкознания», 1966, № 2.
70. Галкина-Федорук Е. М. Современный русский язык. Лексика. М., 1954.

71. Галкина-Федорук Е. М., Горшкова К. В., Шанский Н. М. Современный русский язык. Лексикология. Фонетика. Морфология. М., 1957.
72. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1955.
73. Гельгардт Р. Р. О словаре языка Пушкина.—«Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. 16, вып. 4, 1957.
74. Герд А. С. Проблемы становления и унификации научной терминологии.—«Вопросы языкознания», 1971, № 1.
75. Гинзбург Е. Л. Синтаксическая типология сложных слов.— В кн.: Проблемы структурной лингвистики 1967. М., 1968.
76. Гістарычная лексікалогія беларускай мовы. Мінск, 1970.
77. Головин Б. Н. Из курса лекций по лингвистической статистике. Горький, 1966.
78. Головин Б. Н. О некоторых проблемах изучения термина.—«Вестник Московского университета. Филология», 1972, № 5.
79. Головин Б. Н. Язык и статистика. М., 1971.
80. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
81. Гудавичюс А. Об одном критерии выделения лексико-семантических групп. Опыт семантической типологии.— В кн.: Языкознание, т. 22(2). Вильнюс, 1971.
82. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человеческой речи.— В кн.: [99], ч. 1.
83. Гуцу-Ромало В. К проблеме классификации глаголов.— „Revue de linguistique“, t. 8, 1963, № 2.
84. Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1. М., 1955.
85. Даниленко В. П. Как создаются термины?—«Русская речь», 1967, № 2.
86. Даниленко В. П. Терминологизация разных частей речи (термины-глаголы).— В кн.: Проблемы языка науки и техники. Логические, лингвистические и историко-научные аспекты терминологии. М., 1970.
87. Деборин А. М. Заметки о происхождении и эволюции научных понятий и терминов.—«Вопросы языкознания», 1957, № 4.
88. Денисов П. Н. Некоторые лингвистические аспекты терминологии.—«Русский язык в школе», 1965, № 6.
89. Дмитриева Н. С. К вопросу о традиции и новаторстве в терминологии.— В кн.: Вопросы методологии и методики лингвистических исследований. Уфа, 1966.
90. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семантики. М., 1973.
91. Ефимов А. И. Стилистика русского языка. М., 1969.
92. Жирмунский В. М. О границах слова.—«Вопросы языкознания», 1961, № 3.
93. Жолковский А. К., Леонтьева Н. Н., Мартемьянов Ю. С. О принципиальном использовании смысла при машинном переводе.— В кн.: Машинный перевод (Труды Института точной механики и вычислительной техники АН СССР), вып. 2. М., 1961.
94. Жолковский А. К., Мельчук И. А. О семантическом синтезе.— В кн.: Проблемы кибернетики, вып. 19. М., 1967.
95. Жучкевич В. А. Общая топонимика. Минск, 1968.
96. Залевская А. А. Некоторые проблемы подготовки ассо-

- пятилетнего эксперимента и обработка его результатов.— В кн.: Экспериментальные исследования в области лексики и фонетики английского языка (Ученые записки), т. 98, ч. 2. Калинин, 1971.
97. Залевская А. А. Об исследовании интервербальных связей.— В кн.: Сборник докладов и сообщений лингвистического общества, т. 2, вып. 1. Калинин, 1971.
98. Засорина Л. Н. Автоматизация и статистика в лексикографии. Л., 1966.
99. Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. 1—2. М., 1964—1965.
100. Звегинцев В. А. Семасиология. М., 1957.
101. Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968.
102. Земская Е. А. Заметки по современному русскому словообразованию.—«Вопросы языкознания», 1965, № 3.
103. Земская Е. А. О соотносительности однокоренных существительных мужского и женского рода со значением лица.—«Русский язык в национальной школе», 1970, № 5.
104. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.
105. Земская Е. А. Унификсы (Об одном виде морфем русского языка).— В кн.: Вопросы филологии (Уч. зап. Московского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина), № 341. М., 1969.
106. Зенков Г. С. Вопросы теории словообразования. Фрунзе, 1969.
107. Золотова Г. А. К понятию управления.—«Русский язык за рубежом», 1971, № 2.
108. Иванов В. В. Некоторые проблемы современной лингвистики.—«Народы Азии и Африки», 1964, № 4.
109. Ивич П. О. Вуковом рјечнику из 1818 године. Београд, 1966.
110. Исследования по русской терминологии. М., 1971.
111. Інструкцыя па збіранню матэрыялаў для складання лексічнага атласа беларускай мовы. Мінск, 1971.
112. Как работать над терминологией. Основы и методы. М., 1968.
113. Калужнин Л. А., Скороходько Э. Ф. Некоторые замечания о лексической семантике.— В кн.: Исследования по структурной типологии. М., 1963.
114. Каменская О. Л. Лексикологические модели. Учебное пособие к курсу «Методы структурного анализа» для студентов отделения прикладной лингвистики. М., 1971.
115. Капанадзе Л. А. О понятиях «термин» и «терминология».— В кн.: Развитие лексики современного русского языка. М., 1965.
116. Карасев А. И. Основы математической статистики. М., 1962.
117. Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака.— В кн.: [99], ч. 2.
118. Касарес Х. Введение в современную лексикографию. М., 1958.
119. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.—Л., 1965.
120. Кемени Дж., Снелл Дж., Томпсон Дж. Введение в конечную математику. М., 1963.

121. Кесельман И. С. Опыт интерпретации аппликативной порождающей модели для английского языка.— В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1967. М., 1968.
122. Клаус Г. Сила слова. М., 1967.
123. Клименко А. П. Вопросы психолингвистического изучения семантики. Минск, 1970.
124. Клименко А. П. Дифференциальные признаки и дистрибутивно-психолингвистические характеристики существительных семантической микросистемы времени.— В кн.: Вопросы филологии, вып. 1. Фрунзе, 1964.
125. Клименко А. П. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение. Минск, 1974.
126. Клименко А. П. Проблема достоверности психолингвистического моделирования семантики.— В кн.: Проблемы модели в философии и естествознании. Фрунзе, 1969.
127. Климовицкий Я. А. Некоторые вопросы развития и методологии терминологических работ в СССР. М.—Л., 1967.
128. Ковалик І. І. Питання іменникового словотвору в східнослов'янських мовах у порівнянні з іншими слов'янськими мовами. Львів, 1958.
129. Ковтун Л. С. О словаре-справочнике «Слова о полку Игореве» (вып. 1—3).—«Филологические науки», 1970, № 5.
130. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.
131. Копыленко М. М. К экспериментальному изучению сочетаемости лексем.—«Вопросы языкознания», 1965, № 2.
132. Копыленко М. М. Опыт изучения значений и сочетаний лексем с помощью операционного анализа.— В кн.: Структурная типология языков. М., 1966.
133. Копыленко М. М., Попова З. Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1972.
134. Копыленко М. М. Сочетаемость лексем в русском языке. М., 1973.
135. Косовский Б. И. Общее языкознание. Лексикология и семасиология. Минск, 1974.
136. Красней В. П. З гісторыі фарміравання беларускай граматычнай тэрміналогіі.— В кн.: Беларуская лексікалогія і этымалогія. Мінск, 1968.
137. Кржижкова Е. П. К проблеме так называемых составных предлогов отыменного происхождения.—«Русский язык за рубежом», 1967, № 4.
138. Кубрякова Е. С. Что такое словообразование. М., 1965.
139. Кузнецов А. М. О применении метода компонентного анализа в лексике. Сопоставительно-типологический анализ терминов родства английского, датского, французского и испанского языков.— В кн.: Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем. М., 1971.
140. Кузнецова А. И. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. М., 1963.
141. Куницкий В. Н. Язык и слог комедии «Горе от ума». Киев, 1894.
142. Курилович Е. Р. Заметки о значении слова.—«Вопросы языкознания», 1955, № 3.

143. К у т и н а Л. Л. Формирование терминологии физики в России. Период предломоносовский: первая треть XVIII века. М.—Л., 1966.
144. К у т и н а Л. Л. Формирование языка русской науки (Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века). М.—Л., 1964.
145. Л е в и т с к и й В. В. Частотный словарь языка учебных пособий мединститута. М., 1966.
146. Л е в к о в с к а я К. А. Теория слова. Принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. М., 1962.
147. Л е д е н е в Ю. И. Неполнозначные слова в русском языке (к проблематике их изучения).— В кн.: Научные труды Краснодарского педагогического института, вып. 54. Вопросы современного русского языка и истории его развития (сборник статей). Краснодар, 1966; его же: О конверсионной омонимии неполнозначных слов.— В кн.: Русский язык. Материалы и исследования, вып. 2. Ставрополь, 1969.
148. Л е к о в И. Единство и национально своеобразие на слайнски-те езици в техниа основен речников фонд. София, 1955.
149. Лексика современного русского литературного языка. М., 1968.
150. Лексикографический сборник, вып. 1—4. М., 1957—1963.
151. Лексические минимумы русского языка. М., 1972.
152. Л е н д ъ е л Л. «Переносное значение» или «образное употребление» слова?— В кн.: Лексикология и лексикография. М., 1972.
153. Л е о н т ъ е в А. А. Психоллингвистика.—«Русская речь», 1969, № 1.
154. Л е о н т ъ е в А. А. Психоллингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969.
155. Л е о н т ъ е в А. А. Слово в речевой деятельности. М., 1965.
156. Л е о н т ъ е в А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.
157. Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970.
158. Л и х т м а н Р. И. К вопросу об основных понятиях словообразования.—«Известия АН СССР. Серия литературы и языка», т. 32, 1973, вып. 2.
159. Л о м т е в Т. П. Конструктивное построение смыслов имен с помощью комбинаторной методики.—«Филологические науки», 1964, № 2.
160. Л о м т е в Т. П. Принцип отражения и его значение для лингвистической семантики.—«Филологические науки», 1970, № 1.
161. Л о м т е в Т. П. Принципы выделения дифференциальных семантических элементов.— В кн.: Лексика. Грамматика. Материалы и исследования по русскому языку (Ученые записки), вып. 192. Пермь, 1972.
162. Л о п а т и н А. В., У л у х а н о в И. С. Г. О. Винокур и современная словообразовательная наука.—«Русский язык в национальной школе», 1967, № 6.
163. Л о т т е Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. М., 1961.
164. Л у р и я А. Р. Речевые реакции ребенка и социальная среда.— В кн.: Речь и интеллект деревенского, городского и беспризорного ребенка. Л., 1930.

165. Макаров В. В. Проблемы лексико-семантической дифференциации романских языков. Минск, 1972.

166. Марков А. А. Об одном применении статистического метода.—«Известия императорской академии наук». Серия 6, 1916, т. 10, № 4.

167. Мартынаў В. У., Шуба П. П., Ярмаш М. І. Марфемная дыстрыбуцыя ў беларускай мове. Дзеяслоў. Мінск, 1967.

168. Мартынов В. В. Анализ по семантическим микросистемам и реконструкция праславянской лексики.— В кн.: Этимология, 1968. М., 1971,

169. Мартынов В. В. Кибернетика. Семиотика. Лингвистика. Минск, 1966.

170. Материалы V Всесоюзного лексикографического совещания. Фрунзе, 1964.

171. Машинный перевод и прикладная лингвистика, вып. 8. М., 1964.

171а. Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания. М., 1974.

172. Мельчук И. А. К вопросу о «внешних» различительных элементах: семантические параметры и описание лексической сочетаемости.— В кн.: To Honor Roman Jakobson. Essays on the Occasion of his Seventieth Birthday, v. 2. The Hague—Paris, 1967.

173. Мельчук И. А. К понятию словообразования.—«Известия АН СССР. Серия литературы и языка», т. 26, 1967, в. 4.

174. Мельчук И. А. Об определении большей/меньшей смысловой сложности при словообразовательных отношениях.—«Известия АН СССР. Серия литературы и языка», т. 28, 1969, в. 2.

175. Мельчук И. А. Строение языковых знаков и возможные формально-смысловые отношения между ними.—«Известия АН БССР. Серия литературы и языка», т. 27, 1968, вып. 5.

176. Методы структурного дослідження мови. Київ, 1968.

177. Методы экспериментального анализа речи. Тезисы докладов. Минск, 1968.

178. Миновичев В. С. Фонетическая терминология в трудах И. А. Бодуэна де Куртенэ.— В кн.: Лингвистическая терминология и прикладная топонимика. М., 1964.

179. Михневич А. Е. О взаимодействии семантики и синтаксиса (понятийная категория и ее языковое воплощение).—«Филологические науки», 1969, № 6.

180. Моисеев А. И. Термины родства в современном русском языке.—«Филологические науки», 1963, № 3.

181. Морковкин В. В. Идеографические словари. М., 1970.

182. Морковкин В. В. К вопросу об адекватной семантизации слова.— В кн.: Памяти академика В. В. Виноградова. М., 1971.

183. Моррис Ч. Наука, искусство и технология.— В кн.: Современная книга по эстетике. М., 1957.

184. Москаленко Н. А. Нарис історії української граматичної термінології. Київ, 1959.

185. Москаленко Н. А. О путях развития украинской грамматической терминологии. В кн.: Славянська лингвистична терминологія. Сборник статій. Софія, 1962.

186. Москаленко А. А. Українська лексика першої половини XIX ст. Одесса, 1969.

187. Москаленко А. А. Лексика української літературної мови другої половини XIX — початку XX ст. Одесса, 1970.

188. Москoвaя Э. А. Опыт анализа по дифференциальным признакам семантической группы глаголов движения. В кн.: «Ученые записки Оренбургского педагогического института», в. 19, 1968.
189. Москoвaя Э. А. Опыт составления частотного словаря диалектной речи.— В кн.: Вопросы истории и диалектологии русского языка. Челябинск, 1965.
190. Мразек Р. Синтаксическая дистрибуция глаголов и их классы.—«Вопросы языкознания», 1964, № 3.
191. Муравичка М. П. Некоторые вопросы полисемии. Киев, 1964.
192. Натансон Э. А. Требования, предъявляемые к научным и техническим терминам.—«Научно-техническая информация», 1969, № 1.
193. Научная конференция. Вопросы описания лексико-семантической системы языка. Тезисы докладов, ч. 1, 2. М., 1971.
194. Научная конференция «Проблемы формализации семантики языка. Тезисы докладов». М., 1964.
195. Нешиной В. В. Лексическая параметризация текста.—«Весті Академії наук БССР», серія громадських наук, 1973, № 4.
196. Никoнoв В. А. Введение в топонимику. М., 1965.
197. Новое в лингвистике (сборники статей). М., вып. 1, 1960; 2, 1962; 3, 1963; 4, 1965; 5, 1970; 6, 1972.
198. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.
199. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1968.
200. Ольминский М. С. Щедринский словарь. Под ред. М. М. Эссен и П. Н. Лепешинского. М., 1937.
201. Основы теории речевой деятельности. М., 1974.
202. Палермо Д. С. Словесные ассоциации и речевое поведение детей.— В кн.: Изучение развития и поведения детей. М., 1966.
203. Панов М. В. Синтаксис.— В кн.: Русский язык и советское общество. Проспект. Алма-Ата, 1962.
204. Пап Ф. Количественный анализ словарной структуры некоторых русских текстов.—«Вопросы языкознания», 1961, № 6.
205. Перебийніс В. С. Дослідження лексичної системи на основі аплікативної породжуючої моделі.— В кн.: Структурно-математична лінгвістика. Київ, 1965.
206. Петушков В. П. Лингвистика и терминоведение.— В кн.: Терминология и норма. М., 1972.
207. Пешковский А. М. Школьная и научная грамматика. Берлин, 1922.
208. Пизани В. Этимология. М., 1956.
209. Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959.
210. Пособие-инструкция для подготовки и составления региональных словарей русского языка. М., 1960.
211. Потехина А. А. Из записок по русской грамматике. М., т. 1—2, 1958; 3, 1968; 4, 1974.
212. Поэт и слово. Опыт словаря. Под редакцией В. П. Григорьева. М., 1973.
213. Поэтика, т. 1. Варшава, 1961.
214. Поэтика, т. 2. Варшава, 1966.
215. Проблема толкования слов в филологических словарях. Рига, 1963.

216. Проблемы изучения семантики языка. (Тезисы докладов на научной конференции, посвященной 50-летию Днепропетровского государственного университета), ч. 1, 2. Днепропетровск, 1968.
217. Проблемы лексикологии. Минск, 1973.
218. Проблемы семантики. М., 1974.
219. Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. Под ред. А. М. Бабкина. М.—Л., 1964.
220. Прохорова В. Н. Специальная терминология в современном русском языке.—«Русский язык в школе», 1962, № 3.
221. Психоллингвистика за рубежом. М., 1972.
222. Пуанкаре А. Наука и метод. Спб., 1910.
223. Ревзина О. Г. Структура словообразовательных полей в славянских языках. М., 1969.
224. Резников Л. О. Понятие и слово. Л., 1958.
225. Речевое воздействие. Проблемы прикладной психоллингвистики. М., 1972.
226. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967.
227. Реформатский А. А. Что такое термин и терминология.— В кн.: «Вопросы терминологии». М., 1961.
228. Рихтер А. И. Лекции по введению в языковедение. Донецк, 1962.
229. Рождественский Ю. В. Типология слова. М., 1969.
230. Ройзензон Л. И., Бушуй А. М.— В кн.: Материалы к общей библиографии по вопросам фразеологии, вып. 2. Самарканд, 1970.
- 230а. Ройзензон Л. И. Лекции по общей и русской фразеологии. Самарканд, 1973.
231. Рокицкий П. Ф. Биологическая статистика. Минск, 1973.
232. Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. Под ред. М. В. Панова. М., 1968.
233. Савченко А. Н. Язык и системы знаков.—«Вопросы языкознания», 1972, № 6.
234. Сахарный Л. В. Осознание значения слова носителями языка и типы отражения этого сознания в речи.— В кн.: Актуальные проблемы психологии речи и психологии обучения языку. М., 1970.
235. Селиверстова О. Н. Обзор семантических работ по компонентному анализу.—«Филологические науки», 1967, № 5.
236. Селиверстова О. Н. Опыт семантического анализа слов типа «все» и типа «кто-нибудь».—«Вопросы языкознания», 1964, № 4.
237. Семереньи О. Славянская этимология на индоевропейском фоне.—«Вопросы языкознания», 1967, № 4.
238. Семантическая структура слова. М., 1971.
239. Семантические проблемы автоматизации информационного поиска, Киев, 1971.
240. Синенко Г. Д. Частотный словарь «Повести о детстве» Ф. В. Гладкова и вопросы литературного стиля.—«Вісник БДУ ім'я У. І. Леніна», серія IV, 1973, № 1.
241. Скороходько Э. Ф., Пшеничная Л. Э., Кар-Ялайне И. Н., Медведев А. А., Грязнухина Т. А., Савченко Е. Н. Информационно-поисковая система «БИТ». Киев, 1968.
242. Словарь ассоциативных норм русского языка (Пробные статьи).— В кн.: Актуальные проблемы психологии речи и психологии обучения языку. М., 1970.

243. Словарь комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», вып. 1. (А — Б). Составитель В. Ф. Чистяков. Смоленск, 1939.
244. Словарь современного русского литературного языка в 17 томах. М. — Л., 1948—1965.
245. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 1—4. М., 1963—1973.
246. Словарь языка Пушкина, т. 1—4. М., 1956—1961.
247. Смирницкий А. И. Значение слова.—«Вопросы языкознания», 1955, № 2.
248. Смирницкий А. И. К вопросу о слове (проблема «отдельности слова»).— В кн.: Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. М., 1952.
249. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956.
250. Смирницкий А. И. Некоторые замечания о принципах морфологического анализа слов.— В кн.: Доклады и сообщения филологического факультета МГУ, вып. 1. М., 1948.
251. Соболева П. А. О трансформационном анализе словообразовательных отношений.— В кн.: Трансформационный метод в структурной лингвистике. М., 1964.
252. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1971.
253. Соловьева И. М. Нормализация научно-технической терминологии.— В кн.: Особенности языка научной литературы М., 1965.
254. Солоницын Ю. В. О цифровых показателях, характеризующих «силу» управления.—«Вопросы языкознания», 1966, № 2.
255. Сорокин Ю. С. Словарь языка Пушкина в четырех томах.—«Вопросы языкознания», 1957, № 5.
256. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1933.
257. Статистика речи. Л., 1967.
258. Статистичні параметри стилів. Київ, 1967.
259. Степанов Ю. С. Основы языкознания. М., 1966.
260. Степанов Ю. С. Семантика. М., 1971.
261. Степанова М. Д. Вопросы компонентного анализа в лексике.—«Иностранные языки в школе», 1966, № 5.
262. Степанова М. Д. Методы синхронного анализа лексики. М., 1968.
263. Степанова М. Д. Словообразование, ориентированное на содержание и некоторые вопросы анализа лексики.—«Вопросы языкознания», 1966, № 1.
264. Столбовая Л. В. К анализу группы существительных, обозначающих географические объекты.— В кн.: Вопросы романо-германской филологии и общего языкознания. Минск, 1972.
265. Ступин Л. П. Словари современного английского языка. Л., 1973.
266. Судавичене Л. Из опыта составления частотного словаря языка К. Паустовского.— В кн.: Языкознание, т. 22(2). Вильнюс, 1971.
267. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973.
268. Супрун А. Е. Лекции по языкознанию. Минск, 1971.
269. Супрун А. Е. Статистика сочетаемости и семантика слов. В кн.: Вычислительная лингвистика. М., 1975.
270. Супрун А. Е. Части речи в русском языке. М., 1971.

271. Супрун А. Е., Клименко А. П., Толстая М. С. К сопоставлению психолингвистического и дистрибутивного анализа семантики.— В кн.: Методы экспериментального анализа речи. Минск, 1968.

272. Супрун А. Е., Плотников Б. А. К статистическому анализу дистрибуции одной лексической группы.— В кн.: Вопросы лингвостатистики и автоматизации лингвистических работ. (Труды ЦНИИПИ, 3 серия), вып. 4. М., 1970.

273. Суходольский Г. В. Основы математической статистики для психологов. Л., 1972.

274. Сухотин В. П. Словарь языка Пушкина. Т. 1—4.—«Вестник АН СССР», 1962, № 5.

275. Тарашкевич Б. Беларуская граматыка для школ. Вильня, 1918.

276. Тархова В. А. Хрестоматия по лексикологии французского языка. Л., 1972.

277. Творогов О. В. О применении частотных словарей в исторической лексикологии русского языка.—«Вопросы языкознания», 1967, № 2.

278. Тезисы докладов Межвузовской конференции по применению структурных и статистических методов исследования словарного состава языка. М., 1961.

279. Тезисы научной конференции молодых научных работников.— В кн.: Проблемы компонентного анализа. М., 1973.

280. Теория речевой деятельности. М., 1968.

281. Терминология и норма. М., 1972.

282. Титова А. И. Устойчивые ассоциации лексем в славянских языках.—«Вестник БДУ імя У. І. Леніна», серия IV, 1973, № 2.

283. Титова Л. Н. Киргизско-русский ассоциативный словарь. Фрунзе, 1975.

284. Тихонов А. Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка. Самарканд, 1971.

285. Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова. Т. 1—4. М., 1935—1940.

286. Толстой Н. И. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. I.—«Вопросы языкознания», 1963, № 1; II.—«Вопросы языкознания», 1966, № 5.

287. Толстой Н. И. Некоторые проблемы славянской сравнительной семасиологии.— В кн.: Славянское языкознание. М., 1968.

288. Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. Семасологические этюды. М., 1969.

289. Топоров В. Н. О введении вероятности в языкознание.— «Вопросы языкознания», 1959, № 6.

290. Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.

291. Трубачев О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960.

292. Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.

293. Турко Л. А. Частотный словарь русской разговорной речи.— В кн.: Статистика речи. Л., 1968.

294. Тыпалогія і ўзаемадзеянне славянскіх моў і літаратур. Мінск, 1973.

295. Українсько-російський словник. Т. 1—3. Київ, 1971.

296. Успенский Л. Биография слов.—«Наука и жизнь», 1963, № 3.
297. Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы. М., 1962.
298. Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968.
299. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, вып. 4, т. 2. М., 1964—1973.
300. Феллер М. Д. О семантических явлениях в лексике, связанной с книгопечатанием (На материале русского и немецкого языков).—«Вестник ЛГУ», серия истории, языка и литературы, 1965, № 14.
301. Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов.— В кн.: Езиковедски изследвания в чест на акад. Ст. Младенов. София, 1957.
302. Филиппова В. М. Наблюдения над развитием некоторых глагольных словосочетаний в русском литературном языке XIX в.— В кн.: Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. 5. М., 1962.
303. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. Т. 1—2. М., 1956.
304. Фрумкина Р. М. Вероятность элементов текста и речевое поведение. М., 1971.
305. Фрумкина Р. М. Статистические методы изучения лексики. М., 1964.
306. Хараков П. И. Частотный словарь современного русского языка. Фрунзе, 1971.
307. Хидекель С. С., Гинзбург Р. З., Князева Г. Ю., Санкин А. А. Английская лексикология в выдержках и извлечениях. Л., 1969.
308. Хомский Н. Синтаксические структуры.— В кн.: [197], вып. 2.
309. Хомский Н. Три модели описания языка.— В кн.: Кибернетический сборник, вып. 2. М., 1963.
310. Частотный словарь общенаучной лексики. М., 1970.
311. Шайкевич А. Я. Распределение слов в тексте и выделение семантических полей.— В кн.: Иностранные языки в высшей школе, вып. 2. М., 1963.
312. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М., 1972.
313. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968.
314. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., 1959.
315. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М., 1963.
316. Шанский Н. М. В мире слов. М., 1971.
317. Шанский Н. М. (ред.). Этимологический словарь русского языка, т. 1, вып. 1—5. М., 1963—1973.
318. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е. М., 1971..
319. Шапиро А. Б. Некоторые вопросы теории синонимов.— В кн.: Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, вып. 8. М., 1955.
320. Шарка Г. Сопоставительный анализ семантической структуры глаголов идти и eiti в литовском и русском языках.— В кн.:

Языкознание. Ученые записки высших учебных заведений Литовской ССР, вып. 6. Вильнюс, 1963.

321. Шаумян С. К., Соболева П. А. Основания порождающей грамматики русского языка. М., 1968.

322. Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. Изд. 4-е. М., 1941.

323. Шахматов А. А. Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку. М., 1952.

324. Шведова Н. Ю. Несколько замечаний по поводу статьи Ю. Д. Апресяна «Синонимия и синонимы». — «Вопросы языкознания», 1970, № 3.

325. Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966.

326. Шимчук Э. Г. К методике историко-лексикологических исследований. — «Известия АН СССР», серия литературы и языка, т. 21, 1972, вып. 3.

327. Шмелев Д. Н. К вопросу о «производных» служебных частях речи и междометиях. — «Известия АН СССР», отделение литературы и языка, т. 20, 1961, вып. 6.

328. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.

329. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

330. Штейнфельд Э. А. Частотный словарь современного русского литературного языка. Таллин, 1963.

331. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

332. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии. — В кн.: Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. 1. Л., 1958.

333. Щерба Л. В. Словарь академический и словарь-справочник. — «Русская речь», 1968, № 5.

334. Эйнштейн А. Общий язык науки. — В кн.: Эйнштейновский сборник. 1966. М., 1966.

335. Яглом А. М., Яглом И. М. Вероятность и информация. Изд. 3-е. М., 1973.

336. Якобссон Г. Развитие понятия времени в свете славянского *časъ*. — „Scando — Slavica“, 1958, v. 4.

336а. Янкоўскі Ф. Беларуская фразеалогія. Мінск, 1968.

337. Bechtel F. Über die Bezeichnungen der sinnlichen Wahrnehmungen in den indogermanischen Sprachen. Weimar, 1879.

338. Bendix E. Componential Analysis of General Vocabulary. — „Journal of American Linguistics“, 2, 1966.

339. Benni T., Loś J., Nitsch K., Rozwadowski J., Ułaszyn H. Gramatyka języka polskiego. Kraków, 1921.

340. Bezlaž F. Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967.

341. Bierwisch M. Semantics. — In.: New Horizons in Linguistics. Penguin Books, 1970.

342. Buck C. D. A. Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indoeuropean Languages. Chicago, 1949.

343. Carnap R. Foundations of Logic and Mathematics. The Structure of Language. — In.: Readings in the Philosophy of Language. New Jersey, 1964.

344. Coseriu E. Les structures lexématiques. „Zeitschrift für

- französische Sprache und Literatur". „Probleme der Semantik“, 1968
345. Cramer P. Word Association. New-York—London, 1968.
346. Darmsteter A. La vie des mots. Paris, 1889.
347. Dokulil M. Tvorení slov v eestine. I. Teorie odvozování slov. Praha, 1962.
348. Doroszewski W. Elementy leksykologii i semiotyki. Warszawa, 1970.
349. Doroszewski W. Kategorie słowotwórcze.—„Sprawozdania z czynności i posiedzeń polskiej Akademii umiejętności“ t. XLVI, N. 1—3, 1945.
350. Doroszewski W. Monografie słowotwórcze.—„Prace filologiczne“, t. 13, 1928.
351. Doroszewski W. Syntaktyczne podstawy słowotwórstwa.—In: Z polskich studiów slawistycznych. Warszawa, 1963.
352. Filipec J. Česká synonyma z hlediska stylistiky a lexicologie. Praha, 1961.
353. Fillmore Ch. Toward a Modern Theory of Case. Research Foundation. The Ohio State University, 1966.
354. Godenough W. Componential Analysis and the Study of Meaning.—„Language“, v. 32, N. 1, 1956.
355. Greimas A. Semantique structurale. Paris, 1966.
356. Grodziński E. Znaczenie słowa w języku naturalnym. Warszawa, 1964.
357. Horecký J. Slovenská lexicológia. Bratislava, 1971.
358. Hornby A. S., Catenby E. V., Wakerfield H. The Advanced Learner's Dictionary of Current English. London, 1951.
359. Jelinek J., Becka J., Tesitelová M. Frekvence slov, slovních druhů a tvarů v českém jazyce. Praha, 1961.
360. Josselson H. H. The Russian Word Count. Detroit, 1953.
361. Katz J., Fodor J. The Structure of a Semantic Theory.—„Language“, v. 39, N 2, 1963.
362. Kohout J. Lexikální rozbor a popis adjektiv v rustine a eestine. Praha, 1971.
363. Kroeber A. Classificatory Systems of Relationship.—„Journal of the Royal Anthropological Institute“, v. 39, 1909.
364. Kurcz I. Polskie normy powszechności skojarzeń swobodnych na 100 słów z listy Kent—Rosanoffa.—„Studia psychologiczne“, t. 8, 1967.
365. Lexicologie du français moderne. M., 1971.
366. Lounsbury F. A Semantic Analysis of the Pawnee Kinship Terms.—„Language“, v. 32, N 1, 1956.
367. Machek V. Verbes slaves pour désigner les cinq sens.—„Sborník prací filosofické fakulty brněnské university“, roč. IV, (A), c. 3, 1955.
368. Manual of Lexicography. L. Zgusta in Cooperation with (Set), Praha, 1971.
369. Marchand H. The Categories and Types of Present-day

English Wördformation. A Synchronic-Diachronic Approach. Wiesbaden, 1960.

370. Meyer-Lübke W. Romanisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1935.

371. N e m e c I. Vývojové postupy české slovní zásoby. Praha, 1968.

372. Noble C. An Analysis of Meaning.—„Psychological Review“, v. 59, N 6, 1952.

373. Norms of Word Association. Ed. by L. Postman and G. Keppel. New-York—London, 1970.

374. Osgood C., Suci G., Tannenbaum P. The Measurement of Meaning. Urbana, 1957.

375. The Oxford English Dictionary in 12 Volumes. Oxford, 1971.

376. Pierce Ch. Selected Writings. New-York, 1940.

377. Pollio H. R. The Structural Basis of Word Association Behavior. The Hague—Paris, 1966.

378. Pottier B. La définition sémantique dans les dictionnaires.—„Travaux de linguistique et de littératures romanes“, III, 1, 1965.

379. Psycholinguistics. A Book of Readings. Ed. S. Saporta. New-York—Chicago—Toronto—London, 1961.

380. Psycholinguistics. A. Survey of Theory and Research Problems. Ed. C. E. Osgood and T. A. Sebeok. Bloomington—London, 1965.

381. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, II. Zagreb, 1884—1886.

382. Rosengren I. Semantische Strukturen. Kopenhagen, 1966.

383. Sambor J. Słowa i liczby. Zagadnienia językoznawstwa statystycznego. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1972.

384. Schippan T. Einführung in die Semasiologie. Leipzig, 1972.

385. Schmidt W. Lexikalische und aktuelle Bedeutung. Berlin, 1963.

386. Sgall P. a kolektiv. Cesty moderní jazykovedy. Praha 1964.

387. Slovo a slovník. Bratislava, 1973.

388. Thorndike E. L., Lorge I. Teacher's Word Book of 30 000 Words. New-York, 1959.

389. Wartburg W. Französisches etymologisches Wörterbuch, XII.

390. Weinreich U. Exploration in Semantic Theory.—„Current Trends in Linguistics“ v. 3, 1966.

391. Wierzbicka A. Kocha, lubi, szanuje. Medytacje semantyczne. Warszawa, 1971.

392. Worth D. S., Kozak A. S., Johnson D. B. Russian Derivational Dictionary. New-York, 1970.

393. Zawadowski L. Podzielność morfologiczna a znaczenie wyrazu.—„Językoznawstwo“, A, N 5, 1957.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Лексическая система и методы ее изучения (А. Е. Супрун)	5
Проблема системности лексики	5
Лексика и семантика	9
Некоторые аспекты содержания слова	13
Некоторые вопросы употребления слова	18
Синхронический анализ семантики	22
Типы значений слова (Б. И. Косовский).	22
Компонентный анализ семантики (А. В. Посох)	38
Тематическое изучение лексики (И. В. Шадурский)	48
Психолингвистическое изучение семантики	52
Психолингвистические методики исследования значений (А. П. Клименко)	52
Свободный ассоциативный эксперимент. Ассоциативные словари (Л. Н. Титова).	56
Направленные ассоциативные эксперименты (А. П. Клименко, Л. Н. Титова)	64
Эксперимент на оценку смысловой близости (Н. П. Сержан)	70
Дистрибутивный анализ семантики	74
Сочетаемость и семантика (Б. А. Плотников)	74
Метод дистрибутивно-статистического изучения семантики (Л. Т. Торочешникова)	81
Статистическое изучение лексики	94
Статистические методы исследования лексики. Частотные словари (Н. С. Можейко)	94
Словари писателей и составление словариков отдельных произведений (Е. И. Гильденберг)	102
Длина текста и объем словаря. Показатели лексического богатства текста (В. В. Нешиной)	110
Грамматический аспект слова	119
Слово в грамматике (Б. Ю. Норман)	119
Проблемы описания служебных слов (П. П. Шуба).	133
Слово в словосочетании и в фразеологизме (А. И. Наркевич).	141

Словообразовательный и морфемный анализ слова	148
Методы построения морфемного словаря (Л. М. Шахун)	148
О некоторых методах словообразовательного анализа (Н. А. Павленко)	153
Сопоставительно-типологический анализ лексики (А. Е. Супрун)	163
Историческое исследование лексики	170
Историко-типологическое изучение лексики (В. В. Макаров).	170
К реконструкции лексической подсистемы (Н. В. Ивашина).	179
Анализ терминологии	186
О специфике и анализе термина (В. П. Красней)	186
Принципы исторического изучения терминологии (Н. Б. Меч- ковская)	200
Библиография	213

Методы изучения лексики

Редактор А. М. Ляпич
Художественный редактор В. Т. Лапицкий
Технический редактор Н. Ф. Кленова
Корректор В. М. Кизил

АТ 06256. Сдано в набор 12/II 1975 г.
Подписано к печати 24/VII 1975 г.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 3.
Физ. печ. л. 7,25 Усл. печ. л. 12,18. Учетн.-изд. л. 13,45.
Тираж 2700 экз. Заказ 374. Цена 1 руб. 36 коп.
Издательство Белорусского
государственного университета им. В. И. Ленина.
Минск, ул. Кирова, 24.
Типография Издательства БГУ им. В. И. Ленина.
Минск, ул. Кирова, 24.